

Министерство образования РСФСР
Свердловский ордена «Знак Почета»
государственный педагогический институт

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СЕМАНТИКА СЛОВА

Сборник научных трудов

Свердловск 1992

Рассматривается актуальная проблема лингвистики — функциональный анализ единиц различных лексических, грамматических и функционально-грамматических классов. Проблема решается в двух аспектах: функционально-семантическом и функционально-грамматическом.

Адресуется преподавателям вузов, студентам-филологам.

Печатается по решению редакционно-издательского совета Свердловского пединститута

Редакционная коллегия: докт. филол. наук А. П. Чудинов (отв. ред.); канд. филол. наук М. Л. Кусова; канд. филол. наук Е. И. Плотникова; докт. филол. наук Н. Е. Сулименко; докт. филол. наук М. Ю. Федосюк; докт. филол. наук Н. А. Купина

Рецензенты: канд. филол. наук, доц. О. А. Михайлова (Уральский университет); канд. филол. наук, доц. И. В. Артюшков (Башкирский пединститут)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Теория системности лексики как особое направление лингвистики до настоящего времени ориентирована преимущественно на парадигматические и синтагматические связи словесных знаков в языковой системе. Как известно, еще Ф. де Соссюр, рассматривая антиномии языка и речи, охарактеризовал последнюю как явление несистемное, переменное, случайное. Представляется, что на современном этапе развития науки этот тезис нуждается в существенном уточнении: речь не менее системна, чем язык, но это системность совершенно особого плана. Публикации целого ряда совершенно различных по своим теоретическим воззрениям лингвистов (М. Н. Кожина, Э. В. Кузнецова, Л. М. Майданова, Л. А. Новиков, И. А. Стернин, Д. Н. Шмелев и др.) показывают, что многие факты, ранее представлявшиеся случайными, в действительности являются отражением специфической речевой системности. Так, исследование регулярного варьирования глагольной семантики позволило обнаружить, что уровень системности речевого варьирования, по крайней мере, не уступает регулярности языкового варьирования, но характер системности в речи не такой, как в языке.

Предлагаемый сборник объединяет стремление авторов сосредоточить свое внимание на функционировании слова в речи, восприятии речевого слова как совершенно особого явления, а не просто реализации заложенной в языке программы. Системность речевой семантики лексических единиц рассматривается авторами в различных аспектах: объектом исследования служат синонимические ряды, слова с однотипными вторичными значениями, лексико-семантические группы и даже отдельные лексические единицы; столь же разнообразны материалы для исследования: это может быть конкретный художественный текст, цикл произведений одного автора, отражающая общие закономерности русского словоупотребления выборка слов той или иной группы из текстов разных писателей, толковые словари — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1948—1965 (БАС); Словарь русского языка: В 4 т. 2-е изд. М., 1981—1984 (МАС-2).

Редакционная коллегия планирует продолжить выпуск сборников научных трудов по проблемам функциональной семантики слова и приглашает к сотрудничеству языковедов, работающих в этой области.

Н. Е. СУЛИМЕНКО

Российский педуниверситет имени А. И. Герцена

ТЕКСТОВОЕ СЛОВО В ПРЕДСТАВЛЕНИИ ЗВУКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Рассматривается языковая картина мира как способ проявления личностного начала в языке в одном из аспектов — звуковая картина мира в ее лексическом представлении.

По современным лингвистическим представлениям, «нельзя познать сам по себе язык, не выйдя за его пределы, не обратившись к его творцу, носителю, пользователю — человеку, к конкретной языковой личности»¹.

Языковая картина мира как способ проявления личностного начала в языке, когнитивного и прагматического уровня в структуре языковой личности может подвергаться общему, глобальному, или аспектному рассмотрению в тексте. Один из таких аспектов — звуковая картина мира в ее лексическом представлении.

Выбор данного аспекта связан со значимостью акустической среды для ориентации человека в мире, осуществления его коммуникативных потребностей, а также с той особой ролью, которая принадлежит глаголам звуковой семантики в экспликации картины мира.

Организирующая роль глагола в передаче текстовых ситуаций согласуется с данными фреймового и психолингвистического подходов, при которых глагольная рамка представляет собой частный случай схем, с помощью которых хранятся знания человека, часть его семантической памяти. Если считать всю информацию, включая лингвистическую, организованной по типу фреймов, то семантическим фреймом предстает и ситуация как «внутриязыковой способ выделения одного из «кадров» внешней действительности»². Понимание ситуации как семантического фрейма, как выражаемого средствами языка общего представления о фрагменте реального мира открывает путь к изучению картины мира в системе текстовых ситуаций.

Изучение звуковой картины мира целесообразно связать с текстами, имеющими дополнительные стимулы к ее языковому воплощению. В нашем случае это текст повести Г. Беглова «Досье на самого себя»*, написанной кинорежиссером и предназначенной и для экранизации, и для чтения. Экранизация требует предельной точности звуковой характеристики изобра-

* См.: Нева. 1988. № 9—10. Далее при цитировании в скобках указаны номер журнала и страница.

жаемых сцен, информации об условиях, порождающих звук, его источниках, среде его распространения, объектах, каузаторах звучания, субъектах восприятия звука. Предельно разнообразны должны быть и способы описания общения действующих лиц, их речевой манеры, интонации, дающих представление о личности говорящего, его эмоциональной сфере, характере, пристрастиях, возрасте и т.п. Ориентация же на читателя предполагает, кроме того, привлечение языковых средств, просто констатирующих наличие звуковой ситуации.

Семантика звучания реализована в серии текстовых ситуаций, иерархически организованных в пределах повести, все многообразие которых условно можно свести к двум типам: 1) ситуации с преобладанием речевого общения в той или иной среде, в тех или иных условиях, поскольку принадлежность персонажа к тем или иным социокультурным группам, коллективам — важная черта языковой личности, характеризующая ее прототип; 2) ситуации звукового состояния изображаемой внешней среды.

В исследуемом нами тексте использованы все слова соответствующей идеографической группы, отмеченные в «Лексической основе русского языка»³, за исключением некоторых, сравнительно новых, так как хронологически и тематически они не соответствуют изображаемому в повести событиям.

Рассмотрим языковые способы воплощения типовых ситуаций, хотя их выделение в известной мере условное, огрубленное, нежесткое.

В пределах первого типа представлены ситуации преимущественно неофициального общения лиц разных возрастных и социальных групп в обычных и экстремальных условиях — значительное место в повести занимают ситуации речевого общения молодежи, общения в условиях заключения и др.

1. Разговор с приятелем о знакомстве с девушкой.

«Я не идёу». — «Не идешь?» Ленька **перестал хрустеть** макаронами. Он был очень смешон с набитым ртом. «Но она умрет, — **зашептал** Ленька, — за ней следом умрут ее мама и папа. За ними — сестренка. За сестренкой последую...» Ленька заморгал часто-часто и, проглотив жвачку, **заплакал**. У него полились слезы. Настоящие слезы. Это было уже сверхъестественное. Я тут же простил ему **болтовню** о дружбе, его раздражающе богатый костюм, простил ему все. Он был талантлив. Несомненно талантлив. «Как ее имя?» — **спрашиваю** я, словно действительно решил избавить их всех от смерти. «Людмила. Урожденная Фридман», — **отчеканивает** Ленька.

<...> Тщательно осмотрев хлопчатобумажные серенькие брюки, купленные на барахолке полгода назад, Ленька **щелкает пальцами**. «Это может стать пикантным! Нужен уют и мокрая тряпка». Уют грелся неправдоподобно долго. А когда я в десятый раз подошел, чтобы пощупать его... пальцы прилипли к

нему. Я **заорал** так, что, кажется, до сих пор помню этот **крик**» (9, 20).

Обращает на себя внимание ядерная роль глаголов звучания и отглагольных имен в передаче ситуации, причем как собственно глаголов речи, так и иных. Прекращение звучания (**перестал хрустеть**) служит сигналом перехода к сообщению информации (момент эмоциональной реакции и обдумывания ситуации). К этому же сводится, по существу, роль паралингвистических средств (**заплакал, щелкает пальцами**). Способом организации функционально-семантического поля текста выступают межчастеречные связи слов с опорой на синонимы и гипонимы ЛСГ глаголов звучания (**кричать — крик, воющий, болтовня, заорал, отекачивает, щелкает, хрустеть, зашептать** и др.). Артистизм натуры персонажа передан ситуативно точным подбором глаголов, в авторской речи сопровождающих диалог и фиксирующих голосовые модуляции (указание на силу, степень четкости, скорость произнесения реплик, переход к пению) вплоть до отказа говорить (**заплакал**).

2. Сцена знакомства с будущей невестой и женой.

«Из соседнего двенадцатого **слышен голос Шульженко...** **Звоним.** Ленька входит первым. «Точность — вежливость королей! Но в семнадцатом это упразднено вместе с монархией». В ответ **рассмеялись**.

<...> Протягиваю руку с пятью хризантемами. Сейчас, при ярком свете, я вижу, какие они мягкие и вялые. Начинаю краснеть. Надо что-то делать. Перевожу взгляд на ту, которая в профиль, и нахально **выпаливаю**: «Это Леня для вас выбрал...» Не знаю, поняла ли она мое смущение, оценила ли нахальство или вообще не заметила жалкого вида цветов,— не знаю.

<...> Сидящие поднимаются разом и одновременно **выпаливают**: «Риваммала», что означало: Римма и Валя. **Прыснули** и одновременно опустились.

<...> Я понимаю, что глазею по сторонам, но я ничего не могу с собой сделать: вещи **кричат**, показывают себя, навязываются. «Он **онемел** при этой же катастрофе?» — спрашивает одна из прыскавших.

«А из вас самая красивая, знаете кто?..» Задал вопрос и сам не знаю на него ответа и не знаю, как он возник, и почему я позволил себе **сказать это вслух**. <...> Теперь она не смотрела. Она ждала **услышать** приятную для себя правду. Но я солгал. ...я мстил ей за цветы, за авиационную катастрофу, за обожженные пальцы и за красное дерево, которое уже однажды **крушил топором**.

<...> «Дуня, давай блинов с огня!..— **задышался скороговоркой хмельной баритон**.— Дуня, целуй скорей меня!..» **Хлопают** двери. Мелькают ноги. **Гремит** посуда. **Прокричал** Ленька: «Не задавить бы!..» Снова мелькают ноги, а незнакомый мне баритон уже **поёт** про студенточку...

<...> Из красного футляра донеслось густое «боммм». Нас приглашают к столу.

<...>

Хочется домой. Остаться одному. **Слушать**, как за стеной **плочет** маленькая Катенька. <...> А потом в коридоре будут долго **шепаться**... <...> А потом все **смолкнет**, и во всем мире останутся только **ходики** и я... <...> **Ударило по ушам визгом и смехом**. В притворном ужасе **визжит** Люсина сестренка. <...> Остальные **хохочут**, как сошедшие с ума. Лишь Ленька с серьезным видом сооружает себе бутерброд. <...> **Заговорили** все разом» (9, 20—24).

Приведенный эпизод, как и многие другие (по законам сценария), сопровождается передачей звукового фона, шума времени. С опорой на фоновые знания в звуковой зоне устанавливаются не только непосредственные, но и опосредованные семантические связи; в первом высказывании: краткое прилагательное со значением воспринимаемого на слух признака (**слышен**) — источник звука (**голос**) — лицо, которому принадлежит звук указанного характера (**Шульженко**). Отбор средств звукообозначения и их ситуативные смыслы обусловлены прагматической установкой данного фрагмента, отражающей как замысел и жанрово-стилевые особенности произведения в целом, так и интегрирующую функцию свойственных ему стилистических приемов. Следует отметить склонность к лаконичным структурам предложений, вводящих в ситуацию (**звоним**) или отмечающих момент развязки микро- или макроситуации (**в ответ рассмеялись; ударило по ушам визгом и смехом**) с последующей конкретизацией (**визжит, хохочет, заговорили**), с использованием деривационных (**визжать — визг**) или семантических межчастеречных (**смех — хохочут**) отношений. Разнузданность подгулявшей компании, непомерный шум передает и сама безличная конструкция с глаголом **ударить** в его лексически связанном значении 'внезапно и громко раздаться, прозвучать; грянуть', в норме реализуемом по отношению к звукам, издаваемым неодушевленными предметами (гром, звонок, выстрел). Сознание главного героя переключается из плана желаемого в план реальности.

Несоответствие ценностных ориентаций героя вкусам мещанской среды подчеркивает подбор глаголов, характеризующих способ общения (**прыснуть, одна из прыскавших**), (задыхался **скороговоркой хмельной баритон**), на базе семного согласования звуковая лексика объединяется с беззвуковой. Элементы окружения (**смущение, нахальство, разом и одновременно**) проясняют мотивы выбора и повтора глагола **выпаливать**. И здесь ядерными для текста предстают глаголы звучания и ближайшие к ним отглагольные имена. Кроме того, используются звуковые наречия (**вслух, скороговоркой**) и прилагательные (**густое**), существительные со значением источника звука, его про-

изводителя (ходики, баритон), звукоподражания (боммм), тяготеющие к периферии поля, как и глаголы звучания, утрачивающие архисему данной ЛСГ (вещи кричат), и слова с противоположным значением (онеметь).

3. Сцена комсомольского собрания.

«Поднялся Виталий Уваров. (<...> **Играет на аккордеоне, неплохо поет матросские песни...**)».

<...> «О-о, какая ты сволочь!» — **вырвались** и обожгли голову слова... <...> «Что ты знаешь про Федора Михайловича?! <...> Что?! Что?! — **ору** я в туманные желтые лица <...> **Громко смеюсь, спрашиваю: «А почему бы тебе не жениться на Люське?»**»

<...> В зале **зашумели**. Из шума **вырвалась** реплика: «Свадебный пирог отработываешь?» Фомин **рассмеялся** подкупающе **весело** и аппетитно **причмокнул**. «За такой пирог не наставишь жене рогов!» В зале **заржали**. Шурика **понесло**. Он даже **не заикался**, что бывало с ним в минуты наивысшего подъема духа. «А он, представьте себе, сбежал. И от пирогов, и от ковров!» <...> (В зале одобрительно **зашумели**. **Раздались хлопки**).

<...> «Виктор — парень чистый, и подвела его в этой истории чистота. **Оглушила** его Людочка... Да, да **не смейтесь!**.. Я слышу, что ты сказал, Степанов... Я отвечу тебе на это...»

<...> «Вот так же он **молчал** на бюро», — **услышал** я голос секретаря. <...> «У меня болит голова, — **повторяю** я **громко**. <...> Я боюсь вас...» Я шел к своему месту. Вокруг стоял **вой**. Из последующего, кроме этого **воя**, я не помню ничего. Что-то **говорил** мне **на ухо** Шурик. **Размахивал** руками на авансцене Колокольцев. **Покачивались** очки преподавательницы русского языка Полины Антоновны. Долго **стоял** на сцене подполковник Божков. Потом **поднимали** и опускали руки. Потом все вышли из зала. Один Фомин **расхаживал** теперь по пустой сцене и **дымил папиросой**» (9, 46—49).

Бурная сцена обсуждения морального облика героя (время действия — 1948 год) происходит на мощном звуковом фоне. Средства его создания здесь разнообразные, в частности неопределенно-личные конструкции с оттенком обобщения за счет использования обстоятельственного детерминанта (**в зале зашумели, в зале заржали**). Это способ молодежной реакции на реплики говорящих (ср. еще: **в зале одобрительно зашумели; раздались хлопки; вокруг стоял вой**). На его пике и в силу эмоционального напряжения речь отдельных выступающих перестает восприниматься героем, и, как в немом кино, сам факт ее наличия устанавливается путем зрительного наблюдения (ср. использование глаголов движения в конце фрагмента как эквивалентов глаголов говорения). Здесь очень точны обстоятельственные распространители глаголов, подчеркивающие самые необходимые по ситуации семы глагола (ядерные или периферийные): **неплохо поет, громко смеюсь, рассмеялся подкупающе**

весело, аплетитно причмокнул, повторяю громко — чем высвечивается и диапазон существенных для ЛСГ глаголов звучания дифференциальных признаков в системе языка. Смежные высказывания определяют границы межгрупповых связей глаголов по их несвободным значениям (**Шурика понесло; он даже не заикался; подвела... его чистота; оглушила его Людочка**). Отмечается темное варьирование глагола **молчать** (в данном случае — 'не говорить из-за нежелания обсуждать темы, не касающиеся посторонних'). Глаголы, демонстрирующие отказ от говорения, выступают средством маскировки информации, ее утаивания, служат для передачи психологического климата описываемой эпохи — вынужденного молчания.

4. Разговор мальчика с родителями.

«А за что Карла Карловича арестовали?» Мама **грохнула** утюг на подставку и вышла из комнаты. Она не хотела об этом **говорить**. Почему? А вечером, когда мы все сидели за столом и пили чай, на мой вопрос: «А нас не посадят в тюрьму? Деньги-то мы у них занимали...» — папа **промолчал**, а мама **стукнула** ладонью по столу, чего никогда с ней не бывало: «Ты перестанешь **болтать** ерунду?! Допивай и спать!» Взрослые что-то скрывали» (9, 8).

5. Сцена допроса.

«Пытаюсь **говорить** спокойно. <...> «Вы не пробовали с арестованными **говорить** нормально? Дома же вы так не **разговариваете**?» Майор **хмыкнул**.

<...> «Я по ночам не сплю. Вы не можете об этом не знать. И извинение звучит насмешкой... <...> Снова **хмыкнул** и презрительно **добавил**: «Пистолет запрятать лучше и то не мог: ...ровый из тебя контрик».

<...> **Пауза затягивалась** как петля. «Горобец приходил к отцу? Иван Петрович Горобец... Ты видел его?» — «Никто не приходил... Даже не слышал про такого».

<...> «А? Что же выходит? То ли папочка пристукнул Горобца, забрав оружие... То ли приобрел его у него. Зачем? А?»

Я **рассмеялся**. Да, да — **рассмеялся**, довольный и счастливый. Все сейчас кончится, и меня отпустят.

<...> Я **кричу** ему в глаза, что встречал в жизни подобных ему кретинов в роли учителей... Но **кричу не вслух**.

<...> Наступила длинная пауза. Вентилятор. Ради него я был готов **слушать** любую чушь. <...> **Говорю тихо, растягиваю слова** и глотаю в последний раз **звнящую** ласковую струю.

«**Объясняю** вам, майор, еще раз... И если это пойдет вам на пользу, повторю с удовольствием и в третий...» <...> Пью хлеб воздух, почти пьянея при этом. <...> **Повторить?**

Повторил это я уже в камере» (10, 16—18).

Выше отмечалась роль глаголов ЛСГ в развязке микроситуации или введении новой. Такова же их функция: (как и описательных оборотов звучания) в конструкциях простого

предложения, вынесенных в абзацную фразу: **майор хмыкнул; я рассмеялся; наступила длинная пауза; пауза затягивалась как петля** (с речевой многозначностью). Так, с помощью глаголов звучания имплицитируются причинно-следственные отношения. Глагольные распространители уточняют и актуализируют не только содержательную, но и звуковую, фонетическую сторону звучания (что очень важно для нужд экранизации — в качестве интонационных и фонетических ориентиров в актерской игре): **говорить спокойно, звучит насмешкой, снова хмыкнул, презрительно добавил, говорю тихо**. Эксплицируются с помощью обособленных конструкций периферийные семы (причинная для глагола **рассмеялся** — 'довольный' и 'счастливый'), в рамках высказывания устраняется звуковая сема у ядерного глагола группы при сохранении дифференциальной ('передача информации'). Это происходит, и с опорой на дефразеологизацию оборота (**кричу в глаза**), и с введением «незвучкового» распространителя (**не вслух**). Межгрупповое взаимодействие обнаруживается с глаголами физического действия (по расчленениям их связанных значений): **пауза затягивалась, растягиваю слова**. Необычную денотативную приуроченность с опорой на ситуативные смыслы приобретает, казалось бы, обычное сочетание слов: **звнящая ласковая струя** (но не бегущей воды, а воздушная струя вентилятора среди удушающей жары).

6. Сцена у врача в лагере. Ее характеризует стилистический прием нарочитой экспликации интонации речи. Это важно не только для точности смыслового выражения содержания высказывания, но и для обрисовки речевой манеры говорящего, так как интонация и другие фонетические особенности речи наиболее индивидуальны. Ср.: **«Разговор она ведет со всеми только на ты и в таком тоне, будто пациент только что разбил ее очки, выстрелив из рогатки. «Что расселся?» — скрипит она злобно и тарашит рачьи глаза.**

<...> **«Закрой рот! — обрывает она. — Наболтал на десять лет — теперь помалкивай!»** <...> **«С такими легкими на кладбище лежать, — скрипит старуха, заканчивая прослушивание. — А он против власти... Не совестно?»**

«Я ее строил, Элеонора Юлиановна, — со слезами на глазах говорит профессор. — Я участник плана разгрома Юденича. «Все вы участники», — терапевт скрипит пером в карточке, угрожающе шевеля кисточками на подбородке. «Три дня из юрты не выходить! — тоном приказа объявляет она, протягивая освобождение от работы. — Увижу на территории, берегись!» И тарашит глаза, наслаждаясь произведенным эффектом. <...>

Чудная старуха. Ее любили все, потому что она любила всех, хотя и искусно прятала эту любовь. Но разве любовь спрячешь?» (10, 39).

Имитация состояния злобы достигается подбором как слов разных частей речи, сопровождающих беседу врача (в таком

тоне, злобно, тоном приказа), так и глаголов звучания (скрипит в разных его значениях, **обрывает, объявляет, наболтал**, ср. контраст: **со слезами на глазах говорит профессор**). Ср. со сценой открытого издевательства над арестованным, еще не понимающим безвыходность своего положения.

7. Сцена в милиции.

«Честное слово, что дурака валяете? Или кто-нибудь капнул чего? Так говорите...» Они **дружно рассмеялись**.

«Артист! — с **веселой издевкой выкрикнул** лысый. **Забарабанило сердце**, будто наотмашь ударили по лицу.

«Вы что здесь сошли с ума... от безделья?! — **срываюсь на крик**. — Я напишу об этом в Москву... Кто дал вам право разыгрывать с людьми подобные водевили?!»

В **хохоте** потонула последняя **фраза**. Как ванька-встанька, качался на диване подполковник, **хлопал** себя по коленкам, **повизгивал** и вытирал выступившие слезы.

Вошел дежурный. Майор закрыл лицо руками.

«Уведите артиста», — **приказал он, давась от смеха**» (9, 61).

Второй тип ситуаций в создании звуковой картины мира в повести — ситуации звукового состояния изображаемой среды. Эти ситуации разнообразны, объединяет их одно — все они значимы для человека и отражают его видение мира. Рассмотрим основные сцены, реализующие данный тип ситуаций.

1. Сцена в коммунальной квартире.

«Коридор постоянно **гудит от голосов**. **Жужжат** примуса. **Гомонят** дети, **катаясь** по коридору на самокатах и верхом друг на друге. <...> Двенадцать ночи. **Стук** в дверь. В халате, накинутом на голое тело, входит тетя Зина из тридцать первого номера. «Хотите рассольничку? Только что сварила...»

<...> **Засыпая, слышу шепот** дяди Бори из четырнадцатого и отца. Они **шелестят** газетой и много **чертыхаются**.

Каждую неделю этаж **содрогается** от свадьбы. <...> Она [Лидия Васильевна] **поет** по утрам у своего примуса вальсы Штрауса. Сегодня она **не поет**. Она сидит на краю стола, составленного из множества столов, протянувшихся от кухни до кухни. Из каждой ежеминутно выносят кастрюли, сковородки...

<...>

Отец **сказал тост**. Пока он **говорил**, все **молчали**, кроме тети Зины. Она **безостановочно хохочет** и ко всем лезет целоваться, даже ко мне. Потом столы разобрали по комнатам. Отец вынес гитару, дядя Женя из одиннадцатого — **банджо**, Фимкин отец выкатил **пианино**, и тут **началось**... Даже моя мама, которая так и не признавала «коммуналки», отплясывала краковяк. Все кружилось и вертелось вокруг. **Визжали** девчонки-двойняшки...

<...> К утру коридор **затих**. А днем женщины мыли полы. Вспоминая подробности ночи, они много **смеялись**. **Смеялись** над тем, что было **смешно**, и просто потому, что были **веселыми**» (9, 6—7).

Показательно многообразие способов отображения звуков. Это может быть включение глаголов перемещения (**гудит, жужжат, гомонят**), внедрение эллиптированных глаголов речи в прямую речь, введение контрастного глагола **молчать**, использование широкозначного глагола **началось**, допускающего разнобразную конкретизацию (и нуждающегося в этой конкретизации), использование специального наречия (**смешно**) со значением длительности, непрерывности.

2. Блокадные сцены.

«**Хлопнула** дверь. Мы высунули головы и увидели его [отца]. <...> ...сел на диван и начал разглядывать нас **молча** и сосредоточенно. Он был пьян. Первый раз в жизни.

Все так же **молча** он засунул руки в карманы и вынул одновременно два больших армейских сухаря.

Мы перестали дышать. Стало так **тихо**, будто все омертвело вокруг. От **тишины** голова стала наполняться болью.

Сухари повисели в воздухе целую вечность, потом **стукнулись** друг о друга два раза и легли на диван. Руки полезли в карманы, и фокус повторился: два сухаря, потом **тишина**, потом головная боль, сдвоенный **стук**, и уже четыре кирпичика лежат на диване.

И снова все сначала.

Время остановилось.

Происходило нечто, похожее на бред. Реальностью были только адская боль в голове да **стук** сухарей: **тыррк, тыррк** — немного **глуше**. **Тыррк** — совсем еле-еле, далеко, там, где свечи, где диван, покрытый хлебными плитками...

<...> Разорвалось надвое сердце (после признания отца, что всю жизнь собирался уйти от них.— Н. С.). Это выскочила из-под одеяла мать и... **Раз! Два! Три! Четыре! Слева, справа, сверху!** Хлестко, больно!

Слетела шапка с бритой головы, рассыпалась искрами папираса. «Еще!» — **крикнул** я, но мысленно. Тело не повиновалось мне. «Еще, мама!» — удалось, наконец, **прошептать** мне. «Еще!!!» — **ору** на весь мир, **барабани** кулаками по спинке кровати.

Он сидел, обхватив голову руками и качаясь из стороны в сторону. Мать ударила его еще несколько раз наотмашь и плюнула... «Мамочка...» — **задохнулся я криком**. Она кинулась ко мне, схватила вместе с одеялом и вынесла из комнаты» (9, 9—10).

В этой сцене фиксируется обостренное восприятие звуков, предельно избирательное в критической ситуации голода. Оно рельефно выступает с опорой на общий фон мертвой тишины (**тихо, омертвело, тишина, молча**). И по контрасту — глаголы звучания и повтор отглагольных имен (**стукнулись, стук**), звукоподражательные слова, наречия меры и степени и пространственные наречия, градуирующие силу звука и его удаленность

(ср. также местоименно-соотносительные сложноподчиненные предложения с пространственным значением). Опять идет организация текстового фрагмента по типу функционально-семантического поля. Болезненное полубредовое состояние не лишило героев чувства человеческого достоинства. В описание вторгаются в качестве способов передачи конфликта эллиптические предложения с импликацией звуковой семы, сопутствующей удару; глаголы, передающие диалог, от полного погашения звуковой семы до ее крайнего усиления; взаимодействие глаголов физического действия и состояния лица и собственно звуковых. Простое предложение с глаголом звучания начинает описание, выполняя композиционно-сюжетообразующую функцию.

«А вот и то утро...

... Лежу с открытыми глазами и **слушаю**, как **стреляет** в соседних комнатах мерзлый паркет. **Прошуршали** по коридору незнакомые **шаги**. Вошла и села у дверей молодая женщина. Сняла ватные рукавицы, **хлопнула** ими и сунула под мышку. Тут же снова надела их, встала и **извиняющимся голосом** сообщила: «Антонина Тимофеевна умерла,— постояла чуть, **добавила**: — Она 'в сарае за главным корпусом, где все..» Закрывает лицо руками и вышла» (9, 13).

В этой сцене ирридиация звуковой семантики, передающей напряженность ожидания, достигается использованием глаголов и их непосредственных и опосредованных распространителей в структуре сложноподчиненного предложения (ср. через ступенчатую связь прилагательного **мерзлый** и глагола **стреляет**: звучание — источник звука — типичный признак такого источника звука). Точно передан характер шагов (**прошуршали**), дана интонационная характеристика голоса, соответствующего печальной вести (**извиняющийся**).

Как видно из анализа, ядерная роль глаголов звучания в обрисовке текстовых ситуаций проявляется и в том, что они становятся центром текстового функционально-семантического поля, объединяющего единицы разных уровней языковой системы. Ближайшую периферию составляют глагольные распространители и уточнители, указывающие на источник звука, характер звучания, интонационные характеристики и др. Способом организации функционально-семантического поля текста выступают межчастеречные связи слов с опорой на синонимы и гипонимы ЛСГ глаголов звучания. Иррадиация звуковой семантики, опосредованные способы передачи звуковой ситуации достигаются использованием связанных значений глаголов звучания и иных ЛСГ (физического действия, поведения, перемещения, эмоционального состояния, разрушения объекта), модификацией значений глагольных фразеологизмов, наведением и нарочитым устранением звуковой семы. Сквозной характер в воплощении звуковой картины мира в повести носит последовательное усиление яркости сем 'интенсивность', 'громкость' за

счет их многократного повтора в высказывании или текстовом фрагменте. Это объясняется как обилием массовых сцен, так и экспрессивными задачами. Режиссерская установка объясняет широкое введение в текст глагольно-междометных слов звуко-подражательного характера.

Наблюдение над текстовыми способами интерпретации звуковой картины мира позволит уточнить состав языковых средств, входящих в соответствующее функционально-семантическое поле в системе языка, хотя соотношение центра и периферии здесь может быть иным, так как в тексте оно служит разворачиванию авторского замысла, изображению индивидуальной картины мира.

Способ анализа языковой картины мира с опорой на текстовые ситуации и текстовые функционально-семантические поля — один из возможных в конкретизации языковых характеристик личности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

- ¹ Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М., 1987. С. 7.
² Касевич В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988. С. 27.
³ Морковкин В. В. Лексическая основа русского языка: Слов.-справ. М., 1984.

Функциональная семантика слова. Свердловск, 1992

А. П. ЧУДИНОВ

Свердловский пединститут

ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ СЕМНОГО И ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ВАРЬИРОВАНИЯ ГЛАГОЛЬНОЙ СЕМАНТИКИ

Предлагаются объективные критерии разграничения многозначности и речевого варьирования семантики, не связанного с изменением лексического значения.

В современной коммуникативной семасиологии прочно утвердилась отчетливая дифференциация двух типов варьирования семантики слова: семного варьирования (в других терминах — «речевое варьирование», «варьирование актуальных смыслов») и лексико-семантического варьирования, приводящего к изменению значения слова¹. При лексико-семантическом варьировании слова в речи возникает окказиональное значение, которое не соответствует ни одному из зафиксированных словарями значений. Речевое варьирование отличают «малозаметные изменения семантического отношения, протекающие вследствие того, что обозначаемое данным словом явление предстает в

своих различных аспектах»², при этом происходит изменение яркости отдельных сем в коммуникативном акте, реализуются потенциальные свойства словесной семантики, акцентируются ассоциативные и факультативные признаки.

При конкретном анализе речевой семантики слова за основу для демаркации семного и лексико-семантического варьирования одни ученые берут изменение семной структуры, другие — фиксацию соответствующих значений в толковых словарях, третьи — преобразование парадигматических и синтагматических связей слова. Специальный анализ речевого материала (14 тысяч словоупотреблений) показал, что указанные признаки нередко вступают в противоречие друг с другом, требуют уточнения и конкретизации. Необходимо определить, всякая ли фиксация словоупотребления в лексикографии может служить свидетельством существования вторичного значения, какие изменения семного состава являются обязательным признаком многозначности, возможно ли преобразование парадигматических и синтагматических связей слова при речевом варьировании.

В настоящем исследовании в качестве основного критерия при разграничении семного и лексико-семантического варьирования принята фиксация значения в лексикографических источниках. Это делает описание более объективным, не зависящим исключительно от языкового чутья автора и его методов исследования. Те элементы семантической структуры слова, которые отражены в толковых словарях (хотя бы в виде оттенка значения), можно считать социально осознанными, воспроизводимыми, существенно отличающимися от первичного значения и на этом основании отнести к проявлениям лексико-семантического варьирования. Если же лексикографы не сочли необходимым отразить соответствующее словоупотребление в словаре, то можно предположить, что оно было воспринято как вариант какого-то из уже выделенных значений или же как окказиональное употребление, характеризующее только речь отдельного индивида в конкретной коммуникативной ситуации.

Использование в семасиологических исследованиях материалов толковых словарей в качестве своего рода «объективного свидетельства» широко распространено, однако семантический анализ на основе отказа «от каких-либо выводов (логических или иных) о наличии или отсутствии того или иного компонента, если на это нет указаний в словаре»³ представляется скорее методическим приемом, чем признанием «непогрешимости» словаря. Специальные исследования свидетельствуют, что существующие словари русского языка не свободны от недостатков: в них встречаются и противоречия, и непоследовательность в отражении однотипных фактов, и другие недочеты⁴, однако следует согласиться с тем, что «успехи внелексикографических описаний лексической семантики, ее систематизации и теоретического осмысления, будучи обусловлены прогрессом языко-

знания, логики, семиотики, философии, всегда будут зависеть и от степени освоения данных лексикографии»⁵. Вполне естественные недочеты, существующие даже в лучших лексикографических изданиях, имеют частный характер, относятся к отображению семантики отдельных слов, тогда как в целом работа составителей современных толковых словарей заслуживает самой высокой оценки и вполне может быть использована как один из надежных источников сведений о семантической структуре русских глаголов, что, разумеется, не исключает последующей корректировки полученных данных с учетом других критериев.

Для повышения объективности при использовании данных лексикографии был выдвинут принцип опоры не на отдельную словарную статью, а на общие закономерности подачи однотипных словоупотреблений в толковом словаре, что позволяет корректировать эпизодически встречающуюся в словарях непоследовательность. В качестве дополнительных целесообразно использовать семный, парадигматический и синтагматический критерии. При анализе конкретных словоупотреблений в качестве признаков лексико-семантического варьирования следует фиксировать нейтрализацию категориальных и дифференциальных сем, изменение типовой лексической и грамматической сочетаемости, изменение системных связей глагола в ЛСГ или лексико-грамматическом разряде. Показатели семного варьирования глагольной семантики — нейтрализация факультативных и ассоциативных компонентов, ослабление или усиление яркости обязательных сем, изменение связей с коммуникативно-семантической группой глаголов, имеющих однотипные ассоциативные признаки.

В указанной выше выборке были выделены следующие типовые варианты глагольной семантики, для которых характерно совмещение признаков лексико-семантического и семного варьирования.

1. Профессиональное употребление (9 примеров). Ср.: «Мой отец — штукатур. Мастер своего дела. Бригадир. Имеет награды. Воевал... **Красит и штукатурит** всю жизнь» (Иванченко); «Я ведь по Сибири двадцать лет с гаком лазил. Профессиональным охотником был, после у геологов рюкзаки с пробами **таскал**, сайру на Шикотане **ловил**» (Ганина). В данных контекстах обозначаемое глаголом действие представлено как профессиональное занятие субъекта, способ добывать средства для существования. Подобное употребление глаголов в отдельных случаях отражается в толковых словарях как особое значение (ср. словарные статьи в МАС-2 на глаголы **танцевать**, **петь**, **служить**), однако представляется, что отдельные исключения не могут считаться основанием для выделения особого типа значения глагола и, в соответствии с принципом опоры на общие закономерности подачи однотипных

словоупотреблений, использование глаголов, обозначающих выполнение тех или иных действий для характеристики профессионального занятия, должно быть отнесено к проявлениям речевого варьирования даже тогда; когда такое их использование зафиксировано в толковых словарях. Эпизодическая фиксация здесь свидетельствует не о различиях в семантической структуре глаголов, а о непоследовательности составителей словарей. Вместе с тем подобная фиксация показывает, что профессиональное употребление все-таки способно восприниматься как особое значение, что оно находится как бы на рубеже между многозначностью и речевым варьированием, в «зоне переходности» между тем и другим.

Квалификация профессионального употребления в качестве речевого варьирования подтверждается и анализом парадигматических и синтагматических связей глаголов, их семной структуры. При подобном употреблении сохраняются все обязательные компоненты лексического значения, остаются прежними и рамки лексической сочетаемости. Характерное для профессионального употребления ослабление конструктивных связей глагола (безобъектное использование переходных глаголов) тоже может рассматриваться только как показатель речевого варьирования. Что касается парадигматических связей, то, несомненно, сближение рассматриваемых глаголов с ЛСГ профессионально-трудовой деятельности не изменяет их прежних связей с соответствующей ЛСГ.

2. Имитационное употребление (8 примеров). Ср.: «Мать при всем ее неприятии Лены все же с нею смирилась, научилась чего-то **не замечать**» (Трифонов); «Не первый раз он предлагал **забыть**, что они встречались несколько лет назад и он причинил ей жестокое, на грани смерти, зло» (Леонов). При подобном употреблении полностью сохраняются нормы лексической и синтаксической сочетаемости глаголов, но они обозначают здесь не реальное выполнение действия, а лишь его имитацию: субъект только делает вид, что выполняет обозначаемое глаголом действие. Это можно квалифицировать как актуализацию дополнительных компонентов семантики при сохранении обязательных признаков, однако эти компоненты очень заметны — изменяется сама сущность действия. Вместе с тем указанные преобразования практически не отражаются на парадигматических связях глаголов, сохраняется принадлежность указанных лексических единиц к ЛСГ и лексико-грамматическому ряду.

В лексикографических источниках имитационное словоупотребление практически не фиксируется, что может служить аргументом в пользу признания его лишь особым актуальным смыслом, проявлением речевого варьирования, однако отсутствие словарной фиксации характерно и для некоторых окказиональных вторичных значений. Итак, вновь отмечаются при-

знаки принадлежности словоупотребления к «зоне переходности» между многозначностью и речевым варьированием, однако большинство критериев все-таки предполагает отнесение имитационного употребления глаголов к проявлениям речевого варьирования.

3. Неконтактное употребление (18 примеров). Ср.: «Я, между прочим, часто удивляюсь: почему вы **не постройте** себе кооперативную квартиру» (Трифонов); «Отец смотрел-смотрел да и **расчел** меня: вот так буквально пошел в мой кинотеатр, написал моей трясущейся рукой заявление на расчет, и я был уволен по собственному желанию» (Иванченко). Специфика рассматриваемых словоупотреблений заключается в том, что субъект лично не выполняет обозначаемое глаголом действие: в его интересах и под его воздействием этим занимается кто-то другой.

Неконтактное словоупотребление эпизодически отражается в толковых словарях: так, в МАС-2 включен оттенок значения глагола **шить** — ‘заказывать, изготавливать одежду где-либо, у кого-либо’, однако приведенные выше словоупотребления глаголов **построить** и **расчесть**, как и все другие случаи неконтактного словоупотребления из анализируемой выборки, в толковом словаре не зафиксированы. Исходя из принципа опоры на общие закономерности подачи в словаре однотипных словоупотреблений, можно сделать вывод о том, что отсутствие словарной фиксации неконтактного употребления абсолютного большинства глаголов не случайность, а общая закономерность, важный аргумент в пользу отнесения всех случаев неконтактного употребления (в том числе отраженных в толковом словаре) к речевому варьированию. Показательно, что при неконтактном употреблении полностью неизменным остается характер действия (изменяется только способ обозначения его реального субъекта), целиком сохраняются парадигматические связи глагола и лишь незначительно преобразуются в ряде случаев синтагматические связи: локативный распространитель при этом часто указывает на реальный субъект действия (**я сшил костюм в ателье**). Таким образом, основная часть критериев не позволяет отнести случаи неконтактного словоупотребления к проявлениям многозначности, хотя несомненна определенная близость его к «зоне переходности» между многозначностью и речевым варьированием.

4. Ассистивное употребление (6 примеров). Ср.: «Вам нужно в парке культуры на каруселях кружить, а вы **воюете**, голодаете» (Алексин); «Отец у меня был красный командир, **разрушивший** старый мир» (Ганина). При ассистивном употреблении глагола формальный субъект действия не является его основным производителем: он только помогает кому-то, принимает какое-то участие в выполнении действия. Так, в первом предложении речь идет о мальчиках, которые живут в тылу, учатся в школе, в меру сил помогают взрослым и, конечно, не участвуют в военных действиях; во втором предложении реальная

роль отца героини сводится лишь к тому, что он был одним из многих участников революции и гражданской войны.

Ассистивное употребление практически не имеет каких-либо формальных показателей. в тексте; при нем не изменяются парадигматические и синтагматические связи глагола, а появление дополнительной 'семы' 'ассистивность' не влияет на состав обязательных признаков значения глагола. Таким образом, вполне закономерной будет квалификация ассистивного употребления в качестве одной из разновидностей речевого варьирования глагольной семантики, хотя определенная «необычность» такого употребления и способна натолкнуть на мысль о близости указанного типа речевого варьирования к проявлениям многозначности; по-видимому, ассистивное употребление все-таки очень близко к диффузной границе между речевым варьированием и многозначностью.

В связи с низкой частотностью других типовых словоупотреблений дальнейший анализ проводился с учетом расширенной выборки (26 тысяч словоупотреблений).

5. Позитивное употребление (5 примеров). Ср.: «Моих сверстниц матери, подсобрав все лучшее в доме, начали **одевать**» (Ганина); «Мы могли бы сделать моноспектакль: женщина во все времена. Бернс, Беранже, Некрасов, Блок... Интересно получится. Вы **поете**. Написать современную музыку...» (Белов). При позитивном употреблении семантика глагола в основном соответствует словарному толкованию, но в таком употреблении имеется в виду исключительно хорошее, часто даже образцовое выполнение действия: так, в первом предложении речь идет о стремлении родителей особенно красиво и добротнo наряжать взрослых дочерей (очевидно, что девочки и раньше не ходили раздетыми), во втором предложении подразумевается такой уровень исполнения, который принесет успех спектаклю. По словам И. А. Стернина, аналогичное употребление существительных отражает «признаки, которые приписываются идеальному, классическому денотату, лучшему в своем роде»⁶.

Позитивное употребление по принятым в настоящей работе критериям следует отнести к проявлениям речевого варьирования: оно не фиксируется словарями, не характеризуется нейтрализацией каких-либо обязательных компонентов семантики, не связано с изменением парадигматических связей глагола, а некоторое ослабление конструктивных связей (переходные глаголы в таких конструкциях часто используются без прямого дополнения), по-видимому, вполне возможно и при речевом варьировании, во всяком случае, это единственный признак, относящий данное словоупотребление к «зоне переходности» между двумя рассматриваемыми видами варьирования глагольной семантики.

6. Пермиссивное употребление (7 примеров). Ср.: «Положил ведь я вас, всех пятерых **положил**, а за что? За десяток фрицев»

(Васильев); «Проверять препараты моя обязанность. Я этого не сделал, **погубил** человека. Нет мне прощения» (Кошелева). При пермиссивном употреблении грамматический субъект действия не является его реальным исполнителем, роль такого субъекта сводится лишь к допущению указанного действия, к тому, что он разрешил или хотя бы не воспрепятствовал выполнению действия. Так, в первом контексте старшина Васков винит себя в том, что он позволил фашистам уничтожить пять девушек, в том, что не смог предотвратить их гибель. Во втором предложении речь идет о фармацевте, не проконтролировавшем изготовление лекарства.

Пермиссивное употребление эпизодически отражается в толковых словарях русского языка, ср.: **отпустить** — '1. Позволить уйти, удалиться откуда-либо' (МАС-2); **отрастить** — '1. Дать возможность вырасти, достичь каких-либо размеров, какой-либо величины' (БАС), однако в абсолютном большинстве случаев рассматриваемое употребление в лексикографии не фиксируется, а поэтому его следует отнести к проявлениям речевого варьирования. Об этом же говорит анализ дополнительных признаков дифференциации: при пермиссивном употреблении сохраняется набор обязательных сем, не происходит изменения парадигматических и синтагматических связей глагола.

7. Потенциальное употребление (22 примера). Ср.: «Академик живописи **рисует** гораздо лучше, чем **говорит**» (Алексин); «Приходите к нам на чашку чая, Кирилл Иванович. Надя такие пироги **печет**, что пальчики оближешь» (Санин). В подобных случаях глагол обозначает не выполнение действия, а только способность субъекта к выполнению действия; в рассмотренных предложениях глаголы **рисовать**, **говорить**, **печь** находятся в отношениях функциональной эквивалентности с сочетаниями **умеет рисовать**, **умеет говорить**, **умеет печь**.

Вопрос о квалификации потенциального употребления до сих пор остается открытым: одни авторы по традиции относят его к числу видовых значений⁷, другие считают его особым видом многозначности⁸, третьи рассматривают потенциальное употребление как «особый оттенок», возникающий при безобъектном употреблении переходных глаголов⁹. Крайне непоследовательны в этом отношении и толковые словари, где «в некоторых (немногих) случаях потенциальное значение приписывается глаголу как одно из его лексических значений, а в других (их подавляющее большинство) оно... специально в словаре не отмечается»¹⁰. По-видимому, эти противоречия объясняются тем, что потенциальность как особая модификация семантики не обладает в полной мере ни признаками частного значения вида (к такому использованию в принципе способны глаголы совершенного и несовершенного вида), ни признаками полисемии (это не языковое, а исключительно речевое явление, известное только финитным формам). Если же потенциальное

употребление действительно относится к сфере не грамматики, а лексической семантики и известно только в речи, то оно не может быть не чем иным, как проявлением речевого варьирования. О целесообразности подобной квалификации потенциального употребления говорит и тот факт, что в указанных случаях не изменяются парадигматические связи глагола, сохраняются все обязательные семантические признаки. Практически сохраняются при потенциальном употреблении и синтагматические связи глагола (следует отметить только некоторое ослабление конструктивных связей — распространенность безобъектного употребления переходных глаголов), однако, как уже было сказано, ослабление конструктивных связей глагола вполне может наблюдаться и при речевом варьировании.

Итак, использование принципа опоры на общие закономерности подачи в толковом словаре однотипных словоупотреблений с учетом результатов анализа семного состава глаголов, их парадигматических и синтагматических связей позволяет достаточно объективно разграничить проявления семного и лексико-семантического варьирования. В данном случае выделяется особая «зона переходности» — типовые словоупотребления, при анализе которых вступают в противоречие различные критерии, что особенно характерно для профессионального, имитационного и неконтактного употреблений. Подобные факты могут наблюдаться и при анализе типовых словоупотреблений, оставшихся за рамками настоящей публикации, в которой рассматриваются только модификации, не связанные с конкретными ЛСГ, но методика дифференциации семного и лексико-семантического варьирования в каждом случае остается стабильной.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

*¹ Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973; Гак В. Г. К диалектике семантических отношений в языке // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976; Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985; Чудинов А. П. Типология варьирования глагольной семантики. Свердловск, 1988.

² Гак В. Г. Указ. соч. С. 89.

³ Михедова Л. Г. Опыт компонентного анализа лексики // Филол. науки. 1969. № 1. С. 82.

⁴ Арбатский Д. И. Толкование значений слов. Семантические определения. Ижевск, 1977; Войлошников А. Т. Толкование лексико-семантических классов слов: Автореф. дис... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 1977 и др.

⁵ Котелова Н. З. Значение слова и его сочетаемость. Л., 1975. С. 48.

⁶ Стернин И. А. Указ. соч. С. 66.

⁷ Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. Л., 1971; Русская грамматика: В 2 т. М., 1980. Т. 1.

⁸ Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974; Кузнецова Т. В. Семантическая структура глаголов физического восприятия: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982.

⁹ Грамматика русского языка: В 2 т. М., 1960. Т. 1. С. 414.

¹⁰ Гловинская М. Я. О некоторых трудностях в изучении семантики видов // Болгарская русистика. 1977. № 3. С. 38.

Н. А. МИРОНОВА

Чувашский пединститут

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СИСТЕМЫ И СРЕДЫ КАК ОСНОВА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Анализируется взаимодействие языковой семантики слова и условий его реализации в процессе формирования речевой семантики слова в тексте.

Слово является словом постольку, поскольку оно обладает значением. Главная функция значения — экономно и эффективно намекать на определенное внеязыковое содержание, на специальное значение, имеющееся в человеческом опыте. Реализация этой функции осуществляется словом во взаимодействии с другими элементами языковой системы. Так, лексическое значение лексемы **оригинальный** — '1. Подлинный, представляющий собой оригинал' возникает только в атрибутивном сочетании. Расширение же контекста за счет сочетаемости с зависимым от прилагательного существительным вместе с новой грамматической характеристикой (возможность употребления в краткой форме) является приметой употребления лексемы в значении '2. Отличающийся чем-н. от других, самобытный, своеобразный' (МАС-2). Ср.: **оригинальный экземпляр — оригинальный по форме сосуд.**

Как известно, самая главная функция слова (как знака) — актуализация общего понятия: «Уточнение же этого понятия осуществляется благодаря действию других факторов (словесный контекст, среда употребления)»¹. Ведущее место в семантике слова играет его главное значение², которое определяется как наименее синтагматически обусловленное. В качестве такого главного значения в структуре слова выступает свободно-номинативное значение. Все остальные типы лексического значения оказываются по отношению к нему связанными, т. е. опосредованными им.

Тип лексического значения как категорию лексической семантики принято рассматривать в его обусловленности различными видами внутрисистемных отношений, при этом справедливо отмечается узость и однозначность такого истолкования. Оно, думается, может быть дополнено изучением отношений между лексемой как системно-структурным объектом и ее окружением (средой). Особенно значимым оказывается такое дополнение для понимания закономерностей функционирования лексемы.

Определение лексемы как совокупности всех форм и значений, свойственных одному и тому же слову во всех его употреблениях и реализациях, позволяет причислить ее к системам,

так как требованиям системы отвечают основные языковые единицы, «являющиеся целостным объектом, представляющим собой упорядоченное множество содержательных элементов, соотносенных с множеством элементов формального выражения»³.

Для лексемы как системы оказываются значимыми отношения:

1) к трем структурным типам объединений слов, в которые она входит (структурно-семантический тип полных слов, лексико-грамматическая категория — часть речи, лексико-грамматический разряд в пределах части речи). Так, вхождение имен прилагательных в структурно-семантический тип слов-названий, связанных с двумя основными типами языковой семантики (лексической и грамматической), объясняет наличие у них номинативного значения, которым не обладают, например, слова дейктические;

2) к грамматическим характеристикам слова. Известна, например, зависимость лексического значения глагола от отношения к семам возвратности, переходности, аспектуальности⁴;

3) к синтаксическим конструкциям, в которые она входит. Так, функционирование лексемы может быть ограничено определенными типами словосочетания (у слов с конструктивно обусловленным значением) или позицией и синтаксической ролью в структуре предложения (у слов с синтаксически обусловленным значением);

4) к элементам лексического контекста. Контекстно обусловленным является любое значение слова;

5) к элементам речевой ситуации, включающей внеязыковые социальные факторы и их отражение в сознании говорящего и слушающего;

6) к явлениям реальной действительности. Как единица собственно лексического уровня слово определяется прежде всего уникальной функцией — быть средством номинации, называния различных явлений действительности. Для реализации словом его номинативной функции важен характер отношения его к явлениям реальной действительности, его прямая направленность на предмет. В случае включения других элементов внеязыковой среды слово может потерять такую направленность и соответственно выполнять уже другую функцию. Так, потребности в отрицательной эмоциональной оценке известных общественных явлений вызвали необходимость употребления слова **сталинский** в эмоционально-оценочной функции.

Все перечисленные отношения представляют собой отношения между лексемой как системой и ее окружением (средой). Взаимодействие системы и среды направлено на реализацию той или иной функции.

Как единица собственно языковой системы, предназначенной для удовлетворения потребностей общения, слово является

основным строительным материалом языковых высказываний. Эту функцию слово выполняет посредством вхождения в специально для этого предназначенный синтаксический образец. Слова «могут или свободно, без каких-либо ограничений входить в такой образец, или подходить к нему избирательно»⁵. Таким образом, реализуя данную функцию (формирование предложения), лексема вступает во взаимодействие с такой средой, как тип предложения, синтаксическая позиция.

Во взаимодействии лексемы как исходной системы с определенной средой создается тип лексического значения и проявляются определенные его свойства. Так, для слова в свободно-номинативном значении наиболее значимыми оказываются элементы парадигматической среды. Реализуя ту или иную функцию во взаимодействии со средой, лексема обнаруживает и прагматическую направленность своего значения, поскольку именно «выбором слов и характером их расположения в связном тексте определяется стилистическая и экспрессивная окраска сообщения в целом»⁶. Для реализации словом прагматической функции оказываются значимыми элементы речевой ситуации — прагматическая установка и модальность, — специализированным способом выражения которых выступает экспрессивно-стилистический тип значения. Таким образом, можно предположить существование обусловленности между средой, функцией и типом лексического значения лексемы.

Остановимся подробнее на таком типе среды, как контекст. Отметим, что контекст рассматривается нами и в операциональном смысле — как лингвистическая опора в изучении языковых единиц, т. е. под контекстом понимается отрезок текста, в пределах которого однозначно выявляется значимость лексемы (семантическая и функциональная). Изучение контекста в этом смысле продолжает существующую традицию (Н. Н. Амосова, Г. В. Колшанский). В качестве материала привлекаются качественные и окачествленные прилагательные. Минимальным контекстом для них служит атрибутивное словосочетание с существительным в роли главного слова, расширенным минимальным контекстом — наличие у прилагательного, кроме определяемого существительного, еще и зависимого слова.

Признаковый характер семантики прилагательных обуславливает отчетливое выражение связанности значений, повышенную зависимость от контекста. В разных контекстуальных условиях качественные прилагательные реализуют две разные функции: характеристики и спецификации.

У относительных прилагательных в условиях нетипичного для них минимального расширенного контекста развивается качественность, и соответственно они оказываются способными выполнять характеризующую функцию: **медный лицом [Петр]**. При этом создается тип связанного лексического значения. Функционирование прилагательного в приведенном примере в дан-

ном значении ограничено пословным набором ключевых слов либо в условиях минимального контекста (**медное лицо**), либо в минимально расширенном контексте (**медный лицом Петр**), где в качестве ключевого выступает зависимое существительное. Выбор контекста в данном случае можно объяснить с позиций коммуникативного синтаксиса, согласно которой значение слова приспосабливается к выполнению одного из двух заданий: идентификации или предикации. В случае **медное лицо, тяжелый характер** реализуется предикцирующая функция значения слова. Включение в контекст зависимого от прилагательного существительного — **медный лицом [Петр]** делает прилагательное **медный** способным называть предмет сообщения, т. е. в этом случае реализуется идентифицирующая функция.

Рассмотрим роль контекста в стиливом функционировании лексем. Существует представление об обусловленности отбора и использовании языковых средств функциональными подсистемами языка. Типы лексических значений таких слов, имеющих функциональную маркированность, оцениваются как функционально отмеченные. Функциональная маркированность может отсутствовать в условиях минимального контекста и появляться в минимально расширенном контексте. Например: **слабый человек**, нейтр.; **слабый здоровьем**, разг.; **слабый глазами**, разг.; **слабый ногами**, разг. Функциональные возможности могут быть обусловлены расширением сочетаемости, сложившейся в общезыковом употреблении⁷. Так, в примере «**Упорные** в морозе горели на небе звезды» (Пильняк) нарушение стандартов употребления принятой сочетаемости из-за сопоставления несопоставимых понятий порождает экспрессию прилагательного.

- Одна из основных функций контекста — выявление лексического значения слова. В случаях реализации значения слова в рамках узкого контекста, ограниченного тематической группой ключевых слов, создается лексически связанный тип значения, в условиях строго пословных ограничений — фразеологически связанный⁸.

Обычно при определении лексического значения лексемы речь идет о минимальном контексте. Однако бывают случаи, когда функционирование слова в данном значении оказывается возможным только в контексте, включающем зависимый от прилагательного элемент. Например, **место, удобное для сидения** — **место, удобное для земледелия**; **близкие люди** — **люди, близкие к искусству**; **симпатичная девушка** — **симпатичная мне девушка**. В таких случаях роль ключевого слова выполняет зависимое от прилагательного существительное, а не определяемое. Контекст как среда включает лишь те элементы, «которые представляют собой обуславливающее и обуславливаемое окружение исходной системы»⁹. Поэтому не все элементы контекста могут входить в среду; в наших примерах это только те, которые выполняют роль ключевого слова.

В заключение отметим, что значительная часть предложенных здесь решений носит предварительный характер и будет уточняться в процессе дальнейшей работы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

- ¹ Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988. С. 216.
- ² Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.
- ³ Бондарко А. В. Опыт лингвистической интерпретации соотношения системы и среды // Вопр. языкозн. 1985, № 1. С. 14.
- ⁴ Пономарева З. Н. Типы лексических значений и видовые характеристики глагола: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1988.
- ⁵ Краткая русская грамматика / Под ред. И. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. М., 1989. С. 18.
- ⁶ Там же. С. 19.
- ⁷ Сулименко Н. Е. Типы лексических значений признаков слов в современном русском языке: Дис. ... докт. филол. наук. Л., 1983.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Бондарко А. В. Указ. соч. С. 14.

Функциональная семантика слова. Свердловск, 1992

Н. В. ОРЛОВА

Омский университет

КОСВЕННЫЕ НОМИНАЦИИ СИТУАЦИИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ОТНОШЕНИЯ (на материале высказываний о любви)

Определяются способы передачи информации об эмоциональных отношениях без использования слов с эмоциональной окраской.

Предлагаем попытку анализа косвенных обозначений ситуации эмоционального отношения в аспекте взаимодействия в высказывании диктума и модуса, и конкретнее — диктума и одного из модусных смыслов — модуса достоверности.

В самом общем виде сущность косвенных высказываний заключается в выводимости одного смысла из другого. Сигналом к поиску имплицированного смысла является несоответствие прямого содержания высказывания контексту. Иными словами, дифференциальным признаком высказываний можно считать сознательное нарушение правил речевого общения, известных как постулаты Грайса (информативность, истинность, релевантность, ясность). Данная трактовка косвенных высказываний является общепринятой.

Исследуя обозначение ситуации эмоционального отношения, обнаруживаем, что косвенные высказывания в этой сфере типичны. На вопрос «Твой муж все так же внимателен?» отвеча-

ют: «Он меня из-за газеты не видит»; «Раз в год я получаю цветы»; «Он заботится о своей машине»; «Недавно он купил билеты в театр».

Вопрос о месте имплицированного смысла в семантической структуре косвенных высказываний остается неясным. Нас не может удовлетворить общее определение прагматического, или субъективного, как реализации (конкретизации) семантического, объективного. Встав на эту точку зрения, мы вынуждены будем признать, что в косвенных высказываниях имплицированный смысл замещает собой прямое значение. Между тем очевидно, что они сосуществуют.

В работах по прагматике неоднократно отмечались причинно-следственные отношения между эксплицитным и имплицитным значениями: второе связано с первым, вытекает из него, без него невозможно. Таким образом, в семантической структуре косвенного высказывания обнаруживаем обозначение по меньшей мере двух ситуаций. Так, высказывание **Он меня из-за газеты не видит** обозначает ситуацию зрительного восприятия, ситуацию эмоционального отношения и, возможно, какие-то еще (например, допускаем имплицирование смысла 'он не слишком внимателен, зато много читает, это можно считать достоинством'). Хоанг Фэ справедливо утверждает: «Имплицитное содержание высказывания, как и содержание мысли, практически не имеет пределов и ничем не ограничено»¹.

Носителем имплицированного смысла будем считать высказывание в контексте ситуации. С точки зрения объема той ситуативной информации, которая необходима, чтобы имплицирование состоялось, косвенные высказывания неоднородны. Отмечая этот факт, Г. Грайс разделил их на две группы — с индивидуализированными и обобщенными импликатурами². Некоторые наши наблюдения наводят на идею шкалы вместо двучленной оппозиции. На одном конце этой шкалы находятся высказывания, в которых импликация любовного смысла связана с обширной ситуативной информацией, т. е. возникает в коммуникации людей, владеющих каким-то общим знанием, например: «Прогуливая собаку, Саша познакомился с девушкой, которая тоже вышла погулять с собакой. Рассказал об этом другу. Спустя некоторое время друг спрашивает: **«Как твои прогулки с собакой?»** — **«Великолепно!»**

Кстати, на этом полюсе возможны неудачные коммуникации, когда участники не понимают друг друга.

На другом конце шкалы находятся высказывания, которые уже нельзя назвать косвенными. Они содержат слова с зафиксированными в словарях переносными значениями или представляют собой метафорическое обозначение ситуации и поэтому не могут быть истолкованными в прямом смысле: «Наталья-то, Григорьич, **ссохлась** вся. Дюже к сердцу пришелся» (Шолохов); «Не пойму, почему ты за ней **бегаешь**» (из разг.).

Средние участки шкалы займут высказывания, вызывающие более или менее прочные ассоциации с ситуацией эмоционального отношения: «Ваша-то — красавица!» — «Что толку? **Из дома не выгонишь!**» (из разг.).

Чем прочнее ассоциации, тем легче устанавливаются причинно-следственные отношения, тем меньше объем ситуативной информации, необходимой для имплицирования. В минимальном контексте реализуется интересующий нас косвенный смысл высказываний с глаголами **смотреть** и его синонимами, а также **говорить, думать, ждать, помнить, забыть**. Сигналом к имплицированию является замещение позиций объекта и субъекта одушевленными существительными. Далее релевантным и иногда достаточным признаком оказывается стилевая принадлежность. Так, в художественной, особенно в поэтической, речи высказывания с указанными глаголами практически всегда имплицитируют ситуацию эмоционального отношения: «Вчера еще в глаза глядел, // а нынче все косится в сторону...» (Цветаева); «Когда же мы переставали // **Искать** у них ответный **взгляд...**» (Смеяков); «Он испытывал почти непреодолимое желание **говорить** о ней» (Шолохов); «Видно, уж так навсегда // **Думы** тобою **замкнуты**» (Блок); «Весенней ночью **думай** обо мне, // И летней ночью **думай** обо мне...» (Евтушенко); «Но в светлице своей не зажгла я огня. // Ты **забудешь, забудешь** меня» (Бунин); «Облик ласковый, облик милый, // Лишь одну **не забуду** тебя!» (Есенин).

На основании сказанного можно предположить, что мы имеем дело с примерами, в которых причинно-следственные отношения между двумя ситуациями (и следовательно, между выражающими их значениями) актуализируются уже на уровне предложения. Данное предположение было подтверждено результатами следующего эксперимента. Информанты — студенты филфака — должны были поместить в контекст предложения **Светлана ждет Сергея** и **Он на меня не смотрит**. В первом случае любовный смысл был воспринят примерно половиной информантов, во втором — абсолютным большинством. Примеры контекстов: **А я к нему равнодушна; Что же мне делать?; Я в отчаянии; Я ему совершенно не интересна.**

Лишь 8 % информантов восприняли предложение как обозначение ситуации зрительного восприятия, не отягощенной оценочными смыслами: **Попробую списать; Не заметил или сделал вид, что не заметил?**

Отметим, что эксперимент подтвердил идею шкалы, на которой высказывания с глаголами **ждать** и **смотреть** занимают разные точки. Учитывая, что оценочная семантика может возникать и в тех высказываниях с глаголом **смотреть**, где объект неодушевленный (**Наш Павлик на котлеты не смотрит**), можно заключить, что имплицирование эмоционального отношения идет даже не на уровне предложения, а на уровне слова, что М. В. Ни-

китин справедливо объясняет вероятностной природой лексического значения³. Устойчивому ядру языковых единиц всегда сопутствует ассоциативный ряд. Пересечение ассоциативных рядов создает возможность импликаций. Строго говоря, высказывание **Он на меня не смотрит** в контексте **А я к нему неравнодушна** с равным основанием можно считать прямым, косвенным, а также прямым, использующим переносное значение глагола, так как неясно (и неважно), сохраняется ли в этом случае семантика зрительного восприятия. На наш взгляд, именно к этой части шкалы — косвенным высказываниям с устойчивыми ассоциативными связями — более всего приложим следующий тезис М. В. Никитина: «В силу вероятностной природы мира, знака и значения нет строгой границы между эксплицируемым и имплицирваемым смыслами»⁴.

В свете всего сказанного что считать объективным в семантической структуре косвенного высказывания? Диктум обычно противопоставляют модусу как постоянное ядро предложения — подвижной его части, т. е. той информации, которая вносится контекстом. Если приложить этот тезис к косвенным высказываниям, то придется признать, что контекст влияет на самое пропозицию (здесь наши наблюдения согласуются с аналогичными выводами некоторых зарубежных исследователей⁵). Однако имплицированные смыслы (т. е. то, что обычно считают подвижной частью) объективированы связями в реальном мире. Поэтому целесообразно считать, что и эксплицированные, и имплицированные смыслы входят в объективный блок семантической структуры косвенного высказывания. В конкретной ситуации не появляются, а лишь приобретают ту или иную меру значимости пропозиции из ассоциативного ряда. В субъективном блоке останется комплекс всевозможных оценок, установок, которые в конечном итоге и определяют актуальность / неактуальность каждой из пропозиций.

Следующие наблюдения относятся к взаимодействию диктума и одного из конкретных модусных смыслов — модуса достоверности. По сути, все сказанное ниже будет являться обоснованием одного тезиса: косвенные высказывания о любви являются регулярным способом выражения семантики неполной достоверности.

Замечено, что предикат эмоционального отношения, в отличие от предиката эмоционального состояния, может быть использован в контексте модуса предположения⁶. В целом данное наблюдение подтверждается и нашим материалом (возьмем хотя бы классическое «**Люблю** ли тебя — я не знаю, // **Но кажется** мне, что **люблю**» (А. К. Толстой). Однако удельный вес прямых обозначений ситуаций эмоционального отношения с эксплицитным модусом неполной достоверности невелик. Не может ли этот смысл быть выражен имплицитно?

Анализируя причины использования говорящими косвенных

высказываний, исследователи сводят их к двум основным — невозможности или нежеланию говорить прямо. Применительно к нашему материалу первый мотив — невозможность — часто бывает связан с недоверенностью знания, неспособностью разобраться в своих или чьих-то чувствах. См. пример из радиопередачи: «У вашей дочери есть друг? Она встречается с кем-нибудь?» — «Приходит поздно. А спросишь, где была, говорит: **«Я уже взрослая».**

Второй мотив (нежелание) часто оборачивается уклончивым ответом, которым говорящий дает понять, что не владеет ситуацией (здесь «якобы незнание»): «Как у нее с Игорем?» — «**Письма получает.**»

Есть и третий, более сложный случай проявления модуса неполной достоверности: «Кто рядом с ним?» — «Леночка. **Она всегда рядом с ним садится.**» — «Ну и что?» — «**Ничего.**»

Говорящий уверен в достоверности имплицированного смысла, более того, коммуникативная цель — убедить в том же собеседника, а косвенное высказывание — аргумент. Однако используя косвенное высказывание, говорящий оставляет за собой шанс ретироваться, а следовательно, представляет имплицированный смысл как гипотетический.

Механизм, делающий возможным использование косвенных высказываний для обозначения неполной достоверности имплицированного смысла, на наш взгляд, обусловлен теми отношениями между прямым и косвенным высказываниями, о которых шла речь выше. Н. Д. Арутюнова замечает: «Строго говоря, между мотивом оценки и самой оценкой нет прямой связи. Их разделяет пустота, которую не могут перекрыть логические законы»⁷. Объективность причинно-следственных отношений между эксплицитной и имплицитной семантикой означает (применительно к нашему материалу), что то или иное конкретное действие или состояние обычно является следствием известного эмоционального отношения. Обычно, но не обязательно! Чем прочнее ассоциативные связи, тем более достоверным является имплицированный смысл, но достоверность никогда не бывает абсолютной. Косвенные высказывания зачастую бывают связаны с выражением значения неполной достоверности именно в силу вероятностного характера причинно-следственных отношений между эксплицируемым и имплицироваемым смыслами.

Проецируя сказанное на ситуацию эмоционального отношения, можем добавить: поскольку ассоциативный ряд не задается однозначно и в принципе беспределен, косвенные высказывания о любви — идеальный способ преодолеть ту «неадекватность номинативной системы необходимым задачам выражения»⁸, которая особенно ощутима в сфере обозначения сложнейшего человеческого чувства.

Подытоживая анализ взаимодействия диктума и модуса достоверности, проведем следующее сравнение: если в прямом

высказывании отсутствие эксплицитного модуса достоверности обозначает уверенность, то в субъективном блоке косвенного высказывания имплицитно может обозначаться неполная достоверность: средством ее выражения является сама имплицитная информация, т. е. компонент объективного блока высказывания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

¹ Хоанг Фэ. Семантика высказывания // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16. С. 399.

² Грайс Г. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16.

³ Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения. М., 1988.

⁴ Там же. С. 148.

⁵ См., напр.: Столнейкер Р. С. Прагматика // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16.

⁶ Вольф Е. М. Эмоциональные состояния и их проявления в контекстах // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989; Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. М., 1988.

⁷ Арутюнова Н. Д. Указ. соч. С. 57.

⁸ Никитин М. В. Указ. соч. С. 72.

Функциональная семантика слова. Свердловск, 1992

Н. В. НЕТЯГО

Уральский университет

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА И ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ КЛАСС ГЛАГОЛОВ ВОЗНИКНОВЕНИЯ / ИСЧЕЗНОВЕНИЯ

Сопоставляется объединение глаголов возникновения/исчезновения и более широкий класс слов, способных выражать подобные процессы в речи.

Лексико-семантическая группа (ЛСГ) и функционально-семантический класс (ФСК) отражают один лингвистический объект — в данном случае глаголы возникновения / исчезновения, изучаемый с разных позиций и в разных аспектах. При выделении ЛСГ используется системно-парадигматический анализ, единицы ФСК выделяются при синтагматическом анализе. Таким образом, ФСК — это конкретно-речевое воплощение языковой устойчивости ЛСГ слов¹.

Представляет интерес сопоставление состава и соотносительности структурной организации ЛСГ и ФСК глаголов, в частности глаголов возникновения / исчезновения.

Состав ЛСГ и ФСК определяется независимо друг от друга: при выявлении состава ЛСГ мы шли от словаря МАС-2, при

определении состава ФСК — от текстов художественной литературы.

Состав ЛСГ определяется путем последовательного подведения элементов словарного толкования под более общие понятия, т. е. при использовании метода ступенчатой идентификации. Выделено ядро группы, в которое вошли глаголы с основным значением 'начать / перестать существовать'. Состав ядра — 64 глагола. Из этой группы были изъяты глаголы рождения и смерти, так как они рассматривались в литературе как самостоятельная группа².

Глаголы **возникнуть** и **исчезнуть** развили на базе основного вторичное значение 'начать / перестать существовать в восприятии'. Глаголы, имеющие данное значение как основное, составили приядерную часть группы. Их всего 63. Глаголы с вторичным значением возникновения / исчезновения составили периферию группы: ближнюю — глаголы со значением 'начать / перестать существовать' (166 глаголов) и дальнюю — со значением 'начать / перестать существовать в восприятии' (133 глагола). Всего в ЛСГ 422 глагола. Причем глаголов возникновения 258, а глаголов исчезновения 163, поэтому можно предположить, что для человека важнее процесс возникновения, нежели исчезновения.

Семная структура глаголов группы такова: категориально-лексическими являются семы 'возникновение' и 'исчезновение'. Эти семы уточняются в нескольких аспектах: 1) процессуальные аспекты, в которых уточняются относительные признаки процессов (причина, способ, результаты и т. п.); 2) предметные аспекты, где уточняются функции и предмет процесса. Все происходящие действия, процессы отражаются в семной структуре набором определенных компонентов дифференциальных семантических признаков (ДСП) рассматриваемых глаголов и сводятся к следующим разновидностям: 1) интенсивность и повторяемость; 2) место; 3) предшествующее бытие (для глаголов ЛСГ возникновения); 4) причина (для глаголов ЛСГ исчезновения).

ДСП немногочисленны и в значении не всех глаголов они есть. Особенностью рассматриваемой группы является то, что в ядре ЛСГ находятся либо глаголы обобщенного значения, такие, как **возникнуть**, **создаться**, **образоваться** и т. д., либо, наоборот, высокой степени конкретизации, такие, как **очиститься**, **рассосаться** и т. д. Особенностью исследуемой группы является наличие в ее составе глаголов, в значении которых имеется сема специализированного субъекта, например **разразиться** (о грозе), **придуматься** (о замысле, идее), **отмыться** (о чем-то пачкающем) и т. д.

Нами выделены тематические группы существительных, представляющих специализированный субъект: 1) какой-л. общественный орган, учреждение, объединение, коллектив и т. п.

(образоваться, сложиться, учредиться, пасть, упраздниться); 2) плод, растение (завязаться, вырасти, вымереть); 3) боль, болезни, что-л. стесняющее, проявление чего-л. (прихватить, подступить, подкатить, сняться); 4) что-н. вредное, отрицательное, ненужное, что-л. позорящее, бесчестящее (расплодиться, смыться); 5) румянец, улыбка (загореться, расплыться, сойти); 6) чувства, мысли, состояние, настроение, мечты и т. д. (воскреснуть, затечься, нахлынуть, ожить, осенить, посетить, хлынуть, выветриться, соскользнуть, сбскакнуть, схлынуть, уняться, умолкнуть, рассеяться); 7) стихийное явление (разразиться, стихнуть).

Только для глаголов возникновения: 1) постройка, сооружение, строение (выстроиться, вырасти); 2) синяк, прыщ и т. д. (вскочить); 3) волосы (вырасти); 4) случай, возможность (представиться); 5) слезы, морщины, кровь и т. п. (навернуться, набежать, показаться).

Только для глаголов исчезновения: 1) изгибы, складки, какие-л. неровности (сгладиться, расправиться); 2) связи, отношения (порваться, разорваться); 3) звук, голос, речь (порваться, разорваться); 4) запах, дым и т. п. (улетучиться, рассеяться).

Присутствие в значении многих глаголов группы дифференциального признака, отражающего специализированность субъекта при нем, является особенностью глаголов возникновения / исчезновения и объясняется тем, что, во-первых, в ядре группы находятся глаголы непереходные, субъектные, роль субъекта для них очень велика, во-вторых, базовые глаголы являются глаголами обобщенного значения, а потому при них находятся глаголы конкретной семантики, способные сочетаться с субъектом особого вида.

Структура рассматриваемой группы имеет особый и сложный характер при своей двухъядерности, все слова оказываются привативно связанными с базовыми глаголами: либо с глаголом **возникнуть**, либо с глаголом **исчезнуть**, способными передать общую идею. В центре ядра группы находятся два глагола — **возникнуть** и **исчезнуть** с наиболее отвлеченными значениями, вокруг каждого из которых на одинаковом расстоянии расположены остальные глаголы ядра, отличающиеся от категориального чаще всего одним-двумя признаками. Такое расположение является веерным³. Так, глагол **проникнуть** имеет один ДСП — 'мысль, чувство', глагол **подобраться** — 'благодаря подбору', глагол **разразиться** — 'о грозе' и т. д. Глаголы, имеющие по два ДСП, не всегда находятся в иерархической зависимости от глаголов с одним признаком: **отстираться** — ДСП 'при стирке', 'о грязи', 'о пятнах'. Есть случаи, хотя они редки, когда глаголы с двумя дифференциальными семами находятся в иерархической зависимости от глаголов с одной дифференциальной семой, например, **грянуть** — 'внезапно, с силой раздаться, загреметь, зазвучать'. В целом же о ядре можно сказать, что оно

имеет веерный тип организации с элементами иерархии. Для периферии, как и для любой другой ЛСГ, характерен иерархический тип организации, так как в значении глаголов периферии чаще всего не один, а несколько ДСП.

Внутри ЛСГ можно выделить ряд подгрупп, слова в которых связаны более тесно, чем другие. Нами выделены следующие оппозиции. Оппозиция тождества: **возникнуть — появиться, зазвучать — раздаться, образоваться — основаться, организоваться — сорганизоваться, искорениться — истребиться, прерваться — пресечься, погаснуть — потухнуть, смолкнуть — стихнуть, отмыться — смыться, отстираться — состираться**. Так же выделены эквиполентные оппозиции синонимического и антонимического типа.

Нами рассматриваются те эквиполентные оппозиции, которые включают глаголы, объединенные наличием, кроме общей категориально-лексической семы, общим ДСП.

Эквиполентные оппозиции синонимического типа: 1) **выдуматься, придуматься, закрасться** (общий ДСП 'мысль'); 2) **таять, вытаять, истаять** (ДСП 'лед, снег'); 3) **учредиться, организоваться, сорганизоваться** (ДСП 'учреждение'); 4) **воспроизвестись, воссоздаться** (ДСП 'вновь'); 5) **включиться, устраниться, утратиться** (ДСП 'наличие').

Эквиполентные оппозиции антонимического типа: **возникнуть — исчезнуть, создаться — уничтожиться, учредиться — упраздниться, завестись — вывестись, зажечься — потухнуть, раздаться — заглохнуть, стихнуть**. Нами приведены оппозиции глаголов ядра.

Семантическая структура глаголов группы свидетельствует о развитии глаголами следующих значений: 1) начала (**завестись, грянуть**); 2) завершения (**выгореть**); 3) прекращения (**выключиться, заглохнуть, потухнуть, утихнуть**); 4) прекращения жизни (**угаснуть**); 5) уничтожения (**вывестись, изгладиться**); 6) разрушения (**выветриться**); 7) перехода в иное состояние (**возбудиться, уладиться**); 8) приобретения признака (**разгладиться, выпариться**); 9) движения (**испариться, рассосаться, подобраться**); 10) соединения (**организоваться, подобраться**); 11) расположения в пространстве (**основаться**); 12) повреждения (**состираться, стереться**); 13) лишения (**истать**); 14) приобщения объекта (**браться**). Сходство производных значений объясняется тем, что слова, имеющие общие семантические компоненты, на их основе развивают сходные вторичные значения. Как видим, все значения, которые развивают многозначные глаголы группы, в той или иной степени связаны со значениями возникновения / исчезновения: появление и исчезновение может осуществляться путем перехода из одного состояния в другое, в результате иных преобразований, таких, как соединение и разделение, уничтожение и разрушение.

При рассмотрении основных значений глаголов ближней пе-

риферии, у которых значения возникновения и исчезновения являются вторичными, мы отмечаем следующее: данные глаголы основными своими значениями имеют те же самые значения, которые развивают как производные глаголы возникновения и исчезновения (и которые приведены выше).

Итак, все данные о ЛСГ получены при опоре на материалы словаря. В художественной речи лексические группировки организуются по иным законам, чем в словаре. Исходным же объектом при выделении ФСК явился набор реальных фраз из литературно-письменной речи, передающих ситуацию возникновения / исчезновения. Количество фраз превышает 5 тысяч, они выявлены методом сплошной выборки из произведений русской и советской литературы. Предметом анализа явились глаголы, выполняющие в данных фразах функцию предиката.

При сопоставлении состава ЛСГ и ФСК обнаружено следующее. С одной стороны, в ФСК вошло, помимо глаголов ЛСГ возникновения / исчезновения, около 20 глаголов, значение возникновения / исчезновения у которых не закреплено и не отражено в словарях. Их употребление окказионально и объясняется стремлением автора к созданию оригинального образа. С другой стороны, некоторые глаголы ЛСГ возникновения / исчезновения не встретились ни разу в исследуемых текстах. Все это свидетельствует о том, что состав ФСК несколько отличается от состава ЛСГ тех же глаголов, хотя основная масса слов принадлежит как ЛСГ, так и ФСК. Слова, не вошедшие в состав ЛСГ, следующие: о возникновении чувств нам сообщают глаголы **забушевать, плеснуться, подобраться, пошевелиться, просквозить, разлиться, расцвести**; о появлении света — **проклюнуться**; звука — **родиться, явиться, вспыхнуть, разлиться**; мысли — **выстрелить**; об исчезновении чувства сообщают глаголы **истаять, выветриться**; об исчезновении звука — **угомониться**; мысли — **выпасть**.

Использование данных глаголов оправдано, так как они служат образности речи. Употребление данных глаголов в роли глаголов возникновения / исчезновения свидетельствует о потенциальной возможности приобретения этого значения другими глаголами тех ЛСГ, в состав которых входят приведенные выше глаголы окказионального употребления, последние, в свою очередь, являются представителями тех же самых групп, что и другие глаголы, имеющие значение возникновения / исчезновения как вторичное, но закрепленное в языке и отмеченное словарями, а именно ЛСГ начала / прекращения состояния, движения; начала / завершения жизни. Тесные контакты глаголов возникновения / исчезновения с данными ЛСГ были выявлены при анализе данных словаря, а затем подтверждены и на синтагматическом уровне анализа.

В составе любого ФСК глаголов выделяются два типа предикатов: первые — глаголы в основном своем значении, состав-

ляющие ядро ФСК (в нашей работе они называются первичными предикатами); вторые — функционально-текстовые глаголы, принадлежащие по основному значению к различным ЛСГ. Лексическая семантика их исходного значения противоречит выполняемой функции предиката, не согласуется полностью с функциональной семантикой. Эти глаголы-предикаты образуют периферию ФСК.

Внутренняя организация ЛСГ и ФСК различна. Если в ЛСГ на основании данных словаря нами выделены оппозиции тождества, а также эквиполентные оппозиции, то в ФСК выделяются группы первичных и вторичных предикатов, объединенных общностью функциональной семантики.

Так, во фразах, передающих ситуацию возникновения / исчезновения чувств, первичными предикатами являются: **возникнуть, наступить, начаться, обнаружиться, проявиться; исчезнуть, кончиться, утратиться.**

Вторичные предикаты представлены глаголами, по своему основному значению относящимися к различным ЛСГ. Это глаголы возникновения: **появиться, вспыхнуть, явиться, загореться, войти, выскочить, влиться, закрасться, накатиться, метнуться, плеснуться, подступить, пошевелинуться, прийти, пронестись, проникнуть, проскользнуть, растечься, шевельнуться** и др. и глаголы исчезновения: **пропасть, умереть, погибнуть, затухнуть, погаснуть, уйти, сгинуть, истаять, угаснуть, убавиться, улетучиться, утихнуть** и т. д. Всего в данных фразах использовано около 60 глаголов, представителей ЛСГ начала /прекращения бытия, движения и др.

Во фразах, передающих ситуацию возникновения / исчезновения боли, в роли первичных предикатов выступают глаголы **начаться, кончиться, исчезнуть**; в роли вторичных — **появиться, утихнуть.**

Во фразах, представляющих ситуацию возникновения / исчезновения мысли, первичные предикаты — **возникнуть, исчезнуть**; вторичные — **вспыхнуть, затеплиться, зажечься, разгореться, родиться, прийти, подобраться, блеснуть, выстрелить, сложиться; потухнуть; разбежаться, разлететься, мелькнуть, пропасть** и др.

Во фразах, сообщающих о возникновении / исчезновении звука, в роли первичных предикатов находятся глаголы **возникнуть, раздаться, грянуть, загреметь, загрохотать, прогреметь, а также стихнуть, замолкнуть, исчезнуть, прекратиться, уничтожиться**; в роли вторичных — **родиться, явиться, вспыхнуть, прокатиться, разразиться, разнестись, явиться, а также пропасть, умереть, истечь, погаснуть, растаять, угмониться.**

Во фразах, сообщающих о возникновении / исчезновении света, первичные предикаты следующие: **вспыхнуть, зажечься, загореться, заполыхать, засветиться, сверкнуть, замерцать; погаснуть, померкнуть, потухнуть, угаснуть, исчезнуть**; вторичные

предикаты — появиться, проклюнуться; пропасть, потеряться, умереть, никнуть.

Во фразах, передающих возникновение / исчезновение мысленных образов, в роли первичных предикатов выступают глаголы **возникнуть и исчезнуть.**

Позиция вторичного предиката занята глаголами ЛСГ движения, начала / завершения состояния, бытия и др.: **явиться, представиться, встать, всплыть, прийти, родиться, создаться; растаять, стереться, ускользнуть, погаснуть.**

Итак, нами выявлен круг глаголов, способных выступать в качестве предикатов во фразах, передающих возникновение / исчезновение субъекта как такового. Это прежде всего глаголы ЛСГ возникновения / исчезновения, среди них особо частотны базовые глаголы. Кроме того, в роли первичных предикатов встречаются глаголы, относящиеся одновременно к двум ЛСГ — к анализируемой ЛСГ и ЛСГ начала / прекращения состояния, бытия: **начаться, кончиться, раздаться, погаснуть, стихнуть, замолкнуть, грянуть, вспыхнуть, зажечься, загореться, погаснуть, потухнуть, родиться, умереть** и т. п. Среди вторичных предикатов большинство глаголов являются представителями ЛСГ движения. Встречаются, хотя и реже, глаголы ЛСГ созидания / уничтожения, потери и др. Использование вторичных предикатов в тексте вызвано необходимостью сообщить, кроме факта возникновения / исчезновения, сопутствующие процессу обстоятельства, а также в ряде случаев целью поэтизировать текст. Частотность вторичных предикатов не так велика, как первичных, однако количество их превышает количество первичных предикатов, использованных в рассмотренных нами фразах.

Глаголы-предикаты, объединенные нами в подгруппы на основе общности единого варианта основной семантической модели, являются функциональными эквивалентами. Глаголы, выступающие в функции основного предиката, являются синонимами в традиционном, узком понимании. К собственно функциональным эквивалентам, синонимам в широком понимании, относятся вторичные глаголы-предикаты. Нами выявлены также функциональные эквиваленты речевого типа, те, которые не имеют одинаковых значений, зафиксированных словарем. Их около 20 в исследуемом ФСК. При увеличении частотности употребления данных слов в значении 'возникновение / исчезновение' может сформироваться это значение как вторичное.

Исследование глагольной лексики с опорой на категорию ФСК глаголов позволяет выявить состав и отношения периферии группы, а также тенденции развития данного класса слов и подтверждает мысль, что ФСК — это речевое воплощение языковой ЛСГ слов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

¹ Лексико-семантические группы русских глаголов. Иркутск, 1989. С. 196.

² Чудинов А. П. О регулярной многозначности семантически близких глаголов // Рус. яз. в школе. 1979. № 4.

³ Вепрева И. Т., Гоголина Н. А., Жданова О. П. Типы внутренней организации глагольных лексико-семантических групп. Свердловск, 1984.

Функциональная семантика слова. Свердловск, 1992

В. Д. ЧЕРНЯК

Российский педуниверситет имени А. И. Герцена

РЕАЛИЗАЦИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА СИНОНИМИЧЕСКОГО РЯДА В ТЕКСТЕ

Предлагается сопоставление языковых и текстовых факторов, обуславливающих возможности функциональной эквивалентности в речи для слов, не являющихся синонимами в языке.

Вопрос о роли синонимов в тексте остается в значительной степени открытым. До сих пор достаточно детально рассматривались, во-первых, синтагматические свойства синонимов, реализация их семантических возможностей в условиях контекста, причем контекст ограничивался обычно рамками отдельных высказываний; во-вторых, условия образования и функции в тексте так называемых контекстуальных синонимов, противопоставляемых системным, однако и при таких целевых установках анализ проводился прежде всего в рамках отдельных высказываний или их минимальных сочетаний. При обращении же к целому тексту и составляющим его компонентам (СФЕ, ССЦ) чаще всего в общем виде отмечалась роль лексических повторов, синонимов как семантических средств связи между компонентами текста. Нельзя не согласиться с З. Я. Тураевой, что механизм актуализации семантических связей слов в тексте скрыт от непосредственного наблюдения и требует специального изучения¹.

Усилия лингвистов в последние годы направлены на поиски закономерностей, определяющих семантическую организацию текста, для чего необходимо «увидеть упорядоченность в кажущейся неупорядоченности, подвергнуть анализу явления в их глубинных связях и тем самым найти системность этих явлений»².

Весьма актуальным оказывается вопрос о лексической структуре текста. Достижения современной психолингвистики и лексикологии позволяют выявить механизм ее формирования. Ис-

следования психологов показали, что «при реализации замысла диффузное возбуждение вербальных структур постепенно специализируется, ограничиваясь отдельными узлами «вербальной сети», формируются разного вида мозаики активности. При этом они складываются таким образом, что наиболее стабильно задействуются некоторые области сети, соответствующие предмету будущего сообщения»³.

Задействованные участки вербальной сети непосредственно коррелируют с лексико-системными связями слов и определяют лексическую организацию текста.

В общем виде понятие семантической связности текста сформулировал Ю. Д. Апресян: «Текст семантически связан, если в лексических значениях синтаксически связанных слов имеются повторяющиеся смысловые компоненты»⁴. Анализ значительного числа текстовых фрагментов различной протяженности показывает, что существенную роль в формировании лексической структуры текста, обеспечивающей его смысловую целостность и связность, играют такие основные виды семантических связей лексических единиц, как гипонимия, синонимия и антонимия. Для выявления механизма формирования лексической структуры текста следует иметь в виду, что «слово, всплыв на поверхность сознания, начинает «вытягивать» именно системно релевантные для него общепринятые ассоциации и связи, т. е. становится толчком к обогащению мысли, помогает ее формированию»⁵. Процесс «вытягивания» словом ассоциаций и связей предполагает вовлечение в текст различных семантически близких слов, в том числе синонимов. При этом «вытягивается» не ограниченная обойма синонимического ряда, но вся сложная сеть отношений, в которых этот ряд находится.

Выполняя существенную роль в формировании когнитивных и модальных компонентов текста, синонимы являются особенно значимым средством его лексической организации в тех случаях, когда требуется акцентировать внимание читателя на диалектике семантического сходства и различия. Использование синонимических средств способствует разностороннему постижению того или иного явления, объемному видению ситуации. Такая направленность видна в следующем контексте: «На носок сапога Грея легла пурпурная волна, на его руках и лице блеснул розовый отсвет. Роясь в легком сопротивлении шелка, он различал цвета: красный, бледный розовый и розовый темный, густые закипи вишневых, оранжевых и мрачно-рыжих тонов; здесь были оттенки всех сил и значений, различные в своем мнимом родстве, подобно словам: **«очаровательно» — «прекрасно» — «великолепно» — «совершенно»**; в складках таились намеки, недоступные языку зрения, но истинный алый цвет долго не представлялся глазам нашего капитана; что приносил лавочник, было хорошо, но не вызывало ясного и твердого «да» (Грин).

Примечательно, что своеобразным эталоном, демонстрирующим дифференцирующие механизмы познавательной деятельности человека, являются для автора сходные по значению слова.

Широкие системные связи синонимов обогащают реальные возможности их текстового использования, расширяют радиус их текстового воздействия. Текстовые фрагменты, в которых организующую роль выполняют синонимы, существенно различаются по объему. В простейших случаях мы сталкиваемся с линейным расположением синонимов в небольших текстовых фрагментах, причем контекст позволяет реализовать основные семантические признаки синонимов. Рассмотрим несколько примеров:

«А сколько раз **лазил** я с Баскаковым на чердак, где, по преданиям, будто бы валялась какая-то дедовская или прадедовская сабля? **Карабкались** мы туда по очень крутой лестнице, в полутьме, согнувшись. Так же пробирались и дальше, шагая через балки, матицы, груды золы и мусора» (Бунин). В глаголах **лазить** и особенно **карабкаться** подчеркнут важный семантический компонент 'взбираться, хватаясь или цепляясь ногами'.

«Золотой шарик на зеленом куполе ослепительно **блестел** и, когда зажмуришься, разбрасывал игольчатые лучики. Затревели. Нагнувшись, вылезли хоругви и выпрямились. **Сияли** иконы, костюмы духовных лиц и эпoletы» (Добычин). Ближайшее окружение и текстовое сопоставление глаголов способствуют реализации различительных семантических признаков 'яркость, переливчатость излучения' в глаголе **блестеть** и 'равномерность излучения' в глаголе **сиять**.

«Даже в смутную пору юности Савин многое видел в себе — отчетливо, будто со стороны: свою крестьянскую **прижимистость** — не **скупость**, не **жадность**, а именно **прижимистость**, нежелание расстаться с копеечкой...» (Нагибин). Члены синонимического ряда выступают в функции антонимов, что связано с созданием в тексте оптимальных условий для реализации дифференциального семантического признака 'стремление приберечь деньги, избежать расходов' в слове **прижимистость**.

Представляют интерес достаточно распространенные случаи использования в тексте контактно или дистантно расположенных синонимов, выполняющих усилительную функцию. При этом важны не столько различительные признаки каждого из синонимов, сколько семантический потенциал синонимического ряда. Ср.: «В кабинете отца висел на стене старый охотничий кинжал. Я видел, как отец иногда вытаскивал из ножен его белый клинок и тер его полой архалука. Какой сладострастный восторг охватывал меня при одном прикосновении к этой гладкой, холодной, острой стали! Мне хотелось поцеловать, прижать ее к сердцу — и затем во что-нибудь **вонзить**, **всадить** по рукоятку»

(Бунин); «Искра вздрогнула от незнакомых нежных и усталых интонаций. Ей вдруг захотелось броситься к матери, обнять ее и заплакать. Зареветь, зарыдать отчаянно и беспомощно, как в детстве. Но она сдержала себя и опять не обернулась» (Васильев); «И тогда, бросив костер, все пустились бежать к дому Чушки. Мы летели, неслись, не разбирая дороги, через колдобины и ямы, как наперегонки, потому что каждому из нас хотелось быть у Чушки раньше других, и первым начать над ним расправу» (Приставкин).

Синонимия, «обеспечивающая свободу выбора», «позволяющая поддерживать лексическую систему в состоянии потенциальных и реальных выразительных возможностей»⁶, позволяет говорящему осуществить лексический отбор в соответствии со своими коммуникативными намерениями, прагматическими установками.

Важной для формирования лексической структуры текста, текстовых фрагментов достаточно большой протяженности оказывается роль эмоционально и экспрессивно «заряженных» слов в развертывании всего текстового фрагмента, в расширении радиуса действия экспрессивных синонимов. Можно утверждать, что прагматическая установка автора на экспрессивно-оценочное отражение ситуации определяет функционирование в тексте цепи экспрессивно заряженных лексических единиц. Показателен в этом отношении следующий пример: «Впервые за двенадцать дней **вспыхнуло** солнце, **запылало** золотым диском на своем обычном месте, ослепило, обожгло серые выцветшие лица, нестерпимо **засверкало** в стеклах окон, оживило и зажгло миллионы красок — и черные дымы над дальними крышами, и пожухлую зелень деревьев, и красный кирпич под обвалившейся штукатуркой... Толпа дико **взревела**, и Андрей **завопил** вместе со всеми. Творилось что-то невообразимое. Летели в воздух шапки, люди обнимались, плакали, кто-то принялся **палить** в воздух, кто-то в диком восторге **швырял** кирпичами в прожектора...» (Стругацкие).

Ряд предикатов, передающих динамику ситуации, представляет результат закономерного авторского отбора. Из ряда синонимов выбирается тот, который содержит дополнительный семантический компонент 'интенсивность действия' (ср.: **загореться** — **вспыхнуть**, **запылать**; **заблестеть** — **засверкать**; **закричать** — **взреветь**, **завопить**; **стрелять** — **палить**, **бросать** — **швырять**). Таким образом осуществляется иррадиация экспрессивности, причем экспрессивная «заряженность» предикатов усиливается при помощи других контекстуальных средств (**нестерпимо**, **дико**, **дикий восторг**, **невообразимое**, **миллионы красок** и др.). Максимальная активизация в текстовом фрагменте экспрессивных компонентов заставляет соотнести использованную автором лексику с той частью синонимических рядов, которая осталась невостребованной в тексте. Этот «закадровый» синонимический

фон делает более отчетливой коммуникативную установку автора.

Нередко эмотивно-оценочная модальность текста определяет место в его лексической структуре стилистически отмеченных синонимов с ярко выраженными эмоционально-экспрессивными компонентами значений. Обратимся к иллюстрирующему это явление текстовому фрагменту: «Чунка понял, что он один с четырьмя не справится, что вместе они его **изобьют**, и пошел на военную хитрость. Он неожиданно опять **вмазал** тому, кого **избил** в прошлый раз за подлое дело. Тот рухнул, а Чунка побегал. Он хорошо бегал и мог **сбежать** от них. Но он **сбежать** не хотел, он хотел растянуть преследователей. Через два квартала он заметил, что один из них вырвался вперед. Чунка сбавил ход и дал ему догнать себя. Чунка и ему **врезал** изо всей силы, и тот упал. Чунка побегал снова. Те двое, видя, что Чунка бежит, и считая, что он их боится, продолжали преследование. И третьему он дал догнать себя и третьему **врубил** от души, а четвертый, догадавшись, наконец, что дело плохо, повернул на ходу и **сбежал**» (Искандер).

Лексическая структура текста связана с передачей максимально динамичной ситуации, в ее организации ведущее место принадлежит глаголам движения, однако для характеристики поведения героя и его движущих мотивов чрезвычайно значимыми оказываются глаголы ЛСГ нанесения удара. Использование в открывающем текст предложении интенсивного глагола **избить** определяет эмоционально-экспрессивную модальность текста. Особое место в нем занимают глаголы **вмазать**, **врезать**, **врубить**. Хотя они и не включаются в словари синонимов в синонимический ряд с опорным словом **влепить** — ‘нанести сильный удар по голове, по лицу и реже — по другим частям тела’, однако в своих вторичных значениях, несомненно, к нему примыкают, формируя периферию синонимического ряда, максимально приспособленную для передачи эмоционального состояния персонажа. По точному замечанию В. Н. Телия, «существует зависимость между эмотивно-оценочной модальностью, составляющей неперенный компонент коннотации, и сигналами функционально-стилистическими: эмотивно маркированная речь нацелена на выражение субъективного переживания мира, а это переживание не может быть передано стилистически нейтральными средствами, в последнем случае произойдет нейтральное обозначение чувств, а не выражение переживания»⁷. И в приведенном тексте установка на передачу субъективного переживания обуславливает употребление просторечных синонимов-экспрессивов.

Особое место глагольных синонимов в лексической организации текста вполне закономерно. Они призваны, как уже отмечалось, выделить особое в сходных явлениях, дать объемную характеристику ситуаций, представить ее с разных точек зре-

ния. Подчеркнем, что в тексте «работают» не отдельные слова-синонимы, а синонимический ряд: даже в тех случаях, когда из него в соответствии с коммуникативными установками автора выбран лишь один член, участники коммуникации при создании и декодировании текста учитывают весь потенциал синонимического ряда, имеющийся в их распоряжении. При этом системные синонимические ряды, представленные в словарях, по-разному соотносятся с индивидуальным арсеналом синонимических средств отдельных языковых личностей.

Исследование текстовых фрагментов, в лексической организации которых ведущую роль выполняют синонимы, убеждает в том, что очень часто сеть текстовых лексических связей создается под воздействием тех сложных отношений, которые связывают не отдельные слова-синонимы, а целые синонимические ряды друг с другом. В тексте находят отражение, «проецируются» на текст взаимосвязанные типы синонимических рядов, выделяемые на основе парадигматических и эпидигматических связей последних⁸. В частности, для текстовой организации очень характерна так называемая межчастеречная синонимия, демонстрирующая текстовые проявления соотносительных синонимических рядов. Ряды этого типа базируются на отношениях межсловной деривации и включают члены словообразовательных гнезд, вступившие во взаимодействие вследствие того, что производные слова отражают, наследуют синонимические отношения производящих.

Как правило, выступая в тексте, соотносительные синонимические ряды включаются в текстовую «синонимическую сеть» наряду с другими лексическими единицами, связи между которыми обнаруживаются через один-два шага семантического анализа. Этот тип лексической организации текста можно проиллюстрировать следующим примером: «Тем не менее все-таки перед нами остается вопрос: что делать романисту с людьми **ординарными**, совершенно **обыкновенными**», и как выставить их перед читателем, чтобы сделать их сколько-нибудь **интересными**? Совершенно миновать их в рассказе никак нельзя, потому что **ординарные** люди поминутно и в большинстве необходимое звено в связи житейских событий; миновав их, стало быть, нарушим правдоподобие. Наполнять романы одними типами и даже просто, для интереса, людьми **странными** и **небывалыми** было бы неправдоподобно, да, пожалуй, и неинтересно. По-нашему, писателю надо стараться отыскивать **интересные** и поучительные оттенки даже и между **ординарностями**. Когда же, например, самая сущность некоторых **ординарных** лиц именно заключается в их всегдашней и неизменной **ординарности** или, что еще лучше, когда, несмотря на все чрезвычайные усилия этих лиц выйти во что бы то ни стало из колеи **обыкновенности** и **рутины**, они все-таки кончают тем, что остаются неизменно и вечно одною только **рутиной**, тогда такие

лица получают даже некоторую своего рода и типичность как **ординарность**, которая ни за что не хочет остаться тем, что она есть, и во что бы то ни стало хочет стать **оригинальной** и самостоятельной, не имея ни малейших средств к самостоятельности. К этому-то разряду «**обыкновенных**», или «**ординарных**» людей принадлежат и некоторые лица нашего рассказа, доселе (сознаюсь в том) мало разъясненные читателю» (Достоевский).

Формирует лексическую структуру текста противопоставление опорных лексических единиц: **обыкновенный, ординарный** и **странный, небывалый, оригинальный, интересный**. Наибольшей частотностью и активностью в тексте обладают синонимичные прилагательные **обыкновенный** и **ординарный** (они открывают и закрывают текстовый фрагмент, четко определяя его границы) и соотносительные существительные **ординарность, обыкновенность**, к которым примыкает и существительное **рутина** — 'установившийся обычай, порядок'.

Читатель не может обойти вниманием столь плотную синонимо-антонимическую сеть, формирующую содержательную структуру текста, вследствие чего реализуется коммуникативная установка автора — настроить читателя на определенное восприятие действующих лиц романа.

Особый интерес представляют случаи, когда воздействие синонимических парадигм обнаруживается в границах целого текста — макротекста. В таких случаях особыми семантическими вехами, «расставленными» по всей текстовой зоне, оказываются семантически «сближенные» слова. В синонимические парадигмы, являющиеся семантическими ориентирами в тексте, попадают члены синонимических рядов и их «близкие родственники» — члены смежных (максимально близких в пределах ЛСГ) и соотносительных синонимических рядов. Фиксация внимания читателя на семантически сближенных словах заставляет его видеть в осуществившемся лексическом отборе автора нечто большее, нежели лексический повтор, служащий целям текстообразования. Расставленные вехи будят мысль читателя, ведут к постижению глубинного смысла произведения, к полноценному постижению авторского замысла.

Несомненный интерес с точки зрения выявления роли синонимов во внутренней организации текстового пространства представляет один из ранних рассказов И. А. Бунина «Перевал». Небольшой по размеру (менее трех страниц), он предельно замкнут, локален с точки зрения всех содержательных характеристик. Этот рассказ, ведущийся от первого лица, о переходе через горный перевал и об изменениях внутреннего состояния героя во время этого перехода. Проходящее через весь текст использование глаголов **идти, шагать, брести**, принадлежащих к смежным синонимическим рядам, выполняет важную организующую роль, способствует адекватному восприятию смысла

произведения. Глаголы, используемые в своих основных значениях, приобретают особые текстовые смыслы.

Начинается рассказ с употребления уже в первом предложении двух из названных глаголов, причем слово **брести** повторяется дважды: «Ночь давно, а я все еще **бреду** по горам к перевалу, **бреду** под ветром, среди холодного тумана, и безнадежно, но покорно **идет** за мной в поводу мокрая, усталая лошадь, звякая пустыми стремянами». Актуализация значимых в семантике глагола **брести** семантических компонентов 'трудность, утомительность ходьбы' осуществляется и первой частью сложного предложения **ночь давно** и усилением **все еще**. Примечательно, что в данном предложении члены смежных рядов **идти** и **брести** не противопоставляются, как это нередко бывает, а используются как полностью синонимичные, причем компонент 'трудность, утомительность ходьбы' актуализируется в глаголе **идти** наречием **покорно** и определениями к слову **лошадь** — **мокрая** и **усталая**.

Первое предложение сразу вводит в кульминационную фазу рассказа: герой идет ночью в горах в полном одиночестве, и путь этот продолжается уже давно.

Второй абзац носит ретроспективный характер: в начале путешествия, «в сумерки», состояние было иным. Начало движения передается глаголом **шел**, используемым здесь в своем основном значении — 'передвигаться, делая шаги': «Темнело быстро, я **шел**, приближался к лесам — и горы вырастали все мрачней и величавее...». Это же семантическое содержание глагола сохраняется и тогда, когда речь идет о новом этапе движения, проходившем уже в темноте: «Наступила ночь, и я долго **шел** под темными, гудящими в тумане сводами горного бора, склонив голову от ветра».

Далее внутренняя напряженность в рассказе нарастает. Герой начинает уставать и мерзнуть, лошадь тоже замучена, а перевала все нет и нет. Отчаяние, ужас одиночества постепенно овладевают им: «Боже мой! Неужели я заблудился?» И здесь в момент высшего напряжения происходит внутренний перелом: «Но странно — мое отчаяние начинает укреплять меня! Я начинаю **шагать** смелее, и злобный укор кому-то за все, что я выношу, радует меня. Он уже переходит в ту мрачную и стойкую покорность всему, что надо вынести, при которой сладостна безнадежность...». Появляется синоним глагола **идти** — **шагать**, в котором актуализируется семантический признак лексического значения 'четкость, размеренность движения'. Иной характер движения соответствует иному внутреннему состоянию героя.

Далее повторяющийся глагол **иду** подчеркивает обретенную твердость, решимость преодолеть все препятствия: «Вот наконец и перевал. Но мне уже все равно. Я **иду** по ровной и плоской степи, ветер несет туман длинными космами и валит меня с ног, но я не обращаю на него внимания. Уже по одному свисту»

ветра и по туману чувствуется, как глубоко овладела поздняя ночь горами,— уже давным-давно спят в долинах, в своих маленьких хижинах маленькие люди; но я тороплюсь, я **иду**, стиснув зубы, и бормочу, обращаясь к лошади: «**Иди, иди**. Будем **бresti**, пока не свалимся. Сколько уже было в моей жизни этих трудных и одиноких перевалов! Как ночь, надвигались на меня горести, страдания, болезни, измены любимых и горькие обиды дружбы — и наступал час разлуки со всем, с чем сроднился. И, скрепивши сердце, опять брал я в руки свой страннический посох. А подъемы к новому счастью были высоки и трудны, ночь, туман и буря встречали меня на высоте, жуткое одиночество охватывало на перевалах... Но — **идем, идем!**»

В приведенном фрагменте текста осуществился переход в иной, обобщенный семантический план. Все слова текста обретают новые смыслы. Слова **перевал**, **подъем**, **туман**, **буря** становятся символами крутых поворотов в судьбе. В тексте актуализируется очень важный для понимания всего рассказа смысл: преодоление не только превратностей судьбы, но и одоление себя, своих слабостей. Предложение **Будем бresti, пока не свалимся** в приведенном фрагменте является определенной границей, знаменующей переход от прямого смысла к обобщенно-символическому. Глагол **бresti** сначала воспринимается в своем узуальном значении, а затем под воздействием текста ретроспективно наполняется обобщенным содержанием — 'жить, не сдаваясь, преодолевая все трудности'. Именно этот смысл актуализирован и в замыкающем текстовый фрагмент глаголе **идти**.

В конце рассказа происходит обратное движение смысла. Глагол **бresti** употребляется в обычном, не символическом значении, хотя сочетание **бреду как во сне** отличается смысловой двуплановостью: это и движение в состоянии предельной усталости, и движение, наполненное уже иным смыслом: «Спотыкаясь, я **бреду** как во сне. До утра далеко. Целую ночь придется спускаться к долинам и только на заре удасться, может быть, уснуть где-нибудь мертвым сном,— сжаться и чувствовать только одно — сладость тепла после холода». Таким образом, «в контексте всего произведения слова и выражения, находясь в тесном взаимодействии, приобретают разнообразные дополнительные смысловые оттенки, воспринимаются в сложной и глубокой перспективе целого»⁹. В глубокой перспективе целого воспринимаются не только отдельные слова, но и их группировки, в частности синонимические ряды. Обладая большим коммуникативным потенциалом, они способны, как было показано, выполнять существенную роль в формировании лексической структуры текста. Своеобразие текстовых «синонимических сетей» определяется как системными связями синонимов и синонимических рядов, так и собственно функциональными семантическими сближениями слов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

- ¹ Тураева З. Я. Лингвистика текста. М., 1986. С. 11.
² Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. С. 26.
³ Ушакова Т. Н., Павлова Н. Д., Зачесова И. А. Речь человека в общении. М., 1989. С. 90.
⁴ Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974. С. 14.
⁵ Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. М., 1986. С. 145.
⁶ Горелов И. Н. Энантисемия как столкновение противоречивых тенденций языкового развития // Вопр. языкозн. 1986. № 4. С. 86.
⁷ Теля В. Н. Коммуникативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986. С. 125.
⁸ Подробнее о типах синонимических рядов и их текстовых проекциях см.: Черняк В. Д. Проблема синонимии и лексико-грамматическая классификация слов. Л., 1989.
⁹ Виноградов В. В. Проблемы русской стилистики. М., 1981. С. 34.

Функциональная семантика слова. Свердловск, 1992

Е. И. ПЛОТНИКОВА

Свердловский пединститут

ЭКСПРЕССИВНЫЕ РЕАЛИЗАЦИИ МОДЕЛИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ГЛАГОЛАМИ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ

Исследуются языковые и речевые факторы, способствующие экспрессивности конструкций с глаголами перемещения.

Выразительные качества глагольного слова неоднократно отмечались исследователями языка¹. Глагол в современном языке характеризуется как яркое средство речевого воздействия²; большой интерес представляет описание так называемых экспрессивных вариантов семантических моделей предложений с глаголами различных ЛСГ. В данной статье рассматриваются экспрессивные варианты семантической модели предложений с глаголами субъектного перемещения.

Инвариантная семантическая модель субъектного перемещения представляет собой обобщенное и типизированное отражение ситуации однонаправленного перемещения субъекта в пространстве. Данная модель может быть представлена следующим образом: субъект перемещения — предикат перемещения — исходный пункт перемещения — конечный пункт перемещения. Набор всех возможных речевых реализаций данной модели представляет собой определенный вид парадигматических изменений, который можно определить как коммуникативную парадигму. Данная парадигма, как мы выявили, представлена тремя типами предложений-реализаций: коммуникативные ва-

рианты, дериваты и модификации основной модели³. Среди коммуникативных вариантов модели субъектного перемещения определенное место занимают экспрессивные реализации, которые не имеют собственных структурных схем. Это широкий круг предложений, которые дифференцируются по цели высказывания, по наличию в них эмоциональных компонентов. Для модели субъектного перемещения среди экспрессивных вариантов выделяются в первую очередь по регулярности реализации три группы фраз: вопросительные конструкции, восклицательные конструкции и повторные номинации. Цель статьи — описать данные виды реализаций и показать, как представлены в этих типах фраз основные и факультативные позиции.

Вопросительные конструкции. Первичная функция вопросительных конструкций — запрос информации, обращение к собеседнику с требованием ответа. Спрашивающий стремится получить новые для себя сведения, узнать что-либо, ранее неизвестное. В выражении вопроса участвуют различные аспекты предложения: порядок слов, лексические средства (вопросительные слова, вопросительные частицы), интонация.

Тем, какая информация запрашивается говорящим, определяется структура вопросительного предложения. Если спрашивающий интересуется намерением собеседника совершить само действие перемещения, его возможностью/невозможностью направиться куда-либо, он использует неместоименное предложение, предполагающее утвердительный или отрицательный ответ (который может быть выражен лишь словами «да» или «нет»). Например: «**Едете?**» — спросил он. «Да, теперь уже скоро» (Каверин); «**Ты идешь** сегодня к Николаю?» — «Нет» (Рошин).

В тех случаях, когда запрашивается информация о субъекте, локальных пунктах, времени, причине или способах перемещения, говорящий использует местоименные предложения, требующие развернутого ответа, который обязательно должен содержать новые сведения. Чаще всего запрашивается информация о конечном пункте перемещения (предложения с местоимением **куда**): «**Лика. А куда ехать собрался?** М а р а т. В Саратов. Как на твой вкус?» (Арбузов); «**А куда вы едете?**» — «В Измайлово, на соревнования» (Поляков).

Также довольно часто спрашивающий интересуется временем действия (местоимение **когда**), а в случае несовершенства действия — причиной этого (местоимения **почему, отчего**). Например: «**Когда вы едете?**» — «Должно быть, недели через две» (Каверин); «**Почему же ты не ехал** в Обломовку?» (Гончаров).

Какая-либо другая информация интересует говорящего в единичных случаях. Например: «**На чем же вы едете?**» (Дубов); «**Вы охотно едете?**» (Гончаров).

Субъект действия очень редко неизвестен спрашивающему, поэтому невелико и число вопросительных предложений с ме-

стоимением **кто**. Например: «Ле порелло. **Кто** к нам **идет**?» (Пушкин). В основном вопросительные предложения данной семантики используются в поэтической речи, где они выступают как риторические вопросы — с целью акцентировать внимание именно на субъекте перемещения, передать различные эмоциональные оттенки: «**Кто** же там в рубахе белой // По реке Урал **плывет**?» (Голодный).

Вопросительные предложения могут быть использованы говорящим и во вторичной функции — в тех случаях, когда не предполагается или не ожидается ответ; вопросительное предложение несет прежде всего экспрессивную нагрузку, является важным стилистическим средством.

Вопросительно-риторические предложения используются чаще всего для отражения различных чувств, переживаний говорящего (негодование, смятение, удивление и т. д.). Например: «Куда, зачем **стремлюся** я?» (Пушкин); «Враги сожгли родную хату, // Сгубили всю его семью. // Куда же теперь **идти** солдату? // Кому нести печаль свою?» (Исаковский). Чаще всего такие предложения используются в поэтической речи.

Вопросительно-побудительные предложения призывают собеседника совершить действие перемещения или приглашают к совместному действию. В этих случаях «требуется не ответ на вопрос, а реакция в виде действия»⁴. Например: «Б у б н о в. Пойду чаю попью... идемте в трактир? Эй!...» (Горький).

В функции отрицательных вопросительные предложения выступают в тех случаях, когда выражается невозможность, нежелание говорящего совершить действие. Например: «Герман. Ты будешь дома? Таня. А куда мне **идти**?» (Арбузов). «Нас дожидаются. Вы хотели ехать». — «Куда это **ехать**? Я не хотел ехать никуда» (Гончаров).

Итак, вопросительные конструкции выполняют в речи различные функции и представляют собой разновидность экспрессивных реализаций модели субъектного перемещения.

Восклицательные конструкции. Восклицательными по характеру чаще всего являются императивные предложения (77, % от всех проанализированных восклицательных предложений), побуждающие собеседника к действию. Побуждение в своих различных формах (приказание, распоряжение, предложение, призыв, просьба, совет и т. д.) происходит в диалоге. Например: «Пепел. **Ступай**, принеси деньги! Костылев. Экие грубые люди!» (Горький). В большинстве случаев позиции исходного и конечного пунктов остаются незамещенными, собеседники опираются на ситуацию, предыдущие реплики диалога: «Все, решено — **едем**!» (Форш). Субъектная позиция также часто опускается, что характерно для диалога.

Помимо побуждения к действию, восклицательные предложения передают различные эмоции говорящего, его психологическое состояние, реакцию на слова собеседника (радость, во-

сторг, негодование, гнев, сожаление и т. д.). Например: «По-всюду **следовать** за вами... вот блаженство!» (Пушкин); «**Пусть скачет** жених — не доскачет!» (Блок).

Восклицательная интонация чаще всего сопровождает фразы, содержащие другие конструктивные элементы экспрессивности (эмоциональные частицы, междометия и т. д.).

Повторные экспрессивные номинации. В лингвистической литературе не раз отмечалась активность глагольных предложений в образовании повторов с целью усиления выражения, выделения ситуации в тексте. Предложения, отражающие ситуацию перемещения субъекта и имеющие семантику непрерывного процесса, образуют повторные номинации достаточно регулярно. Рассмотрим отдельно случаи контактных и дистантных повторов.

Контактные повторы:

1) глагольный повтор подчеркивает длительность, непрерывность действия перемещения. Например: «В свои мечты погружена // Татьяна долго **шла** одна. // **Шла, шла...**» (Пушкин). В подобных предложениях почти не замещаются какие-либо локальные позиции, так как важно сделать акцент на самом действии, его интенсивности;

2) глагольный повтор происходит в императивных конструкциях, когда «наблюдается актуализация модальности необходимости, побудительности»⁵. Говорящий настойчиво призывает собеседника к движению (чаще всего к удалению откуда-либо). В этих предложениях организующими центрами выступают только основные, ядерные глаголы группы — **идти, ехать, ступать, лететь, бежать**. Например: «Не надо мне тебя, слышишь, **иди, иди!**» (А. Толстой);

3) глагольный повтор служит ответной репликой диалога, построенного на основе глагола-предиката предыдущей реплики собеседника⁶. Во всех предложениях данной семантики зафиксирован только глагол **идти**. Например: «Иди. Поздно». — «**Иду, иду**» (Рощин).

В предложениях второго и третьего типа при глаголе локальные позиции не замещаются, так как их значение ясно из контекста или ситуации. Незамещенной оказывается и субъектная позиция;

4) глагольный повтор, отражая логическую последовательность действий, «обозначает длительное действие, которое привело к желаемым результатам»⁷, о чем и говорится во второй части высказывания. Например: «Нешто не навоевались?» — «Да как-то ни то ни се... **Шел-шел** и никуда не дошел... Охота посмотреть, как Берлин будут колошматить» (Носов);

5) глагольный повтор означает также длительное динамическое действие, а глагол совершенного вида во второй части высказывания констатирует законченность этого действия. Например: «Она взяла его под руку, и они пошли по темной улице.

Шли, шли и пришли к дому Анны Николаевны» (Карелин).

В конструкциях четвертого и пятого типа при повторяющемся глаголе перемещения позиции исходного и конечного пунктов не реализуются, так как исходный пункт известен из ситуации или его значение нерелевантно, а конечный пункт указывается в последующем контексте.

Для повторов контактного типа характерно использование очень узкого круга глаголов перемещения (8 глаголов наивысшей частотности), высокая частотность глагола **идти** (72 употребления из 108). Очевидно, это можно объяснить тем, что такой тип конструкций характерен для прозаической, прежде всего диалогической речи, где **идти** часто выступает в очень широком значении — как функциональный эквивалент многих других глаголов перемещения.

Основная функция дистантных повторов, как и контактных, — выражение экспрессии, усиления, выделения ситуации в тексте. Что касается структуры предложений с повторной глагольной номинацией дистантного типа, то во всех случаях в первой номинации замещается одна, реже две из основных позиций, а во второй номинации — другая основная или факультативная позиция.

Дистантные повторы:

1) наиболее частый случай — в первой номинации при глаголе замещаются позиции субъекта и конечного пункта, а во второй номинации замещается факультативная позиция образа действия и дается характеристика движения со стороны скорости, интенсивности и т. д. Например: «А в десяти шагах от него **бежали** серые тени в сторону Царского Села. Их было много, целое шоссе. **Бежали неистово**» (А. Толстой);

2) в первой номинации при глаголе замещается субъектная позиция, а во второй — обязательная локальная позиция, указывающая на конечный или исходный пункт. Например: «**Летела** гагара, // **Летела** гагара // На внешней заре, // **Летела** гагара с морского утеса // Над тундрой сырой» (Тряпкин);

3) в первой номинации при глаголе замещаются позиции субъекта и конечного пункта (или пути движения), а во второй номинации позиция субъекта и сопутствующего действия. Например: «Выйдя на улицу, я долго **шла** по бульвару. Я **шла** и **повторяла** стихи Коли про осень...» (Гофф); «Он стоит у первого вагона, и я **бегу**, к нему, я **бегу** и **чувствую**, как все у меня внутри дрожит от волнения и счастья» (Каверин). В этом случае повторная конструкция передает реальную связь действий, производимых одним и тем же лицом⁸;

4) повторная номинация представляет собой конструкцию, в которой «повторяющиеся глаголы с их конкретизаторами составляют перечисленный ряд, ситуация складывается из дополняющих друг друга эпизодов и состояний»⁹. Во всех предложениях, построенных по этому типу, при повторяющихся глаголах

перемещения замещается позиция пути движения. Например: «Казалось, машина **едет** нескончаемой аллеей из могучих деревьев, **едет** парком, чуть ли не через лес, а не городом» (Карелин).

Интересно отметить, что дистантные повторы глаголов перемещения довольно часто встречаются в поэтической речи — треть употреблений, однако и в данном случае наблюдаются те же закономерности, что и при контактных повторах в разговорной речи: очень узкий круг глаголов (**идти, бежать, ехать, плыть, лететь**), высокая частотность глагола **идти** (52 употребления из 77).

Регулярность повторных номинаций с глаголами однопавленного перемещения, их различие в функционально-смысловом плане дают возможность рассматривать данный тип конструкций как важное экспрессивно-стилистическое средство.

Возможны и другие средства выражения экспрессивности в предложениях с семантикой перемещения, но так как они не связаны с непосредственным функционированием глаголов перемещения в тексте, мы не рассматриваем их подробно. К таким средствам относится использование усилительных частиц, сравнений, оборотов **бегом бежать, валом валить** и др., междометий, предложений с ослабленным прямым значением компонентов, обратного порядка слов, включение в предложения фразеологических оборотов и другие средства. Некоторые примеры: «**Идет Иван Макарович**, что ни шаг, то ближе, никуда не свернешь, никуда не убежишь» (Тендряков); «Куда это **на-вострил лыжи**? — с ходу закричал он старику. — Не на Марьюшу?» (Абрамов); «**Очень нужно было идти!** — рассуждал он. — С ее стороны кокетство одно, прихоть, каприз... Я-то зачем побежал?» (Тургенев); «Ей бы **бегом бежать**, но достоинство не позволяет... идет, бедняга, а мы потешаемся» (Рощин).

Все экспрессивные средства используются с целью усиления воздействия на слушателя при передаче информации. Набор экспрессивных средств, в основном, однотипен для предложений различной семантики; предложения, отражающие ситуацию субъектного перемещения, в данном случае не демонстрируют какой-либо особой специфики. Мы констатируем саму возможность различных экспрессивных реализаций анализируемой модели и различие в частоте представления тех или иных экспрессивных конструкций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

¹ Пешковский А. М. Глагольность как выразительное средство // Методика родного языка. Лингвистика. Стилистика. Поэтика. М.: Л., 1925. С. 142; Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. 3-е изд. М., 1986. С. 23 и др.

² Тропина Н. И. Глагол как средство речевого воздействия (в публицистике на международные темы). М., 1989. С. 4.

³ Плотникова Е. И. Предложения с семантикой однонаправленного перемещения, удаления и достижения (парадигматическое описание): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1989.

⁴ Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис. М., 1986. С. 128.

⁵ Бабенко Л. Г., Матвеева Т. В. Повторная глагольная номинация в поэтическом тексте // Проблемы глагольной семантики. Свердловск, 1984. С. 121.

⁶ Матвеева Т. В. Повторная номинация в разговорной речи и лексико-семантические группы глаголов // Классы глаголов в функциональном аспекте. Свердловск, 1986. С. 90.

⁷ Там же. С. 91.

⁸ Кузнецова Э. В., Нуждова В. М. Лексико-семантические связи однородных глагольных сказуемых // Исследования по семантике: Семантические аспекты синтаксиса. Уфа, 1985.

⁹ Бабенко Л. Г., Матвеева Т. В. Указ. соч. С. 122.

Функциональная семантика слова. Свердловск, 1992

И. И. СВИРИДОВА

Российский педуниверситет имени А. И. Герцена

БЫТИЙНАЯ ЛЕКСИКА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Анализируются способы отражения бытийных отношений в художественной речи, и прежде всего глаголы как ядерное средство обозначения бытийности.

Отправным моментом текстового анализа бытийности в данной статье служат способы выражения бытийных отношений, передаваемых соединением глагола с его актантами. Этот способ отмечается как ведущий в передаче идеи бытийности и во многих синтаксических работах, и в лексически ориентированных, и в словаре «Лексическая основа русского языка»¹, представляющем основные группы русской лексики, включая бытийную.

С учетом фреймового подхода, распространенного также на исследование языковой семантики, ориентация на глаголы бытия приобретает и дополнительный смысл. По данным психолингвистики, глаголы выступают узлами, или терминалами, вокруг которых группируются другие понятия и лексемы в системе нашей памяти. Таким образом, ядерная роль глаголов имеет и психическое обоснование. Анализ текстовых фрагментов показывает, что ядерными средствами выражения бытийности являются не только глаголы собственно-бытийные, но и глаголы, не имеющие собственно-бытийного значения, а приобретающие его в определенном контексте. Наиболее частотными в таком употреблении предстают глаголы ЛСГ движения,

перемещения в пространстве, положения в пространстве и глаголы чувственного восприятия. В таких случаях «в значении глагола сочленены две основные лексические семы, одна несет значение бытия, а другая ассоциирует бытие с тем или иным состоянием, действием (это — ассоциирующий компонент значения), конкретизирует форму существования, связывает его с ограниченным кругом субъектов»².

«На покосах свежо **зеленела** отава, блекло **цвели** погремки и кое-где **розовели** бледные шишечки позднего клевера. Небо, отбеленное по краям, неназойливо **голубело**» (Астафьев). Глаголы ЛСГ цветового обозначения в тексте являются ядерными средствами в передаче идеи бытийности. **Зеленеть, розоветь, голубеть** — ‘выделяться своим цветом’, **выделяться** — ‘быть видимым’ (МАС-2). Обращение к словарю-справочнику «Лексикосемантические группы русских глаголов»³ подтверждает отнесение данных глаголов к бытийным.

«Свежескошенная трава **вянула** на глазах, **хрустела** стеблями под ногами и могуче **источала** в голубой воздух душистые запахи. Ветра **не было**, и этот волнующий аромат разнотравья плотной пеленой **держался** над лугом» (Абрамов). В этом примере сконцентрированы языковые средства, создающие поле бытийности, практически весь фрагмент является ядром текстового ФСП, так как средствами выражения идеи бытийности здесь служат глаголы бытия, что подтверждает обращение к словарю «Лексическая основа русского языка».

«**Занимались** и **гасли** мирные теплые зори. Казалось, что пряжа будничных дней однотонна, но из них **ткались** годы коврами с неповторимыми рисунками событий» (Воробьев). Анализируя лексические средства, передающие идею бытийности, необходимо выделить прежде всего центральные компоненты, которыми являются глаголы **занимались** и **гасли**. См. следующую информацию: **заняться** — ‘наступить’; **гаснуть** — ‘исчезать’ (МАС-2). А в примере со словом **ткались** наблюдается окказиональное включение его в орбиту поля бытийности. Новый контекстуальный смысл возникает у слова в связи с общим фоном текстового фрагмента, выражающим идею бытийности.

«За этой работой как-то незаметно **наступило** лето. Дружно, словно наворачывая упущенное время, **полезла** молодая трава. **Распустился** кустарник. И уже комар начал оттачивать свое жало на лошадях и пахарях» (Абрамов). В данном текстовом отрывке средства, передающие отношение бытийности, являются центральными. Это фазисный глагол **наступило** и бытийные глаголы **полезла, распустился**, актуализирующие определенные моменты существования растительного мира. Рассмотрение языковых средств, организующих ФСП бытийности в данных примерах, позволяет отметить, что наибольшую функциональную нагрузку несли глаголы бытия. Но так как бытийность представляет функционально-семантическое объединение

разнородных средств, то, кроме глаголов, существуют другие средства, способные выражать идею бытийности. Так, большинство имен со значением состояния, действия, явления способны образовывать экзистенциальные номинативные предложения. Такие предложения передают идею бытийности не только в системе языка, но и в текстовых фрагментах.

«Тишина. Туман над лугом. Лохматые стога-великаны **выплывают** вдали. На варнице **чадит** дымок, синей лентой **тянется** к небу, которое так бледно, что народившийся призрачный месяц чуть заметен на фоне зубчатого неподвижного ельника. Внизу на Синельге что-то раз и два **хлопнуло**. Это, должно быть, прожорливая щука бросилась на зазевавшуюся рыбешку.

И опять все тихо. Опять неподвижный лес по сторонам, туман над лугом, и в нем, как сказочные богатыри, стерегущие покой усталых людей,— стога» (Абрамов). Данный текстовый фрагмент иллюстрирует совмещение разных способов языковой интерпретации идеи бытийности. На синтаксическом уровне наблюдается употребление номинативных предложений, эллиптических конструкций в составе сложного предложения, несущих идею бытийности. На лексическом уровне ядро текстового поля бытийности создают глаголы **выплывают**, **чадит**, **тянется**.

В соответствии с текстовыми потребностями семы 'перемещение в пространстве', вычленяемые в значениях слов **выплывают**, **тянется**, погашаются, на передний план выдвигается, актуализируясь, сема 'существование'. В этом отрывке наблюдается смысловое согласование глаголов различных ЛСГ, благодаря опоре на связанность их значения и общую сему — сему бытийности.

Тематическая ориентация на создание картины бытия — одна из специфических особенностей текстового проявления бытийности. Глаголы, передающие идею бытийности, образуют предложения, которые, в свою очередь, формируют кольцевую конструкцию художественно организованной речи. Способом поддержания внутритекстовых связей слов выступает абзационное членение текста. Предложения первого абзаца создают целостную картину бытия, детализируют, углубляют ее. Заключительная часть рассматриваемого отрывка выступает в качестве обобщающей, акцентируя еще раз внимание читателя на описанных явлениях.

Следующий пример является идентичным предыдущему по наличию языковых средств, выражающих отношения бытийности. На синтаксическом уровне здесь присутствуют номинативное предложение, эллиптические конструкции в составе сложного предложения. На лексическом уровне функциональную нагрузку бытийности несут глаголы бытия **рассыпались**, **заросли** и глагол **тонут**, выражающий бытийность в данном контексте: «Шелковка... Две сотни хат двумя посадками **рассыпались** над рекой, кишашей пискарями и пиявками. Берега реки

заросли ивовой дремучью, хаты тонут в садах, а вокруг — безбрежный океан созревающего хлеба, дрожащая синь знойного марева и никогда не потухающее солнце» (Воробьев).

В следующем примере сконцентрированы языковые средства, создающие поле бытийности, весь отрывок является ядром текстового ФСП, так как языковые средства, относящиеся к семантической зоне бытийности, непосредственно и прямо выражают авторский замысел: «Весна, по всем приметам, шла скорая, дружная. К середине апреля на Пинеге **зачернела** дорога, **установленная** еловыми ветками, **засинели** забереги. В темных далах чернолесья **проглянули** розовые рощи берез. С **крыш** **капало**. Из осевших сугробов за одну неделю **выросли** дома, — большие, по-северному громоздкие, с мокрыми, потемневшими бревенчатыми стенами. Днем, когда **пригревало**, в косогоре вскипали ручки и по деревне волнуяще **расстился** горьковатый душок оттаявших кустарников» (Абрамов).

Данный текстовый фрагмент раскрывает тему наступления весны. Высказывания, составляющие контекст, ориентированы на создание пейзажа. Необходимо отметить организованную систему глаголов, употребленных в форме совершенного вида, которые являются показателями мгновенности, законченности действия: **проглянули**, **выросли**. Глаголы прошедшего времени начинательного способа действия **зачернели**, **засинели** передают быструю смену событий. Все названные глаголы создают динамизм фрагмента, отмечая разную степень изменений в природе, наблюдаемых с наступлением весны. Итак, средствами выражения бытийных отношений в данном фрагменте являются глаголы начала действия, глаголы движения, глаголы цветового обозначения. Существенна роль безличных предложений с глаголами, передающими состояние природы.

Дополнительным средством преобразования словарных единиц может выступать окказиональная семантика. Она появляется в результате сужения понятийного ядра общеязыкового значения, а также индивидуально-авторского преобразования общеязыковой семантики данных единиц.

И. А. Стернин справедливо утверждает: «Окказиональное употребление слова является актуализацией определенных сем в значении. Окказиональное употребление предполагает перенесение слова в несвойственный для него, не типичный для значения контекст. Такой перенос создает яркие, образные значения»⁴. Интересным представляется употребление слова **хозяйничала** по отношению к существительному **осень** в следующем примере: «На потемневшей земле торопливо **хозяйничала** осень: с шумом обрывала высохшие листья с деревьев, раскидывала их по зеленой траве, осыпанной серебряными капельками растаявшей изморози» (Абрамов).

Удачно найденное автором слово позволяет создать картину осеннего увядания природы. Данное окказиональное включение

глагола **хозяйничала** в текст отвечает авторскому замыслу — одухотворить, очеловечить природу. Ср.: **хозяйничать** — ‘распоряжаться чем-л.’ ‘делать по своему усмотрению’ (МАС-2). Семы ‘распоряжаться чем-л.’ и ‘делать по своему усмотрению’ актуализируют тему вступления осени в свои права. На актуализацию этого смысла указывают однородные сказуемые **обрывала, раскидывала**, которые образуют текстовую парадигму, объединяющую глаголы разных ЛСГ.

Можно сказать и об организующей роли глагола **хозяйничала** в данном примере, рассматривая этот глагол как центральное, ведущее слово, вокруг которого организуется текстовая ситуация. Таким образом, глагол **хозяйничала** выступает одним из средств когезии.

Благодаря текстовому окружению данный глагол вызывает непредвиденный эффект, потому что «выразительность слова зависит не только от того, что оно обозначает, т.е. не только от его лексического значения, но и от его стилистической прикреплённости, а также от разнообразных связей с другими словами языка, начиная от звуковых и кончая ассоциативно-эмоциональными»⁵. Оказиональное употребление данного глагола обуславливает его текстообразующую функцию, поскольку он требует раскрытия своего значения последующими компонентами текста. Между частями предложения устанавливаются пояснительные отношения. Основную нагрузку бытийности несет на себе глагол **хозяйничала**, так как он в сочетании с субъектом предложения является центром всего повествования.

«**Шумит** трава под ногами — тихо, успокаивающе. Лошадь, обмахиваясь хвостом, на ходу **хватает** траву, отфыркивается, когда на губы попадает пропыленная былка. А перед глазами все **плывут** и **плывут** белоголовые ромашки, и вместе с ними медленно выплывает из памяти далекая молодость, прожитая жизнь» (Абрамов). В данном примере в соответствии с художественными задачами автор создает видимый и звучащий образ бытия. При этом от образа материального мира автор переходит к сфере сознания — воспоминаниям, представлениям. В целом весь отрывок имеет статичный характер: действия, обозначаемые глаголами **шумит, хватает, попадает**, не ведут к изменению состояния субъектов. Это позволяет мотивировать появление определенных ассоциаций в сознании героя.

Бытийный характер данного текстового фрагмента формируется глаголом **выплывает (из памяти далекая молодость)**, который реализует здесь свое синтаксически обусловленное, лексически связанное стандартное значение, в котором доминирующей является сема ‘возникновение’, ‘появление’. Она и способствует наведению через ассоциативно-деривационные связи этой же семы у глагола **плывут**, что позволяет употреблять его в окказиональном сочетании с существительным **ромашки**. Этот пример иллюстрирует тот факт, что поле бытий-

ности, выражаемое в лексической системе ограниченным количеством глаголов с самым широким абстрактным значением, в текстах значительно расширяется за счет употребления глаголов, имеющих в своей семантической структуре семы 'возникновение', 'появление', которые актуализируются не в свободно-номинативном, а синтаксически обусловленном типе значения. Этот тип часто имеет более абстрактный характер, чем тип свободно-номинативного значения глагола, так как в данном случае гасится сема 'способ перемещения в пространстве', поскольку речь идет о психическом состоянии человека.

«Мы стояли на опушке осинника, и перед нами **простиралась** громадная равнина, ошетинившаяся молодым сосняком. Вдали, на западе, равнина **вползла** на пологий холм, и казалось, что оттуда на нас **накатывается** широкая морская волна» (Воробьев). Этот текст представляет собой картину материального мира, которая, проходя через ряд определенных ассоциаций, предстает перед глазами героев. Создается зримый образ природы, который обретает новые зрительно воспринимаемые черты благодаря чувственному и эмоциональному восприятию человека. Это создается путем реализации в тексте значения глаголов **простиралась** и **вползла**. Глагол **простиралась**, относящийся к ЛСГ перемещения в пространстве, реализует в тексте свободно-номинативное значение, которое предназначено для выражения конкретного физического действия. В данном примере это значение используется для изображения динамичной ситуации (в восприятии героев).

Далее жизнь природы в большей мере одухотворяется присутствием и сознанием человека. В тексте это происходит через окказиональное включение глагола **вползла**, в котором актуализируются компоненты значения 'подниматься вверх' и 'медленно появляться'. Ощущение медленного движения равнины вверх возникает в сознании, в воображении героев, наблюдающих эту картину.

Окказиональное употребление глагола **вползла** в сочетании с существительным **равнина** создает более выразительный образ данного предмета. Сема 'движение' в значении глагола **вползла** указывает на субъективные представления о признаке предмета, объективно не существующем. Так как ЛСГ 'перемещение в пространстве', 'положение в пространстве' конкретизирует форму существования объектов в пространстве, глаголы **вползла** и **простиралась** в данном контексте несут на себе идею бытия. В этих глаголах сочленены две основные семы — сема 'бытие' и сема 'движение в пространстве'.

Анализ различных текстовых примеров, реализующих идею бытия через раскрытие внутреннего мира персонажа, позволяет предположить, что исследование в тексте глаголов бытия с достаточно высокой степенью вероятности влечет за собой использование глаголов ЛСГ перемещения и состояния, поскольку

ку абстрактная семантика бытийных глаголов дает только общую семантическую рамку, что оказывается недостаточным для адекватной передачи восприятия человеком фрагмента действительности. В этом скрывается высокая текстообразующая потенция глаголов бытия. Они как бы переопределяют функционирование глаголов ЛСГ, имеющих общие импликационные семы и пересекающихся в периферийной зоне семантического поля. Ассоциативная связь глаголов подтверждается сравнением, включающим еще один глагол бытия (и казалось, что оттуда на нас накатывается широкая волна).

Анализ приведенных текстовых фрагментов показал, что наибольшую функциональную нагрузку в организации ФСП бытийности несут глаголы бытия. Очень часто глаголы движения, перемещения и положения в пространстве, цветовой и звуковой семантики, попадая в определенный контекст, приобретают значение бытийности. Это происходит в силу того, что художественный текст представляет собой смысловое единство, организованное авторской идеей, и выбор языковых средств определяется автором, отражая его индивидуальность. На синтаксическом уровне в текстовых фрагментах наблюдается высокая частотность употребления номинативных и неполных предложений. Так как бытийность представляет собой функционально-семантическое объединение разнородных средств, в рассмотренных контекстах наблюдались явления лексико-грамматической координации в передаче идеи бытия.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

¹ Лексическая основа русского языка: Слов. для иностранцев. М., 1984.

² Шведова Н. Ю. Слово и грамматические законы языка. Глагол. М., 1989. С. 121.

³ Лексико-семантические группы русских глаголов: Слов.-справ. Свердловск, 1988.

⁴ Стернин И. А. Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж, 1979. С. 70.

⁵ Там же. С. 245.

Н. А. ГОГУЛИНА
Уральский университет

**ГЛАГОЛЫ ЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В ФУНКЦИОНАЛЬНО-СИНТАГМАТИЧЕСКИХ
РЯДАХ СЛОВ (на материале прозы А. П. Чехова)**

На материале прозы А. П. Чехова рассматриваются способы отражения личностных отношений, в том числе однородные ряды глаголов-предикатов и ряды предикатов свернутого типа, а также конверсивы. Выявляются модели сочетаемости глаголов-предикатов личностных отношений с другими предикатами.

Функциональный аспект анализа лексики предполагает рассмотрение слова как минимальной функционально-строевой единицы текста. В тексте раскрываются его функциональные возможности, которые потенциально присущи ему в языковой системе. Функциональному анализу подвергаются как отдельные слова, так и лексико-семантические парадигмы слов различного типа. При этом можно идти от единиц к их функциям и, наоборот, — от функций к единицам. В последнем случае выявляются смысловые объединения слов, в основе которых лежит функционально-текстовая семантика. Тогда слова по своим языковым значениям являются единицами различных ЛСГ, но имеют единый смысл в речи, например функционально-семантический класс глаголов эмоционального состояния или функционально-семантическое поле причинности и т. д.¹

Нас интересуют глаголы-предикаты, употребляемые во фразах, раскрывающих ситуацию личностных отношений. Материал исследования ограничен контекстными условиями функционирования глаголов — анализируются функционально-синтагматические ряды слов. Термин «функциональная синтагма» заимствован нами у В. В. Виноградова, который дает его определение, ссылаясь на труды западно-европейских и американских лингвистов: «Функциональная синтагма — это союзное или бессоюзное сочетание слов, образующих семантическое единство синтаксического ряда лишь в силу общности их функции в составе предложения»². Под данное понятие мы подводим не только названные ряды слов, т. е. однородные сказуемые в простом предложении, но и сказуемые в сложном предложении и в отдельных простых при условии, если они являются предикатами, имеющими общий субъект действия, а также полипредикативные конструкции, включающие скрытые предикаты и другие конструкции, которые при трансформации могут быть преобразованы в однородные ряды слов.

В качестве объекта исследования выступают фразы, включающие в свой состав более одного предиката, один из которых

обозначает личностные отношения. При этом выделяются функциональные ряды с эксплицитно и имплицитно представленными глаголами-предикатами. Материалом послужили семь рассказов А. П. Чехова — «О любви», «Анна на шее», «Ионыч», «Невеста», «Душечка», «Дама с собачкой», «Дом с мезонином»*. Работа не имеет целью оценить художественное мастерство Чехова, хотя отбор языковых единиц, их погружение в контексте определяется авторскими целями и задачами, его мироощущением и видением действительности. Для нас текст выступает как материал для анализа языковых конструкций. В центре внимания — функция глаголов-предикатов межличностных отношений в функционально-синтагматических рядах слов.

Ситуация отношения между людьми в реальной действительности неоднозначна, она имеет разные формы и средства обнаружения и раскрытия. В лексической системе представлен значительный пласт слов, в частности глаголов, обозначающих отношения между людьми. Это весьма разноплановые по семантике единицы, так как сема отношения имеет разный статус в их семантической структуре, например *уважать* — 'чувствовать и проявлять уважение к кому-л.' (КЛС); *бранить* — 'произносить бранные слова и высказывать порицание, осуждение' (ДС).

Таким образом, к глаголам межличностных отношений мы относим широкий класс слов, формирующийся на пересечении ряда конкретных семантических групп глаголов: чувств, речи, интеллектуальной деятельности, поведения. Употребление двух и более предикатов во фразах, передающих ситуацию отношения, характеризуется как разнообразием моделей сочетаемости, так и выполняемыми ими семантическими функциями, смысловой нагрузкой.

Выделились следующие группы функциональных синтагм в зависимости от их лексического состава: 1) с глаголами языковой группы межличностных отношений: а) с глаголами одного типа отношения (*любить, обожать*); б) с глаголами разных типов отношения (*жаждать, восхищаться*); 2) с глаголами группы межличностных отношений и глаголами других семантических групп (*обиделся и ушел; любили и называли*); 3) с глаголами определенных ЛСГ и словами-конкретизаторами со значением отношения (скрытыми предикатами) — *смотреть с презрением, ответить пренебрежительно*.

Сочетаться в ряду могут как глаголы в основных языковых значениях — первичные предикаты, так и в неосновных — вторичные предикаты. Каждый из названных синтаксических ря-

* В дальнейшем цитируется по изданию: Чехов А. П. Избранные сочинения: В 2 т. Т. 2. М., 1979 — с указанием в скобках страницы.

дов с предикатами отношения выполняет определенные семантические функции. Рассмотрим их.

Функциональные синтагмы, представленные глаголами-предикатами языковой группы личностных отношений, либо передают однотипную ситуацию отношения, либо разнотипную. Ряды с глаголами-предикатами одного типа отношения обладают разной функционально-смысловой нагрузкой в тексте. Одна из них — усиление представления описываемой ситуации, ее градация: «Брать тайно или просить она не могла, она **боялась мужа, трепетала его**» (109); «Дмитрий Ионыч, вы знаете, больше всего в жизни я люблю искусство, я **безумно люблю, обожаю** музыку, ей я посвятила всю свою жизнь» (241); «В его наружности, в характере, во всей его натуре было что-то привлекательное, неуловимое, что **располагало** к нему женщин, **манило** их; он знал об этом, и самого его тоже какая-то сила влекла к ним» (304).

Одна и та же ситуация отношения может раскрываться разнонаправленно относительно позиций субъекта и объекта: «Я **нравился** Жене как художник, я **победил ее сердце** своим талантом...» (127). С одной стороны, отношение субъекта к объекту (**я нравился Жене**), с другой — каузация объектом отношения к себе с сохранением усилительной функции.

Между глаголами-предикатами могут устанавливаться отношения уточнения, например один из них называет прекращение состояния отрицательного отношения, другой — конкретный способ его прекращения: «Знаете, Владимир Платоныч, вы бы **помирились** с вашей женой. **Простили** бы ей хоть ради сына!...» (298).

Порой глаголы-предикаты раскрывают динамику ситуации отношения, ее развитие: «Анна Сергеевна **привязывалась** к нему все сильнее, **обожала** его, и было бы немыслимо сказать ей, что все это должно же иметь когда-нибудь конец; да она бы и не поверила этому» (315).

Возможно обозначение отношения как состояния и как его внешнего проявления: «И Лидя точно так же **презирала** во мне чужого. Внешним образом она никак **не выражала** своего **нерасположения** ко мне, но я его чувствовал и, сидя на нижней ступени террасы, испытывал раздражение» (118).

Разновидностью сочетания глаголов-предикатов одного типа отношения является лексический повтор, полный или частичный. Его смысловые функции разнообразны. Он служит: 1) выражению степени, интенсивности действия: «...но Оленька его **полюбила, так полюбила**, что всю ночь не спала и горела, как в лихорадке» (297); 2) выражению сопоставительных отношений: «Как зарождается любовь,— сказал Алехин,— почему Пелагея **не полюбила** кого-нибудь другого, более подходящего к ней по ее душевным и внешним качествам, а **полюбила** именно Никанора, этого мурло...» (266); «Как я могла жить здесь

раньше, не понимаю, не постигаю! Жениха я презираю, себя презираю, презираю всю эту праздную, бессмысленную жизнь...» (369); 3) выражению объяснительных отношений: «Я любил Женю. Должно быть, я любил ее за то, что она встречала и провожала меня, за то, что смотрела на меня нежно и с восхищением» (127); 4) сопоставлению динамики и статики обозначаемой ситуации отношения: «Отчего, например, вы до сих пор не влюбились в Лиду или Женю?» — «Вы забываете, что я люблю другую женщину», — ответил Белокуров» (122).

При разнотипном описании ситуации отношения в функциональном ряду сочетаются глаголы разных по типу отношений: глаголы эмоционального отношения (положительного и отрицательного) передают одновременность, совмещение близких и полярных типов эмоционального состояния, уточнение описываемой ситуации, например: «...она часто задумывалась и все просила его сознаться, что он ее не уважает, несколько не любит, а только видит в ней пошлую женщину» (308); «Они любовались и в то же время жалели, что этот человек... не занимался наукой» (273); «...в одной из комнат этого дома живет Лида, которая не любит, быть может, ненавидит меня» (127).

Иногда возникают отношения следствия: то или иное отношение вызывает другое отношение, которое является возможным вариантом выражения первого: «Нет, Котик любит свою маму. Котик не станет огорчать папу и маму» (236); «Наконец вошла Екатерина Ивановна в бальном платье, декольте, хорошенькая, чистенькая, и Старцев залюбовался и пришел в такой восторг, что не мог выговорить ни одного слова, а только смотрел на нее и смеялся» (240).

Особо следует сказать о конструкциях, которые формально с точки зрения структуры не могут быть определены как функционально-синтагматический ряд слов (они не являются однородными членами предложения, употребляются с разными подлежащими и пр.), но в смысловом отношении они близки функциональным синтагмам и могут быть трансформированы в них, например: «...несчастья Кукина тронули ее, она его полюбила» (294), ср.: Она почувствовала жалость к Кукину и полюбила его. Наблюдается динамика, переход одного типа отношения в другой: что-то в объекте вызывает определенное отношение, на основе этого возникает новое отношение к объекту. Возможно и наоборот, например: «...и когда Гуров охладевал к ним, то красота их возбуждала в нем ненависть...» (306).

Употребление глаголов в однородном синтаксическом ряду не может не сказаться на их семантике. Так, в языковой системе в семантике глагола на их семантике. Так, в языковой системе в семантике глагола нет семы 'способ, форма обнаружения отношения', в контексте же глагол приобретает этот смысл: «Потом Екатерина Ивановна играла на рояле шумно

и долго, и когда кончила, ее долго **благодарили и восхищались ею**» (244). В данном случае **восхищаться** значит 'словами выражать свое отношение'. В следующем примере глаголы сближаются общей целью: «Он подошел к ней и взял ее за плечи, чтобы **приласкать, пошутить**, и в это время увидел себя в зеркале» (315).

Глагол может обозначать особый тип отношения. Так, глагол **сходиться** определяется в словаре так: '4. Сблизиться, сдружиться' (МАС-2). В следующем контексте: «Время шло, он **знакомился, сходил, расставался**, но ни разу **не любил**; было все, что угодно, но только не любовь» (315) — глагол реализует значение 'вступать в близкие, интимные отношения', которое поддерживается противительной связью с глаголом **любить**. Наблюдается трансформация одной ситуации отношения в другую, их развитие, изменение (**знакомиться — сходиться; знакомиться — расставаться; сходиться — не любить**).

Итак, употребление глаголов группы межличностных отношений в синтаксическом ряду диктуется необходимостью акцентировать внимание на ситуации отношения, всесторонне и глубоко описать ее, раскрыть возможные формы ее протекания, развития и обнаружения.

Значительна в анализируемом материале группа фраз, в которых в одном ряду с глаголами личностных отношений находятся глаголы других семантических групп, причем ряд предикатов может быть как эксплицитным, так и имплицитным.

Сочетаются следующие по своей семантике глаголы: глаголы интеллектуальной деятельности и глаголы эмоционального отношения (отношение как результат интеллектуальной деятельности): «Зачем я тебя **узнала и полюбила!**» (296); «...и повар, и лакей — **знают**, что он любит и чего не любит, **стараются** изо всех сил **угодить** ему...» (247); «...сказала Лида с досадой, и по ее тону было заметно, что мои рассуждения она **считает ничтожными и презирает** их» (124).

Сочетаются глаголы эмоционального отношения и глаголы речи (речь как форма проявления отношения): «Актеры **любили** ее и **называли** «мы с Ваничкой» и «душечкой...» (295); глаголы внешних форм отношения и глаголы речи: «Лида никогда **не ласкалась, говорила** только о серьезном» (121); глаголы эмоционального отношения и глаголы обладания: «...она **жалела** их и **давала** им понемножечку **взаимы**...» (295); глаголы социальной деятельности и глаголы эмоционального отношения (обнаружение отношения в процессе деятельности): «... **работаешь** и ни в ком **не встречаешь сочувствия**» (118); глаголы эмоционального отношения и глаголы движения (выход из ситуации отношения или сопровождение ее движением): «Белокуров принял это на свой счет, **обиделся и ушел**» (122).

Возможны и другие варианты сочетаний: глаголы зритель-

ного восприятия и неодобрения (**посматривали на нее и осуждали ее**); речевых форм отношения и физического воздействия (**бранил ее и даже бил**).

Сочетания с имплицитными предикатами экономны, емки, несут особую смысловую нагрузку. Это могут быть сочетания глаголов каких-либо действий и существительных, прилагательных, наречий со значением отношения: глаголы зрительного восприятия и существительное эмоционального отношения, глаголы речи и конкретизатор эмоционального отношения, глагол бытия и слово-конкретизатор отношения и пр.: «...и, пока мы говорили, она **с презрением смотрела** на мое европейское лицо» (118); «Всякая вещь имеет свой порядок, Ольга Семеновна,— **говорил он степенно, с сочувствием в голосе...**» (296); ср.: **она смотрела на мое лицо и проявляла во взгляде презрение** или **говорил он степенно, и в его голоде обнаруживалось сочувствие**. Еще ряд примеров: «Он **смотрел ей в неподвижные, испуганные глаза, целовал ее, говорил тихо и ласково...**» (307); «И когда вечером он, сидя в столовой, повторял уроки, она **смотрела на него с умилением и с жалостью шептала...**» (301); «И так **прожили** Пустоваловы тихо и смирно, **в любви и полном согласии** шесть лет» (298).

В перечисленных примерах функциональные синтагмы выступают в свернутом виде. С помощью таких сочетаний выражается тесная связь внутренних форм отношения и внешних способов их обнаружения. Кроме того, для языкового значения некоторых глаголов характерен какой-то один способ проявления отношения, в контексте же возможны различные варианты, ср.: **иронизировать** и **с иронией посмотреть на кого-л.**; **уважать** и **обратиться с уважением**.

Сочетаться могут также глаголы личностных отношений со своими конкретизаторами, в этом случае наблюдается дифференциация названного отношения, его специализация, уточнение: «...точно хотела поближе разглядеть и понять человека, который когда-то **любил** ее так **пламенно**, с такой **нежностью** и так **несчастливо...**» (245); «Анна Сергеевна и он **любили друг друга, как очень близкие, родные люди, как муж и жена, как нежные друзья...**» (315).

Как видим, функциональные синтагмы с предикатами межличностных отношений отличаются разнообразием как в смысловом, так и в формальном отношении. Выделяются ряды с эксплицитно и имплицитно представленными предикатами, ср.: **она боялась мужа, трепетала его и говорил он степенно, с сочувствием в голосе**; а также конверсивы: **я завоевал ее сердце и она полюбила меня**. Это могут быть ряды с глаголами-предикатами одной семантической группы и разных ЛСГ. Различаются названные ряды предикатов и в смысловом плане: градация, сопоставление, уточнение, контаминация различных ситуаций и пр. Проявление, обнаружение того или иного типа

отношения могут иметь разновидности, варианты, ср., например, различные способы раскрытия ситуации любви: «Я **нравился** Жене как художник, я **победил** ее сердце талантом»; «Анна Сергеевна **привязывалась** к нему все сильнее, **обожала** его...» (315); «Зачем я тебя узнала и **полюбила**» (296); «Я был ей **несимпатичен**. Она **не любила** меня...» (118).

Глаголы межличностных отношений могут приобретать разнообразные смыслы в зависимости от варьирования сочетаний с другими глаголами-предикатами, например: «Старцев **бывал** в разных домах и **встречал** много людей, но ни с кем **не сходил-ся** близко» (242); «Время шло, он **знакомился**, **сходил-ся**, **рас-ставался**, но ни разу **не любил**» (315).

Такое разнообразие способов выражения ситуации взаимоотношений людей объясняется, с одной стороны, сложностью, многоплановостью реального мира человеческих отношений, с другой стороны — особым психоанализом рассказов А. П. Чехова, в которых большое место отводится эмоциональным переживаниям героев, их чувствам, поведению, отношениям.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

¹ Бабенко Л. Г., Матвеева Т. В. Повторная глагольная номинация в поэтическом тексте // Проблемы глагольной семантики. Свердловск, 1984; Бабенко Л. Г. Глаголы эмоциональной деятельности в однородном синтаксическом ряду // Номинативные единицы и их функционирование. Кемерово, 1987; Гак В. Г. Повторная номинация на уровне предложения // Синтаксис текста. М., 1979; Функционирование лексико-семантической группы глаголов зрительного восприятия в современной русской прозе // Проблемы глагольной семантики. Свердловск, 1984; Чудинов А. П. О регулярном характере контекстного варьирования значений каузативных глаголов // Проблемы глагольной семантики. Свердловск, 1984.

² Виноградов В. В. Понятие синтагмы в синтаксисе русского языка // Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 104.

Функциональная семантика слова. Свердловск, 1992

М. Л. КУСОВА

Свердловский пединститут

МЕСТО ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ДЕРИВАЦИОННОЙ ПАРАДИГМЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Рассматриваются закономерности функциональной эквивалентности предикатов с отрицанием *не* и без указанной частицы, делаются выводы об условиях синонимии формально отрицательных и формально утвердительных предложений.

Одним из актуальных, хотя и частных вопросов, связанных с проблемой деривационной парадигмы предложений (ДПП), является вопрос об установлении границ ДПП и составе ее

дериватов¹. Закономерен в связи с этим вопрос о месте отрицательного предложения в ДПП. Решение его усложняется тем, что сегодня в синтаксисе отсутствует единая точка зрения на связь категории утверждения / отрицания с наиболее существенной категорией предложения — категорией предикативности, а также тем, что нет единого списка единиц функционально-семантического поля отрицания и по-разному определяется их соотношение.

Признавая связь категории предикативности с категорией утверждения / отрицания, одни исследователи включают категорию утверждения / отрицания непосредственно в категорию предикативности, определяя предикативность как связь между центральными компонентами ядра предложения, как динамическое утверждение или отрицание этой связи², другие соотносят категорию утверждения / отрицания с одним из составных элементов категории предикативности — категорией модальности. Традиция признания утверждения / отрицания модальными категориями идет от работ В. Г. Адмони, А. А. Реформатского³, получает дальнейшее развитие в работах современных лингвистов⁴.

Изложенным точкам зрения не противоречит включение негации в число деривационных категорий, релевантных для предложения⁵. При таком подходе отрицательные предложения рассматриваются как один из вариантов ДПП. Например: **Он говорит**. Один из вариантов ДПП данного предложения — **Он не говорит**. Негация является тем формантом, который отличает дериват от исходной конструкции. Но отрицание при предикате может быть выражено разными средствами. При глагольном предикате отрицание может быть выражено либо с помощью отрицательной частицы **не**: «О драке с Фимкой мы старались **не говорить**» (Путилов), либо с помощью глагола, в семантике которого заключено отрицание и выражается оно имплицитно: «Антонина, ты почему **молчишь?**» (Калинин).

Безусловно, универсальным средством выражения предикативного отрицания является конструкция **не** + глагол, т. е. аналитический предикат. Однако анализ фразового материала показывает, что аналитические отрицательные предикаты достаточно регулярно могут быть заменены предикатами, не имеющими формально выраженного отрицания, синтетическими. Смысл фразы при этом не изменяется. Эквивалентность аналитических и синтетических отрицательных предикатов — явление регулярное. Например: «Только об Алексее она, пожалуй, **не расскажет**» (Амлинский). Аналитический отрицательный предикат эквивалентен синтетическому **утаит**. «И вот она **молчит** сейчас, ничего ему о себе не объясняет, ничего о нем не спрашивает» (Залыгин). Здесь: **молчит** = **не говорит**.

Круг отрицательных предикатов, реализующих подобные отношения эквивалентности, достаточно широк, включает гла-

голы различных ЛСГ, но только синонимия предикатов и, следовательно, синонимия предложений — недостаточное основание для включения трансформируемых единиц в ДПП. Чтобы определить, включаются ли предложения с эквивалентными отрицательными предикатами в ДПП, необходимо установить, чем на данной ступени производности производное отличается от производящего, в чем отличие предложений с аналитическим отрицательным предикатом от предложений с эквивалентным синтетическим отрицательным предикатом, т. е. нужно определить характер различия между эквивалентными отрицательными предикатами.

Функциональная эквивалентность предикатов предполагает их сходство, например: **не говорит=молчит, не расскажет=утаит**. Регулярное проявление эквивалентности предикатов предопределяет их двуплановость: каждый из эквивалентных отрицательных предикатов отрицает наличие какого-либо процесса при утверждении процесса противоположного, например: «Царь сначала **не соглашался**, а потом разрешил для того, чтобы плыть на восток...» (Ефремов). Здесь: **не соглашался=отказывался**.

В данном предложении эквивалентные отрицательные предикаты утверждают процесс отказа, отрицая процесс согласия. Отрицание согласия связано с первым планом значения аналитического предиката, для синтетического предиката отрицание не актуально, для него более актуальным является утверждение процесса противоположного — отказа. **Не соглашался** — аналитический предикат указывает, прежде всего, на отсутствие процесса соглашения, указание на существование противоположного процесса отказа находится на втором плане его значения, **не соглашаться=отказаться**. **Отказывался** — на первом плане значения синтетического отрицательного предиката находится утверждение процесса отказа, отрицание процесса противоположного — на втором плане его значения: **отказываться=не соглашаться**.

Следовательно, семные структуры отрицательных предикатов пересекаются, являются тождественными по набору компонентов. Различия их обусловлены тем, какой из компонентов значения актуализируется в семантике того или иного предиката: либо отрицание процесса, либо утверждение процесса противоположного. Оба способа выражения отношений противоположности универсальны в том плане, что они адекватно отражают соотношение противоположных процессов в действительности, где отрицание означает не исчезновение, уничтожение, а возникновение качественно нового.

Выбор говорящим одного из двух синонимичных средств связан с субъективной модальностью, с отношением говорящего к действительности. Если для говорящего актуально указание на отсутствие процесса, он использует аналитический от-

рицательный предикат: «...такого в авиации **не было**, чтобы стрелок-радист от своего командира отказывался» (Белостоцкий). Здесь: **не было** = **отсутствовало**. Если актуально указание на наличие противоположного процесса, используется синтетический отрицательный предикат, в семантике которого скрыто отрицание: «...он не понимал, плачет она или просто **молчит**» (Белостоцкий). Здесь: **молчит** = **не говорит**.

Коммуникативная установка автора находит отражение не только в процессе выбора одного из функциональных эквивалентов, но и в создании условий, усиливающих или нейтрализующих семантические различия предикатов. Говорящий может преднамеренно подчеркивать различия предикатов, используя их либо в одном линейном ряду, например: «Он долго **молчал** и ничего **не говорил** о себе...» (Симонов), либо актуализируя указание на данный процесс, например: «Иди на все четыре стороны, читай газеты. И **молчи**, сколько влезет» (Шукшин); «Итак, не колеблясь надо **запретить** искусство, как запрещены изготовление спиртных напитков и ввоз опиума» (Эренбург). В двух последних предложениях важно указание на процесс молчания, на акт запрещения.

Противопоставленность этих процессов процессам говорения, разрешения и отрицание ими этих процессов здесь не значимы, не нужны. В силу двуплановости аналитических предикатов использование их в данных текстах невозможно, поскольку аналитические отрицательные предикаты, хотя и отрицают действие противоположное, но называют его. Для говорящего же значима категоричность, вносимая в предложение синтетическим предикатом, например: «И не говори ничего, **молчи**» (Герман); «И принужден **молчать, молчать, молчать**» (Гайдар).

Но субъективная модальность, отношение говорящего к действительности, его видение действительности — не единственный фактор, определяющий проявление функциональной эквивалентности предикатов. Ограниченное проявление функциональной эквивалентности связано не только с коммуникативными установками автора, с заданной необходимостью использования для данного текста либо аналитического, либо синтетического предиката, эксплицитного либо имплицитного средства выражения отрицания, но и с факторами лингвистическими. Важнейший фактор — различия в сфере сочетаемости предикатов, выступающих в качестве эквивалентов.

Значимость данного фактора определяется самой природой явления функциональной эквивалентности: в качестве тождественных единиц предикаты могут выступать лишь при условии нейтрализации их семантических различий. В обратном же случае единицы, имеющие различия в семантике, не могут функционировать в качестве эквивалентов, например: «В походе его **не было** ничего устрашающего...» (Белостоцкий); «...а если звуки и касались его уха, то ничего опасного в них **не было**»

(Он же). Здесь: **не было** = отсутствовало. Но: «Но я не говорю про это вслух» (Амлинский). Семантика отрицательных предложений с аналитическим предикатом **не быть** указывает на обязательность бытия носителя предикативного признака: какие-то ранее полученные сведения о человеке привели к выводу, что походка его должна быть устрашающей, в звуках герой произведения ожидал услышать нечто опасное. При отсутствии в контексте указания на заданность действия анализируемые единицы не могут функционировать в качестве эквивалентов, например: «Он **не существовал** ни теперь, ни ранее» (Тынянов). Замена аналитического предиката **не существовал** синтетическим **отсутствовал** не адекватна, приводит к изменению смысла фразы.

Ограниченное проявление функциональной эквивалентности связано с особенностями семантики слов, выступающих в качестве эквивалентов. Глагол **быть** означает процесс существования во всей полноте, синоним — **существовать**. Значение глагола **отсутствовать** описывается как 'не находиться, не присутствовать где-л. в данное время'. Следовательно, **отсутствовать** — 'не быть там, где был или должен быть'. Поэтому предикаты **не быть, отсутствовать** эквивалентны лишь при наличии указания на заданность бытия носителя предикативного признака.

Аналогичное явление наблюдаем и во фразе **Но я не говорю про это вслух**. Предикативный распространитель **вслух** — единица сферы лексической сочетаемости глагола **говорить**. Наличие данного распространителя делает невозможной замену аналитического предиката синтетическим эквивалентом.

Контекстные факторы значимы для реализации функциональной эквивалентности всех отрицательных глагольных предикатов. Иллюстрацией этого положения может послужить описание факторов, влияющих на наличие функциональной эквивалентности глаголов, для которых это явление регулярно. Так, отрицательные аналитические предикаты, в качестве которых функционируют глаголы, связанные с перемещением, эквивалентны синтетическим предикатам: «...я знал — **не поеду**» (Амлинский). Здесь **не поеду** = останусь. Эквивалентом аналитического предиката, указывающего на перемещение, точнее, отсутствие перемещения, является синтетический предикат **остаться**, использование которого невозможно при наличии в тексте предикативных распространителей, указывающих на направление перемещения, например: «Единственная беда — мадама моя в Испанию **не улетит**» (Екимов). В качестве предиката функционирует аналогичный глагол, ср.: **не поехать** = **остаться, не улететь** = **остаться**, но трансформация невозможна; контекст усиливает семантические различия предикатов, указывая на направление перемещения.

В данной группе предикатов роль предикативного распространителя неоднозначна: в одних случаях при наличии предика-

тивных распространителей предикаты имеют функциональные эквиваленты, в других — не имеют, ср.: «От этого ведь **не уйдешь**» (Екимов). Здесь: **не уйдешь** = **останешься**. «Да к Раисе я **не пойду**» (Он же). Подобная неоднозначность связана с различием предикативных распространителей. Если обстоятельство указывает на конечную цель перемещения, замена предиката с **не** синтетическим эквивалентом невозможна, поскольку потенциально возможный в данном случае эквивалент, глагол **остаться**, относится к классу глаголов, которые не могут иметь предикативные распространители подобного типа. Если обстоятельство указывает на исходную точку перемещения, то предикат с **не** эквивалентен синтетическому предикату **остаться**, наличие данного предикатного распространителя не противоречит семантике функционального эквивалента: **не переместиться откуда-либо** = **остаться где-либо**.

Аналогичное явление наблюдается и в группе аналитических предикатов со значением извлечения объекта, например: **вынимать, вывозить**. Их функциональным эквивалентом при негации является глагол **оставить**. Как и в ранее рассмотренных фразах, фактором, значимым для выражения эквивалентности потенциально синонимичных единиц, является наличие / отсутствие распространителей предиката с обстоятельственным значением. При отсутствии обстоятельственных распространителей аналитический предикат не эквивалентен синтетическому предикату, например: **не вынимать руку из кармана** = **оставить руку в кармане**, но **не вынимать руку** = ?

Описание условий реализации функциональной эквивалентности предикатов со значением перемещения и извлечения приводит к выводу, что при определении условий проявления функциональной эквивалентности данных отрицательных предикатов необходимо учитывать фактор морфологический: наличие / отсутствие при предикате с **не** каких-либо аргументов, распространителей предиката.

Несколько иной характер приобретают контекстные факторы при реализации функциональной эквивалентности глаголов говорения, существования. Ограничения в проявлении функциональной эквивалентности связаны с лексическими факторами, с семантикой слов, выступающих в качестве распространителей предиката. Значимость лексического фактора обусловлена характером отношений, существующих между эквивалентными отрицательными предикатами при отсутствии негации: **говорить — молчать, существовать — отсутствовать**, которые определяются как антонимические отношения - типа «действие — не действие»⁶. Антонимы обладают сходной, но не абсолютно совпадающей сферой лексической сочетаемости. «Несовпадающая (индивидуальная) сочетаемость отражает те случаи употребления антонимов, когда каждый из них может соединиться только с теми словами, которые по своему значению и природе

соответствуют характеру или положительных, или отрицательных компонентов противопоставляемых, антонимичных слов там, где различие таких компонентов не может быть нейтрализовано...»⁷. Следовательно, проявление функциональной эквивалентности отрицательных предикатов находится в прямой зависимости от наличия в контексте лексем, подчеркивающих семантические различия предикатов.

Границы проявления функциональной эквивалентности определяются также и семантикой самих предикатов. Функциональная эквивалентность отрицательных предикатов регулярно реализуется, если предикаты представлены глаголами говорения (**не ответить, не сказать=промолчать, смолчать, утаить**), движения (**не двигаться=покоиться**), физиологического состояния (**не спать=бодрствовать**), существования (**не присутствовать, не быть, не находиться, не существовать=отсутствовать**).

Однако во фразовом материале выделяется также ряд отрицательных аналитических предикатов, не имеющих функциональных эквивалентов. Глагольные элементы в них в большинстве случаев представлены словами, обозначающими процесс восприятия объективной действительности, например: «...лишь пожмут плечами: **не знаем, мол, не ведаем...**» (Екимов). Аналитические предикаты **не знать, не ведать**, обозначающие процесс осознания действительности, не имеют синтетических эквивалентов. «**Не любил** он, знаешь, всякую там парчу...» (Шукшин) — предикат **не любить** также не имеет синтетического эквивалента.

Не имеют синтетических эквивалентов при негации глаголы, обозначающие зрительное, слуховое, чувственное восприятие действительности. Процессы, называемые данными глаголами, противопоставлены в действительности процессам противоположным: **знать — не знать, чувствовать — не чувствовать, видеть — не видеть**. Но последние могут быть обозначены только аналитически. Данный лингвистический фактор имеет экстралингвистическое объяснение — существование данных процессов необходимо, поэтому не создано специальных лексем для обозначения их отсутствия: **не слышать=?**, **не видеть=?**

Кроме отмеченных глаголов, в группу аналитических предикатов, не имеющих синтетических эквивалентов, входят глаголы, обозначающие предельно конкретизированные виды человеческой деятельности, например: **читать, пахать, доить, косить, боронить**. Например: «...**не пахала, не боронила**, а куда силу уронила...» (Екимов). Аналитические отрицательные предикаты **не пахала, не боронила** не имеют синтетических эквивалентов, что обусловлено их семантикой, отсутствием единственно противопоставленного процесса.

Таким образом, синонимия формально отрицательных и формально утвердительных предложений представляет собой явление, имеющее в языке достаточно регулярный, но не всеохват-

ный характер. Поэтому включение трансформируемых предложений в деривационную парадигму предложения представляется невозможным, поскольку, с одной стороны, даже для регулярно эквивалентных предикатов необходимы нейтрализация их семантических различий и определенный набор распространителей предикатов, с другой — существуют определенные семантические группы предикатов, при негации не обнаруживающие подобных отношений эквивалентности.

Следовательно, наличие вариантов, связанных с функциональной эквивалентностью отрицательных предикатов, представляется особенностью деривационных парадигм отдельных предложений. Включение подобных вариантов в ДПП невозможно вследствие ограниченности данного явления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

¹ Клобуков Е. В. Об объеме деривационной парадигмы предложения // Деривация и текст. Пермь, 1984. С. 78—87.

² Гулыга Е. В. О взаимодействии смысла и синтаксической семантики предложения // Филол. науки. 1976. № 1. С. 73.

³ Адмони В. Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка. М., 1955. С. 163; Реформатский А. А. Введение в языкознание. М., 1960. С. 267—268.

⁴ Осетров И. Г. Аспекты семантической модальности // Средства выражения предикативных значений предложения. М., 1984. С. 28; Свистунов Н. Т. К изучению глагольных антонимов в русском языке // XXVII Герценовские чтения. Филол. науки. Лингвистика. Л., 1975. С. 15.

⁵ Актуальные проблемы русского синтаксиса: Публ. лаборат. «Русский язык и русская литература в современном мире» филол. фак-та МГУ. М., 1974. С. 284.

⁶ Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М., 1974. С. 284.

⁷ Новиков Л. А. Антонимия в русском языке: Семантический анализ противоположности в лексике. М., 1973. С. 256.

Функциональная семантика слова. Свердловск, 1992

Н. П. ПЕРФИЛЬЕВА

Новосибирский пединститут

ВАРЬИРОВАНИЕ СЕМАНТИКИ СЛОВА ЗАТО

Исследуется речевая семантика слова *зато* в различных контекстах и на этой основе делаются выводы о грамматической природе рассматриваемого слова, его коммуникативных потенциях.

В современной лексикографии и лингвистической литературе семантика слова *зато* интерпретируется по-разному.

С одной стороны, в лингвистической литературе широко распространено мнение, согласно которому *зато* относят к союзам,

«узко специализированным, однозначным, то есть минимально зависящим от контекста»¹, причем союз указывает на возмещение². Н. Н. Холодов, И. Н. Кручинина считают, что «предложения с союзом **зато** синонимичны предложениям с союзами **да**, **но** ограничительно-возместительного значения»³. А по мнению Н. С. Валгиной, **зато** указывает на сопоставление с оттенком возмещения⁴.

С другой стороны, современные толковые словари описывают **зато** как многозначное слово: в качестве второго лексико-семантического варианта **зато** употребляется для выражения следствия и соответствует по значению словам **поэтому**, **вследствие этого**⁵, например: «Везде прославилась она // Девицей скромной и разумной, // **Зато** завидных женихов // Ей шлет Украина и Россия» (Пушкин).

Следовательно, цель нашей работы — описание семантики данной лексемы, выявление ее индивидуальной прагматической программы, а также особенности речевого функционирования **зато**, не фиксированные в словарях.

Слово **зато** может занимать следующие позиции:

1) союза: «Каждой научной статье он верил свято, **зато** к беллетристике относился с недоверием и всех беллетристов подзревал в искажении действительности» (Ходасевич); «Больных, родители которых поработали на ремонте здания лаборатории два-три месяца, В. Васильев принял за полную стоимость, **зато** без очереди» (Правда);

2) позиция конкретизатора при противительных союзах **но**, **а** и при сопоставительном союзе **если... то...**, например: «Да, наши вещи не были такими красивыми и такими модными, как зарубежные, **но зато** из наших была более долговечной» (Аганбегян); «И **если** по-прежнему почти невозможно получить стакан горячего чая, **то зато** можно купить майку с надписью

Т а б л и ц а

Доля высказываний с **зато** определенной семантической разновидности, %

Семантический вариант	Позиция <i>зато</i>				Итого
	союз	конкретизатор при союзе			
		а	но	если...то	
Возмещение	58	0,02	15,96	0,02	74
Сопоставление/противо- поставление	25	—	—	—	25
Обусловленность	1	—	—	—	1
<i>Итого</i>	84	0,02	15,96	0,02	100

П р и м е ч а н и е. Собственно сопоставление и противопоставление (как контрастное сопоставление) порой имеют зыбкую границу.

«Карлсберг. Лучшее копенгагенское пиво» в одном из кооперативных киосков» (Сов. культура).

Анализ таблицы позволяет сделать следующие выводы:

1) существенна доля фраз, в которых **зато** употребляется как союз, занимает классическую позицию *, поэтому, на наш взгляд, **зато** принадлежит к периферии класса союзов;

2) семантическая структура слова **зато** включает три лексико-семантических варианта: возмещение, сопоставление (противопоставление) и причинно-следственная обусловленность. Далее рассмотрим каждый вариант, учитывая долю фраз каждого типа в выборке.

1. **Зато**, независимо от занимаемой позиции, как правило (74 %), организует высказывания с возместительной семантикой. Возмещение — такой семантический вариант адверсативности, в основе которого лежит сопоставление. В возместительных высказываниях сопоставляются два события (или их признака, обстоятельства), которые сосуществуют, сталкиваются в реальной действительности: «Салют чуточку задержался, **зато** путь следования многих сотен птиц не был нарушен» (Сов. Россия) — или связываются воедино говорящим, как бы помещаются в одну плоскость: «Это озеро не отыщешь на карте. Небольшое оно. Небольшое, **зато** памятное Васютке» (Астафьев).

Очень часто сопоставительный компонент в возместительных фразах является имплицитным звеном, например: «Я был весь, как взмыленная лошадь, **зато** теперь мог сказать определенно: на этом участке шириною километров шесть его никто не ждал» (Богомоллов). Эксплицируется же сопоставительный компонент с помощью таких средств, как структурная симметрия (в том числе и структурный параллелизм), соотносительные лексические элементы, имеющие полярную направленность (антонимы, тождественные лексемы с разным знаком, синонимы и т. д.), например: «Сегодня неудача, **зато** завтра будет удача. Издревле хаму снится чин вельможи, **зато** эстету — дева, вся в рогоже» (Матвеева).

Далее в рассматриваемых конструкциях говорящий на основе субъективных представлений оценивает полярно сопоставляемые факты, при этом позитивное и негативное, в соответствии с идеей диалектического равновесия в природе, положительное и отрицательное уравнивают друг друга. По нашим наблюдениям, в языке, как и в реальной действительности, возмещение, или компенсация, может иметь различные варианты: 1) равновесие, т. е. полная компенсация, например: «Обычные университетские дисциплины: история, языковедение, филосо-

* Из 84 % всех фраз с **зато** в данной позиции 61 % приходится на долю полипредикативных конструкций.

фия, иностранные языки — не интересовали меня вовсе, **зато** многочасовая болтовня, крики, споры на семинарах — о, это были звездные часы моей жизни» (Трифонов); 2) частичное восполнение, например: «Решил ехать в Москву — все равно не дома, **зато** есть благоустроенные общежития» (Огонек); «Мне особенно обидно сегодня, что так и не удалось сняться ни в одном из его фильмов. **Зато** на всю жизнь останусь их самым постоянным зрителем» (Высоцкий).

Высказывания с частичным возмещением могут иметь синкретичную семантику: на отношения возмещения наслаиваются отношения ограничения, что обычно эксплицируется с помощью соотносительных лексических элементов, обозначающих целое — часть или общее — частное, например: «Федя **никогда** не плакал, **зато** **временами** на него находило упрямство» (Тургенев); «Бывало, **по** **целым часам** слова не добьешься, **зато** уж иногда, как начнет рассказывать, так животики надорвешь со смеху» (Лермонтов).

По нашим наблюдениям, нет жестких предписаний, какая из частей возмездительной конструкции — правая или левая — будет иметь пейоративную оценку, например: «Возвратились они домой к концу дня, **зато** имея на руках талон к кардиологу» (Рыбаков); «Теперь все четыре лифта работают снова, **зато** администрация стала выкручивать лампочки... в туалетах» (Комс. правда).

Таким образом, **зато**, функционируя в высказывании, сигнализирует о том, что в семантическую структуру данного высказывания входит такой модусный компонент, как оценочность: адресат высказывания воспринимает его, понимает, что говорящий противоположно оценивает сообщаемые факты. Особенно ярко это проявляется во фразах, где **зато** занимает позицию уточнителя. Так, ср. исходную фразу: «Старинный дом на горе, сад, озеро, рощи сосновые, все это осенью и зимою немного печально, **но зато** весной и летом должно казаться земным раем» (Пушкин) и трансформированную: **...все это осенью и зимою немного печально, но весной и летом должно казаться земным раем**. Элиминация **зато** приводит к тому, что в полученной фразе сопоставляются две ситуации, которые не несут полярной, уравнивающей друг друга оценки. **Зато**, будучи конкретизатором при универсальном противительном союзе, снимает его семантическую аморфность, с введением конкретизатора смысл фразы перестраивается, порой усложняется. Однако оценочность во фразах с **зато** обычно имплицитное звено, поэтому нам представляется возможным рассматривать данные конструкции как асимметричные языковые знаки.

Несмотря на то, что наиболее распространен семантический вариант возмещение, используя который, говорящий полярно оценивает две сопоставляемые ситуации (признака, обстоятельства), полностью или частично компенсирующие друг друга, он

не является единственным. Это ядерная структура. На наш взгляд, к возмездительным высказываниям относятся также следующие: «Китайского языка он почти не помнит, **зато** довольно прилично владеет русским» (Новое время); «По последним статистическим данным, касающимся сырьевого «ассортимента» автомобилестроения, доля стали упала в последние годы на 10 процентов, составляя теперь чуть больше 70 процентов, **зато** неметаллические материалы (пластмасса, смолы, керамика, волокно), отвоевали порядка 20 процентов в сырьевом «меню» (Известия); «Понятно, волчица не могла дать им имена: раз богом не определено, не переступишь, **зато** по запаху, что людям не дано, и по другим живым приметам она легко могла и отличить и звать к себе в отдельности любого из своего потомства» (Айтматов).

2. В высказываниях говорящий не дает оценки называемым событиям, только фиксирует, что первая и вторая ситуации дополняют друг друга, как бы показывая, что «пустота» всегда заполняется (стремится быть заполненной). Иными словами, здесь представлен вариант возмещения, используя который, говорящий лишь фиксирует отношение между событиями (или его составляющими) объективного мира, когда оба элемента (ситуации) не отрицают друг друга, но, имея противоположную направленность, дополняют, возмещают друг друга. Следовательно, инвариант возмездительных конструкций должен включать такие элементы, как части конструкции, называющие ситуации, имеющие полярную направленность, но компенсирующие полностью или частично друг друга.

3. В речи **зато** может употребляться во фразах, выражающих так называемое «ложное возмещение». Части таких высказываний называют события, которые и адресат, и сам автор оценивают отрицательно, отрицательное в предложении как бы нарастает, удваивается, например: «Москве за последние годы не добавлено ни одной койки в инфекционном отделении, **зато** была закрыта крупная инфекционная больница» (ЛГ); «Лишней целлюлозы в стране не оказалось, **зато** в избытке экологических проблем» (Известия); «Чая не бывает, **зато** кофе за двадцать копеек или гранатовый сок, напиток за тридцать копеек предлагают часто» (Веч. Новосибирск); «Отняли у краеведческого музея семьсот квадратных метров, **зато** вход в метро теперь расположен в памятнике архитектуры» (Молодость Сибири); «Строительство газопровода велось неэффективно: производительность труда падала, **зато** зарплата круто росла на приписках и незаконных премиях» (Сов. Россия).

На наш взгляд, автор в каждом примере намеренно нарушает правила построения возмездительных конструкций. Почему? Всем высказываниям свойственны достаточно сильные варианты отрицательной оценки, такие, как ирония, возмущение, сарказм. Адресат интуитивно осознает, что сталкивается с

«ложным» возмещением, это позволяет воспринять отрицательную оценку в полной мере.

4. **Зато** способно организовывать собственно сопоставительные конструкции, т.е. такие предложения, в которых отношения возмещения стерты, а на первый план выдвигаются сопоставление или противопоставление (как контрастное сопоставление), которое выражается с помощью структурной симметрии, координации модально-временных планов (как правило, реального) соотносительных лексических элементов, например: «В просторечии ее именуют обкомовской, термин этот неверен: среди прикрепленных партийные работники и члены их семей составляют менее 17 процентов, **зато** свыше трети обслуживаемого контингента — персональные пенсионеры, инвалиды и участники войны» (Правда); «Из бочки можно капли извлекать, **зато** через соломинку лакать» (Матвеева).

5. **Зато** не употребляется в высказываниях, обозначающих уступительную ситуацию: левая часть называет отвергнутое, недостаточное основание, а правая — фактический результат (а не ожидаемый). Например, во фразе типа **Ночь на дворе, а (но, однако) он еще не являлся** при субституции **зато** разрушается смысл высказывания.

6. В современном русском языке возможно (хотя и редко) употребление **зато** в конструкциях с причинно-следственными отношениями, например: «Мужик работник был прямой, **зато** кто мимо не проходит от всех ему: «Спасибо...» (Крылов); «Тетя Соня перестала меня воспитывать, **зато** и потеряла ко мне всяческий интерес» (Сотник).

Синонимичными данным фразам будут предложения с **поэтому**. Ср.: **Мужик работник был прямой, поэтому...; Тетя Соня перестала меня воспитывать, поэтому потеряла ко мне всяческий интерес.**

Эта трансформационная операция доказывает, что говорящий воспринимает данные ситуации как причину и следствие. Однако, используя в высказывании **зато**, говорящий имеет более сложные интенции: часть высказывания, реализующая правую валентность союза, обозначает ситуацию, которая, по мнению автора, является положительной, имеет некие достоинства. В результате не случайно, что такие структуры с союзом **зато** воспринимаются как нечто промежуточное между конструкциями с прямой обусловленностью и возмещением, как бы на пути от первого ко второму. Эти структуры как будто показывают, в каком направлении развивалась семантическая структура слова **зато**. В заключение следует отметить, что последний вариант (6) встречается редко. Как показывает материал, в основном он используется в контекстах, извлеченных из литературы первой половины XIX века, и этот лексико-семантический вариант **зато**, видимо, можно считать архаичным.

Подводя итоги, отметим, что в словарную статью необходи-

мо включить такие семантические варианты, как: 1) возместительный союз; 2) сопоставительный союз и 3) с пометой устар. причинно-следственный союз. В речи, особенно в газетных текстах, **зато** употребляется для создания эффекта «ложного возмещения». Представляется, что это явление экспрессивного синтаксиса и обычно используется, чтобы выразить отрицательное отношение говорящего в концентрированной форме.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

¹ Краткая русская грамматика / Под ред. И. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. М., 1989. С. 331.

² Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка. 2-е изд. М. 1955. С. 397; Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1955. Т. 4. С. 990; Формановская Н. И. Стилистика сложного предложения. М., 1978. С. 37; Бабайцева В. В., Максимов Л. Ю. Синтаксис. Пунктуация. М., 1987. С. 224.

³ Современный русский литературный язык / Под ред. П. А. Леканта. М., 1987. С. 341; Кручинина И. Н. Структура и функции сочинительной связи в русском языке. М., 1988. С. 102—104.

⁴ Валгина Н. С. Синтаксис современного русского языка. М., 1979.

Функциональная семантика слова. Свердловск, 1992

Е. К. ДЕХАНОВА, Т. И. СТЕКСОВА

Новосибирский пединститут

ЛЕКСИКО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ СЛОВА ПРАВДА (в незначительном употреблении)

На основе анализа различных случаев употреблений слова *правда* делаются выводы о его лексико-морфологической природе, выделяется система грамматических омонимов указанного типа.

Практика вузовского преподавания показывает, что у студентов вызывает затруднение разграничение грамматических омонимов. И это вполне понятно. Как отмечала В. В. Бабайцева, «какую бы область языковых явлений мы ни взяли, всюду обнаруживаются, наряду с категориями, обладающими четкими семантико-грамматическими показателями, и переходные, промежуточные явления, делающие нечеткими даже самые детальные классификации синтаксических моделей и лексико-грамматических разрядов, традиционно выделяемых в русской грамматике»¹. Для многих студентов требование трехаспектного подхода к разграничению частей речи остается лишь заученной фразой. Виной этому не только «нерадивость» студента, но и

толкование многих лексем в словаре, где зачастую происходит смешение индивидуально-лексического значения, общекатегориального (грамматического) значения и синтаксической функции рассматриваемого слова.

В словаре русского языка под редакцией С. И. Ожегова слово **правда** толкуется в следующих незнаменательных значениях: «4. в знач. сказ. и вводн. сл. Верно, в самом деле. <...> 5. в знач. союза. Хотя (разг.)».

Если употребление слова **правда** в качестве существительного не составляет труда при анализе, то использование его в качестве модального слова или союза вызывает ряд трудностей. Разумеется, реальная языковая практика позволяет выделить такие высказывания, в которых лексема **правда** имеет значение 'действительно, в самом деле', и такие, в которых это слово можно заменить уступительным союзом. Но это лишь меньшая часть тех реальных значений, которые заложены в семантике этого слова. Его лексико-грамматические свойства уже привлекали внимание исследователей. Так, А. Я. Баудер отмечает, что интересующее нас слово может выступать в роли существительного, модального слова, модального наречия, вопросительной или утвердительной частицы, союза. Кроме этого, им отмечаются случаи совмещения признаков разных частей речи (существительного и модального слова, существительного и частицы, модального слова и союза) ².

Нас будет интересовать функционирование названной лексемы в качестве союза и вводного слова. Как же распознать, какое значение проявилось, какую функцию выполняет эта лексема в данном контексте? Представляется необходимым использовать следующие методы лингвистического анализа: 1) метод экспликации, т.е. выявления и вербализации скрытого (или имплицитного) смысла; 2) метод синонимической замены. Сразу же заметим, что мы говорим о синонимии, а не о тождестве. Поэтому ни одно выделенное нами значение (за исключением модусного значения 'да, действительно, на самом деле') не является «чистым», и, следовательно, термины, передающие значения слова **правда**, несколько условны. К причинам такой неадекватности вернемся в конце статьи.

На наш взгляд, лексема **правда** в незнаменательном употреблении полифункциональна. Для правильного определения функции этого слова студентам прежде всего нужно установить, в какой сфере «работает» лексема **правда** — в сфере диктума или в сфере модуса ³. Модусные значения формируют субъективную сторону высказывания, а диктумные — объективную. Этим разделением и обусловлено построение нашей статьи.

Модусные значения лексемы **правда**. В лингвистической литературе уже отмечалось, что «функция слова «правда» в предложении может быть только модально-оценочной» ⁴. Все выявленные нами модусные значения вербально выражены.

1. Использование слова **правда** в качестве вводного слова помогает передать субъективное содержание высказывания. Но высказывания, в которых слово **правда** можно заменить на 'действительно, в самом деле', по своей семантике неоднородны. Они могут иметь значения согласия и подтверждения:

1) согласие с мнением, т.е. оценка его как правильного, соответствующего действительности: «Никогда я вам этого не рассказывал; я и не говорю с вами никогда вовсе». — «**Правда**, вы не мне рассказывали; но вы рассказывали в компании, где и я находился...» (Достоевский). Второй говорящий соглашается с высказыванием своего собеседника — **я вам этого не рассказывал**. В данном случае **правда** = 'да, действительно'. Сочетание с союзом **но** вносит добавочное значение: 'согласие неполное, с какой-то частью высказывания';

2) согласие с побуждением: «Что это вы там бормочете? — услышал Михаил и потребовал: Песню. Давайте песню». — «Живучий же ты, Мишка, — удивленно сказал Степан. — Какую же тебе еще песню?..» <...> Степан предложил: «Может, **правда**, споем?» (Распутин). Здесь слово **правда** можно синонимично заменить на **действительно, в самом деле**, оно выражает согласие с более ранним побуждением к действию и поддерживает это побуждение;

3) значение подтверждения. Значения согласия и подтверждения дифференцируются нами на том основании, что значение согласия возникает только в репликах-реакциях. Значение подтверждения не нуждается в наличии реплики-стимула: «А ведь, она, холера, и **правда** понесла бы их сдавать. Умишко-то детский» (Распутин). В этом высказывании слово **правда** имеет значение подтверждения субъективных опасений говорящего.

«Но утро менялось, двигалось в свою сторону: только что казалось неподвижным, ленивым, серым, а уж высветилось до дня, заиграло, заходило в нетерпеливом ожидании, в небе узкими столбами встали радужные полосы — и, **правда**, скоро после этого на глазах у старухи взошло солнце, и земля счастливо, преданно озарилась» (Распутин). В данном контексте слово **правда** выражает подтверждение реальности явления (восхода солнца), которое должно было возникнуть согласно восприятию предшествующих явлений и ожидалось субъектом восприятия. Отметим, что в этих значениях слово **правда** всегда занимает препозицию по отношению к той части предложения, которая распространяет согласие или подтверждение.

2. Лексема **правда** может быть средством выражения модусной категории, которая отвечает за логичность, последовательность построения текста с точки зрения говорящего. В таких случаях это слово можно заменить вводным выражением с **другой стороны**.

«Дидерих шел домой и всю дорогу громко сопел. Пожалуй, не мешает быть полубезнее с Ядассоном: а вдруг Нотгрошен

проговорится. **Правда**, затевая дело против Лауэра, Ядассон нуждается в нем, в Дидерихе» (Г. Манн). В данном случае слово **правда** служит для организации рассуждения, разделяет аргументы «за» и «против» выбираемой героем линии поведения.

Диктумные значения лексемы **правда**. Слово **правда** в незначательном значении может не только передавать субъективную сторону высказывания, но и быть средством выражения логической пропозиции в том случае, если эта лексема выступает в функции скрепы⁵.

1. В лингвистической литературе уже отмечалась способность слова **правда** выступать в качестве аналога союза с уступительным значением в составе сложноподчиненного предложения⁶. Предпочитаем использовать вместо термина «аналог союза» термин «скрепа», так как «существуют такие скрепы, которые, как правило, связывают фрагменты текста более крупные и более самостоятельные, чем предикативные единицы в составе сложных предложений: предложения, разделенные точкой, группы предложений, абзацы»⁷.

Уступительное значение лексемы **правда** довольно частотно и поэтому зафиксировано всеми толковыми словарями. Чаще всего это слово выражает отношения уступки в виде двухместной скрепы **правда... но**: «**Правда**, сделано было предварительное изучение, из которого оказалось, что действительно можно так протянуться и сплутиться вдоль между рельсами, что поезд, конечно, пронесется и не заденет лежащего, **но**, однако же, каково пролежать!» (Достоевский).

Но иногда слово **правда** выражает уступительное значение (и соответственно выполняет функцию уступительного союза) и в виде одноместной скрепы: «И только лишь одна вера в сказанное сердцем! **Правда**, было тогда и много чудес» (Достоевский). В данном контексте **правда** может быть заменена без ущерба для смысла высказывания уступительным союзом **хотя**.

2. Противительно-возмездительное значение: «Столовой у того, впрочем, не было, потому что у него всего по-настоящему две комнаты, **правда**, гораздо обширнейшие и удобнейшие, чем у старца» (Достоевский). В этом случае слово **правда** можно заменить на союз **зато**. Недостаток столовой у отца Ферапонта компенсируется наличием более обширных и удобных, чем у старца Зосимы, комнат.

3. Анализируемое слово в ряде контекстов имеет противительное значение и заменяется союзом **но**: «Дидерих умилялся до глубины души, читая о таксах кайзера, которым разрешалось вольно обходиться со шлейфами придворных дам. У него созревала мысль на ближайшем же вечере предоставить своей Линне полную свободу действий. **Правда**, телеграмма в следующем столбце очень встревожила его, потому что все еще не ясно, встретится ли кайзер с русским царем» (Г. Манн).

В этом контексте слово **правда** выражает противопоставление двух состояний героя — умирения и тревоги. Как мы видим, здесь это слово связывает два предложения. Однако такая позиция для этого значения не типична. Чаще всего слово **правда** в противительном значении «работает» внутри предложения.

4. Слово **правда** может выражать сопоставительные отношения: «Вот Сахаров говорит о конвергенции — так, кажется? А что, красивая идея. Хотя конвергенция эта — это сращение капитализма с социализмом, которого у нас никогда не было. Так с чем же будет срастаться капитализм? **Правда**, Рой Медведев говорит, что социализм у нас все-таки есть — в букете с другими формациями» (Комс. правда). В этом контексте **правда** выполняет функцию сопоставительного союза **а**, так как здесь сопоставляются точки зрения автора статьи и Р. Медведева на наличие или отсутствие социализма в стране.

5. **Правда** может выражать пропозитивное и предметное ограничение и заменяться союзом **только**: «Лебедев — кандидатура во всех отношениях идеальная. Осколок от разбитой корпорации, имеет деньги, одинок, его, Ивана, боится... **Правда**, у старика один и очень серьезный недостаток: он находится в поле зрения милиции и прокуратуры» (Н. Леонов). Здесь это слово имеет значение пропозитивного ограничения: перечень достоинств ограничивается одним недостатком.

«Жестокость расправы усугубили оппоненты альтернативной научной школы... Но вступились ученики и соратники, он продолжил работу, **правда**, не в родном институте» (Правда). В данном же контексте слово **правда** выражает локативное ограничение.

6. Языковой материал показал, что лексема **правда** может формировать уточняющие конструкции, которые служат для сообщения дополнительной информации: «Автор, со слов Шелепина, пишет — **правда**, в другом месте — об одном маршальском мундире» (Огонек). Иногда анализируемое слово совмещает в себе два последних значения одновременно.

7. Скрепя **правда** может выражать каузальные отношения: «Наконец, влез в телегу и Маврикий Маврикиевич, уселся грузно, широко, и, как бы не заметив, крепко потеснил собой Митю. **Правда**, он был не в духе, и ему сильно не нравилось возложенное на него поручение» (Достоевский). Второе предложение объясняет причину поступка героя, названного в первом предложении. Слово **правда** в смысловом и функциональном отношении стоит близко к союзу **потому что**.

8. Слово **правда** может служить средством присоединительного обособления: «Вообще-то в самом низу пещеры я никогда не была, озера в природе не видела, но именно там я разместила в своем воображении ящики с золотом и алмазами. **Правда**, ящиков с золотом и алмазами мне тоже никогда не доводилось видеть в природе» (Хмелевская). Второе предложение содержит

дополнительную информацию, попутно возникающую в связи с содержанием первого предложения.

Особо следует оговорить случаи, когда лексема **правда** выполняет прагматическую функцию.

1. Она может быть сигналом вербально не выраженной, имплицитной информации: «Ежедневно мы проходим кусок из математики, кусок из военных наук — вот артиллерия мне, **правда**, не дается: все какие-то противные формулы, особенно в баллистике, — потом кусочек из уставов» (Куприн). Слово **правда** сигнализирует о вербально не выраженной информации — ‘и все эти науки мне хорошо даются’, которая в силу ее очевидности, по мнению говорящего, в экспликации не нуждается, т. е. у говорящего и у слушающего есть общий фонд знаний (пресуппозиция).

2. В силу того что прагматика всегда тесно связана с семантикой, слово **правда**, помимо сигнала об имплицитном смысле, может нести в себе и модусное значение несогласия с имплицитным смыслом: «Теперь же позвольте обратиться к вам с просьбой выложить сюда на стол все ваши вещи, находящиеся при вас, а главное, все деньги, какие только теперь имеете». — «Деньги, господа? Извольте, понимаю, что надо. Удивляюсь даже, как раньше не полюбопытствовали. **Правда**, никогда бы не ушел, на виду сижу» (Достоевский). Методом экспликации выявляем скрытую информацию: ‘должны были полюбопытствовать раньше, ведь я мог убежать, уйти’. Как видно из контекста, слово **правда** несет в себе несогласие с этой вербально выраженной информацией.

3. Очень близкий к предыдущему случай — **правда** выражает опровержение возможной реакции: «По стенам красовались голубые обои, **правда**, все изодранные, а под ними в трещинах копошились тараканы-прусаки» (Достоевский). Выражение **красовались голубые обои** предполагает положительную эстетическую реакцию. Слово **правда** выражает опровержение этой возможной реакции.

Среди имеющегося в нашем распоряжении языкового материала есть примеры, в которых слово **правда** имеет синкретичное значение: это может быть сигнал об имплицитной информации и значение несогласия с ней; совмещение значений уточнения и ограничения; соединение уступительного и сопоставительного значений и т. д.

Явление семантического синкретизма применительно к лексеме **правда** дает ответ на вопрос, почему эту лексему практически никогда нельзя заменить на функционально и семантически близкую ей лексему. Действительно, почему мы часто употребляем слово **правда** взамен других незначительных слов и в то же время не можем поставить знака равенства между этим словом и союзом, который оно заменяет?

На наш взгляд, в семантике этой лексемы непременно при-

существует, помимо союзного значения, еще и значение 'истинно, действительно, верно, в самом деле'. В одних контекстах эта сема проявляется ярче, чем в других.

Рассмотрим пример: «Ведь до сих пор конференции были во многом формальными. **Правда**, на них можно было говорить о негативных фактах, но выступить с предложением «считать работу администрации неудовлетворительной» — на это у нас духу не хватало» (Правда). В этом высказывании в семантике слова **правда** переплетаются значение 'действительно, да, в самом деле' и значение уступки.

Из этого следует, что ни одно из выделенных нами диктумных значений не является «чистым», поэтому мы и говорим о функциональной и семантической близости лексемы **правда** к союзам, но не об их тождестве.

Таким образом, характер семантического синкретизма (союзная функция + значение достоверности) незначительных значений слова **правда** обеспечивает своеобразие употребления этого слова.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

¹ Бабайцева В. В. Переходные конструкции в синтаксисе. Воронеж, 1967. С. 7.

² Баудер А. Я. О лексико-грамматических свойствах слова «правда» // Рус. яз. в школе. 1970. № 6. С. 79—82.

³ Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955. С. 44.

⁴ Русская грамматика: В 2 т. М., 1980. Т. 2. С. 587.

⁵ В понимании скрепы мы идем вслед за Т. А. Колосовой и М. И. Черемисиной. См.: Колосова Т. А., Черемисина М. И. Некоторые закономерности пополнения фонда скреп // Служебные слова. Новосибирск, 1987. С. 11—25.

⁶ Русская грамматика. Т. 2. С. 586—587.

⁷ Колосова Т. А., Черемисина М. И. Указ. соч. С. 12.

Функциональная семантика слова. Свердловск, 1992

В. Н. КАПЛЕНКО

Свердловский пединститут

ФУНКЦИИ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ И ВРЕМЕННОЙ ЛЕКСИКИ В ОРГАНИЗАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО МИРА СТИХОТВОРЕНИЯ

Анализ локативно-темпоральной организации стихотворения А. С. Пушкина «Анчар» позволяет сделать интересные предположения о значимости отдельных микротем в структуре стихотворения.

Категории пространства и времени, выражая представления человека об основных, универсальных формах существования материи, занимают особое место в отражении человеком действи-

тельности — языковом мышлении, научном и художественном познании мира. М. М. Бахтин, говоря о пространственно-временной организации произведений художественной литературы, предложил называть этот аспект образного мира хронотопом¹. Лингвистика текста также объединяет понятия пространства и времени в рамках одной грамматической категории текста под названием «континуум»². Отбор пространственных, временных, как и других признаков, деталей и пр. в лирическом стихотворении, «характер их и дозировка диктуются исключительно требованиями сюжетного развития данного стихотворения»³. Существует определенная связь между степенью насыщенности текста деталями объективной действительности и жанром. Например, для баллады, в которой «свое отношение к событиям автор... либо совсем не раскрывает, либо раскрывает лишь частично»⁴, при «констатации фактов, чаще всего не получающих и в ... концовке особой обобщающей оценки»⁵ (и, добавим, для других стихотворений с повествовательным сюжетом), предметная насыщенность и пространственно-временная организация образной системы особенно существенны. Таким образом, для стихотворений лироэпических жанров, к которым относится и «Анчар» А. С. Пушкина, пространственно-временная организация может явиться одним из основных средств выражения авторской позиции.

Категория континуума обнаруживается, как и другие категории текста, на уровне композиции, однако формируется она на основе языковых средств — синтаксических, морфологических, лексических. Наиболее целесообразным способом анализа пространственно-временной организации представляется поэтому анализ с опорой на лексические единицы, которые так или иначе (своим лексическим значением, синтаксически, логически) выражают пространственные и временные отношения. Следует учитывать, что любое существительное с конкретно-предметным значением обладает потенциальной возможностью выражать пространственные отношения, с событийной или процессной семантикой — временные.

В целях большей четкости анализа проведем его в два этапа: рассмотрим отдельно пространственный и временной аспекты образного мира.

Для удобства анализа текста* строфы пронумеруем:

- I. В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскаленной,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит, один во всей вселенной.
- II. Природа жаждущих степей
Его в день гнева породила,
И зелень мертвую ветвей
И корни ядом наполнила.

* Пушкин А. С. Анчар // Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 3. М., 1957. С. 82—83.

- III. Яд каплет сквозь его кору,
К полудню растопясь от зною,
И застывает ввечеру
Густой прозрачною смолою.
- IV. К нему и птица не летит
И тигр нейдет: лишь вихорь черный
На древо смерти набежит —
И мчится прочь, уже тлетворный.
- V. И если туча оросит,
Блуждая, лист его дремучий,
С его ветвей, уж ядовит,
Стекает дождь в песок горячий.
- VI. Но человека человек
Послал к анчару властным взглядом:
И тот послушно в путь потек
И к утру возвратился с ядом.
- VII. Принес он смертную смолу
Да ветвь с увядшими листьями,
И пот по бледному челу
Струился холодными ручьями;
- VIII. Принес — и ослабел и лег
Под сводом шалаша на лыки,
И умер бедный раб у ног
Непобедимого владыки.
- IX. А князь тем ядом напитал
Свои послушливые стрелы
И с ними гибель разослал
К соседям в чуждые пределы.

В I четверостишии два слова являются обстоятельствами места: **в пустыне** и **на почве**. Эпитеты **чахлой** и **скупой** характеризуют пустыню достаточно общо: они выражают оценку, но не изображают, не называют чувственно воспринимаемых признаков мира. **На почве, зноем раскаленной** — здесь важен не столько указатель места **на почве**, сам собою разумеющийся, сколько обособленное определение при нем. В словах **зноем раскаленной** повторяется и тем самым усиливается одно и то же значение, на этот раз связанное с чувственным восприятием и, следовательно, с образительной функцией. Эпитеты **чахлой, скупой, раскаленной** в контексте получают общий семантический признак 'безжизненность', который подчеркивается, усиливается строкой **Стоит, один во всей вселенной. Во... вселенной** означает не столько место, сколько степень «одиначества» анчара (точнее, его единственность). образу анчара придается символический смысл: древо яда воплощает единственное зло, исходящее от природы, — смерть. Пустыня, пишет С. Новов, — метафорическое противопоставление всей живой природе. Если не учитывать этого, «то нельзя понять, почему оно [древо] единственно в своем роде, но существует, однако же, во всей вселенной»⁶.

В то же время слово **вселенная** обладает пространственным лексическим значением и употреблено с пространственным предлогом в предложном (местном) падеже. Пространство здесь обретает

объем, так как понятие вселенной, космоса включает в себя представление о трехмерности мира.

II. Строка **Природа жаждущих степей** создает градацию **степь — пустыня**, говорящую о естественности и постепенности перехода от живого к неживому, а глагол **породила** переводит ее (градацию) из пространственного плана во временной.

Слова **зелень (ветвей)** и **корни**, не имея в лексическом значении категориального компонента 'место', не будучи обстоятельством места, все же противопоставлены друг другу как 'верх' и 'низ' и, таким образом, логически выражают пространственные отношения, смысл которых — «напоенность» дерева ядом сверху донизу. Тому же способствует зависимая позиция этих слов при глаголе **напоить**, означающем здесь 'заполнить внутреннее пространство'.

III четверостишие продолжает тему предыдущего и, казалось бы, сообщает о том же, но сообщает по-другому — в зрительно представимых деталях: **Яд каплет сквозь его кору ...** и детали эти даются «крупным планом», в отличие от I строфы, где господствовал «общий» план⁷.

IV. Появляются глаголы движения **летит, идет**, однако с отрицательной частицей. Направление **к нему** (=к янчару) для живых существ оказывается перечеркнутым. Границу «запретной зоны» пересекают лишь неодушевленные предметы — **вихорь черный** и, далее, **туча**. Вихорь, налетев на древо смерти — эпицентр опасности, сам становится ее разносчиком.

В одном из черновых вариантов четверостишие, располагавшееся первоначально после V, выглядело так:

И тигр, в пустыню забежав,
В мученьях быстрых издыхает.
Паря над ней, орел стремглав,
Кружась, безжизненный, спадает.

Отказавшись от этого варианта, поэт, как заметил С. Новов, избежал излишней детализации⁸. Кроме того, если путь существа, пересекавшего границу пустыни, тут же заканчивается быстрой гибелью, то дальнейшее развитие сюжета — возвращение раба (VI) — будет выглядеть невероятным, необидительным.

В другом черновике начало IV строфы имело вид:

Кругом нет жизни, все молчит,
Недвижно все, лишь вихорь черный...

Здесь, напротив, детализация недостаточна: лишь повторяется идея безжизненности, уже выраженная в I строфе. Детали можно было бы назвать антиизобразительными, так как «изображают» они отсутствие жизни, звуков, движения. Последнее противоречит и упоминанию о вихре, и той динамике, которая присутствует в соседних III и V строфах.

Взгляд в этом случае не выходит за пределы пустыни, и отношения между изображаемой «мертвой» частью мира и осталь-

ным миром выпадают из поля зрения. Образы зверя и птицы в окончательном варианте делают строфу значительно богаче мыслью, нежели отвлеченное **Кругом нет жизни**: все живое избегает приближения к древу смерти.

В этой строфе и начале V изображение вновь дано в «общем» плане, на фоне широкого пространства: тигры и птицы обитают за пределами пустыни, чахлой и скупой, извне приходят вихри и тучи. Кстати, образы птицы, вихря, тучи помогают поддерживать в читательском воображении трехмерность изображаемого мира благодаря устойчивым ассоциациям: полет — воздух — небо.

V. Общий план сменяется крупным, действие происходит в «малом» пространстве: дождь **с... ветвей... стекает... в песок**. Здесь суммируется, подытоживается то, что нам известно об анчаре и окружающем его пейзаже: напоенность дерева ядом (II и III), раскаленность почвы (I). На этом кончается экспозиция, далее следует сюжетная часть, поэтому остановимся и обобщим результаты первых наблюдений.

Существительные, имеющие в лексическом значении пространственный компонент: **пустыня, почва, вселенная** — или приобретающие его благодаря синтаксической функции обстоятельства места и соответствующей предложно-падежной форме: **сквозь кору, к нему, с ветвей, в песок**; глаголы местонахождения — **стоит и движения — каплет, не летит, нейдет, набежит, мчится, блуждая, стекает** выступают здесь как средства пространственной организации образного мира. Вначале он как бы бесцветен, пейзаж только схематически обозначен: посреди большого, пустого, знойного пространства стоит единственное дерево. Постепенно он обретает краски благодаря деталям — цветовым (**зелень ветвей, вихорь черный**) или обозначающим цвет ассоциативно: **яд (смола)** — прозрачный, желтый; **кора** — темная; **лист** — (темно-) зеленый; **туча** — темная, синяя; **песок** — желтый или серый. Так существительные с конкретно-предметным и вещественным значением, с ассоциативным пространственным компонентом выполняют роль изобразительных деталей. Слова с категориальным компонентом 'место', 'пространство' — **пустыня** и **вселенная** организуют «большое» пространство пейзажа, наряду с глаголами **стоит** и **нейдет, не летит, набежит, блуждая**, как бы очерчивающими (или же «нарушающими») границы мертвой зоны вокруг анчара. Глаголы **каплет, застывает, стекает** — сказуемые при неодушевленных «вещественных» субъектах **яд, дождь** — связаны с изобразительностью. «Изобразительным» моментам соответствуют крупные планы (III, V), «пространственно-организующим» — общие; чередование их придает изображению, если пользоваться современным термином, кинематографичность.

Основная тема экспозиции, ее смысловое ядро, на воплощение которого главным образом и направлены отмеченные осо-

бенности текста,— ядовитость анчара. О ней сообщается во II строфе, яд — подлежащее в III строфе, яд — причина описанного в IV четверостишии поведения зверя и птицы и т. д. Ядовитость анчара преувеличивается, подчеркивается, изображается всеми средствами, в том числе пространственной организацией образной системы. И в то же время «власть» анчара значительно ограничена в пространстве.

В VI строфе впервые появляются персонажи: **Но человека человек // Послал к анчару...** Ситуация предполагает не только конечную точку движения (**к анчару**), но и начальную — откуда? Никакой характеристики первоначального местонахождения обоих персонажей в этой строфе нет, детализация появится позднее — подобный композиционный прием уже отмечен (см. анализ I, II и III строф). Во всяком случае, здесь возникает вторая фиксированная точка, второй центр пространственной организации (первый — анчар). Начало и конец пути человека, отправившегося за ядом, совпадают в одной точке; подробности же самого пути не даются. Слишком, казалось бы, длинная экспозиция (5 четверостиший из 9) начинает «окупаться»: о зное, о пустыне, о ядовитости анчара читателю уже известно. Человек пересек границы запретной зоны, подвергся смертельной опасности, а сообщено об этом всего лишь с помощью двух глаголов движения — **потек** и **возвратился** и детали: **с ядом**.

Кстати добавим, что на вторую строку этой строфы, на границу между фонетическими словами **послал** и **к анчару** приходится точка золотого сечения стихотворения (около 61,8 % от начала), являющаяся одной из сильных позиций текста, его эмоциональным и интонационным пиком⁹. Тем подчеркивается и важность события, и его вопиющая противоестественность.

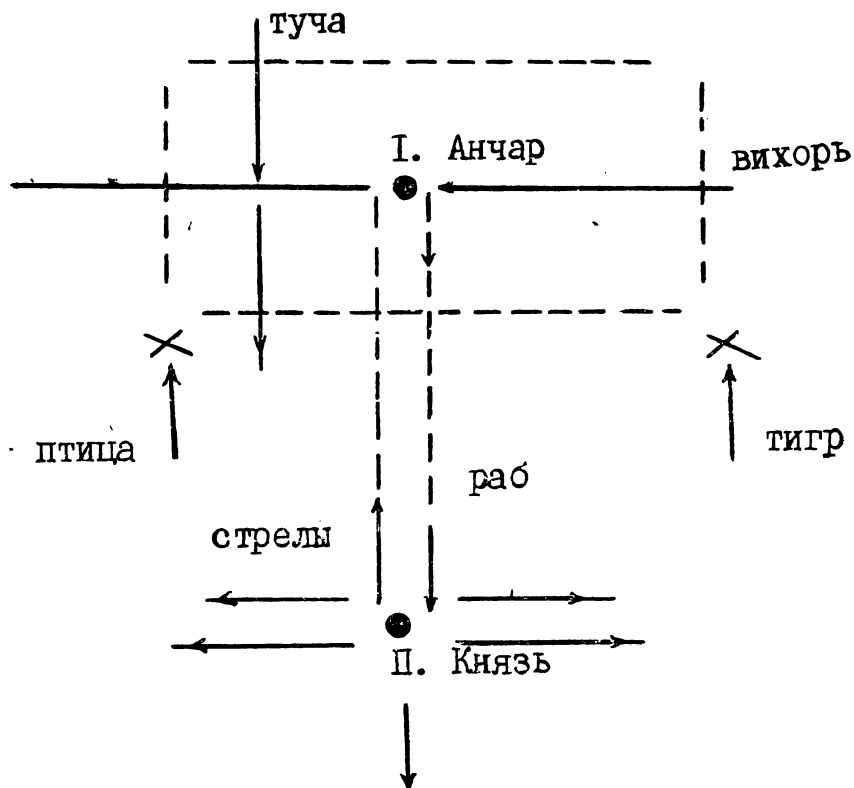
Информация здесь подана экономно, деталь либо психологична (**властным взглядом, послушно**), либо «констатирует факт» (**с ядом**), собственно изобразительных функций она не выполняет.

В начале VII строфы сообщение, казалось бы, дублируется: **Принес он смертную смолу // Да ветвь...** но детали становятся изобразительными, вызывая в памяти «зелень мертвую ветвей», «густую прозрачную смолу» (II и III), которые перенесены из первой фиксированной точки художественного пространства во вторую. Господствует крупный план, крупно дан и «портрет» персонажа: **И пот по бледному челу // Струился холодными ручьями** (пространственный указатель **по... челу** создает эффект «наезда камеры»).

VIII. Впервые даются детали — приметы второго центра пространственной организации: **...лег // Под сводом шалаша на лыки**. Однако это всего лишь... данное крупным планом жилище раба (шалаш, лыки). Описание жилища владыки потребовало бы поиска исторических и этнографических примет, а такая конкретизация была бы излишней. Существеннее другое. **И умер**

бедный раб у ног // Непобедимого владыки — смысл обстоятельства места у ног символичен и социален, так же как скупое описание жилища и оппозиция «раб — владыка».

В IX, заключительной, строфе раскрывается загадка поручения, данного рабу, и исчерпывается композиционная роль вто-

рого центра пространственной организации: ...князь... гибель разослал // К соседям в чуждые пределы. Глагол разослал и распространенное обстоятельство места позволяют представить второй центр как точку, из которой в разных направлениях расходятся линии (первый центр — с перечеркнутыми линиями, сходящимися к нему, и линиями, пересекающими зону вокруг него, — см. рис.). Вновь произошло переключение планов: в «большое» пространство включены и князь, и «чуждые пределы». В этом сходство I и IX строф, но последняя, в отличие от первой, лишена намека на пейзаж. Событие констатируется, но не изображается, и это оправдано тем, что здесь важны не столько его внешние подробности, сколько нравственный смысл. Став обладателем яда, владыка сам превращается в источник опасности, более грозный, чем анчар: там живые существа

избегают появляться вблизи ядовитого дерева, а «вихорь черный» — нечастый гость; здесь — гибель сама отыскивает жертву, у нее в услужении верные рабы и «послушливые стрелы». Так мысль о том, что неограниченная власть одного человека над другими страшнее, губительнее, чем слепые разрушительные силы природы, — мысль, не сформулированная прямо, выводится из пространственной организации стихотворения.

Временные отношения в тексте «Анчара» выражены на лексико-семантическом уровне четырьмя словами: три из них приходятся на экспозицию (II, III), одно — на повествовательную часть (IV).

Во II строфе **Природа жаждущих степей // Его в день гнева породила...** указание **в день гнева** не претендует ни на какую историческую точность* и означает 'в незапамятные, библейские времена'. Такой временной ориентир вполне соответствует пространственному **во всей вселенной**: охватываемые тем и другим огромные объемы времени и пространства сопоставимы друг с другом; рядом с общим планом пространства возникает «общий план» времени. Как в пространственном отношении события и предметы помещены вне конкретно-географического пространства, так и во временном отношении они находятся вне определенного исторического времени. Это условное время легенды, притчи, в которой важно не «когда» и «где» — важен урок, извлеченный из события.

III. **Яд каплет сквозь его кору, // К полудню растопясь от зною, // И застывает ввечеру...** И здесь наблюдается соответствие между масштабами пространства и времени: крупному плану изображения соответствуют и обстоятельства времени, сопоставимые уже не с вечностью, а с сутками. Правда, это не единичные определенные сутки, а лишь одни из бесконечного их числа.

VI. В сюжетной части стихотворения обстоятельство времени **к утру — И к утру возвратился с ядом** — в сочетании с глаголом **возвратился** имеет уже иной смысл, нежели слова той же ЛСГ **к полудню** и **ввечеру**: не повторяющееся явление, а единичное действие.

Если говорить о морфологических способах выражения времени, то господство в первой части стихотворения форм настоящего, а во второй — прошедшего объясняется описательным характером первой части и повествовательным — второй: «Прошедшее время особенно употребительно... При повествовательном способе изложения»¹¹.

Тесно связаны с категорией времени частные значения глагольного вида. Так, глагол **стоит** обозначает неограниченное

* В связи с этим приведем цитату: «Что касается хронологии, то, когда речь идет о едином эпическом времени, о каких-либо конкретных и достоверных датах говорить не приходится»¹⁰.

состояние, хорошо согласующееся с «общим планом» времени; формы прошедшего времени **породила, напоила** говорят о начальном моменте этого состояния; сменяющее их настоящее — **каплет, застывает** выражает уже бесконечную повторяемость ежесуточных процессов («крупный план» времени на фоне огромных масштабов времени и пространства, данных в I и II строфах). Глаголы **не летит, не идет** обозначают вневременное состояние, формы будущего времени **набежит, оросит** — нерегулярную повторяемость, также не ограниченную во времени. Переносный смысл форм будущего ясен из глагольного контекста: **набежит — мчится, оросит — стекает**. Итак, в первой части стихотворения порядок смены способов глагольного действия таков: длительность — однократность — повторяемость — длительность. Следующий же глагол — **послал** вновь выражает значение однократности.

Строфы V—IX повествуют о действиях одушевленных субъектов, поэтому здесь естественно господство глаголов совершенного вида со значением однократности — **послал**; начала и конца действия — **потек, возвратился**; результативности — **принес, ослабел, лег, умер, напился, разослал**. Глаголы результативного действия составляют большинство. Единственный во второй части глагол несовершенного вида со значением длительности — **струился** употреблен с неодушевленным субъектом **пот** и формирует скорее изобразительный, чем сюжетный план стихотворения.

Лингвистический анализ пространственно-временной организации может подводить к вопросам нелингвистического характера, касающимся сути авторского замысла. Например, почему Пушкин ушел от возможности живописать подробности путешествия за ядом, а предпочел дать расширенную экспозицию? Сама экономность в выборе художественных, в том числе композиционных, средств у Пушкина чрезвычайно содержательна. Строя композицию именно так, поэт избегает как минимум двух следствий, которые могли бы исказить замысел: во-первых, необходимости вникать в парадоксы рабской психологии (почему не взбунтовался, не ушел, зачем отдал жизнь черному делу, ему самому не нужному?) — психологическая разработка одним своим объемом оттеснила бы тему власти; во-вторых, рассказа о злоключениях раба, могущего вызвать сочувствие к нему, а это несовместимо с позицией автора, вынужденного здесь соблюдать «нейтралитет». Лишь в момент смерти раба поэт позволяет себе сказать о нем — **бедный**, и эта искра сочувствия появляется тогда, когда дальнейшее осуждение уже не имеет смысла.

Показанный здесь путь анализа стихотворения с опорой на лексику, выражающую пространственные и временные отношения, конечно, не является универсальным. Анализируя стихотворение, «исследователь должен подобрать к нему ключ, спрятанный в нем самом»¹². Однако такой анализ может дать

«ключ» к стихотворениям, художественное пространство и время в которых организованы достаточно сложно и интересно и играют существенную роль в выражении авторской позиции.

Результаты лингвистического анализа пространственно-временной композиции, в особенности ее пространственного аспекта, могут быть применены в школе на уроках литературы: пространственные отношения в человеческих представлениях тесно связаны с предметностью (а стало быть, и с изобразительностью), потому что непосредственно даны наблюдателю¹³, и пристальное внимание к их выражению в тексте поможет разбудить воображение, сделать эстетическое впечатление более глубоким.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

¹ Бахтин М. М. *Формы времени и хронотопа в романе* // Бахтин М. М. *Вопросы литературы и эстетики*. М., 1975. С. 234—235.

² Гальперин И. Р. *Текст как объект лингвистического исследования*. М., 1981. С. 86.

³ Сильман Т. И. *Заметки о лирике*. Л., 1977. С. 79.

⁴ Там же. С. 124.

⁵ Там же.

⁶ Новов С. А *древо жизни пышно зеленеет...* // Лит. учеба. 1985. № 1. С. 183—184.

⁷ Гинзбург С. *Киноискусство* // БСЭ. 3-е изд. 1975. Т. 12. С. 129.

⁸ Новов С. *Указ. соч.*

⁹ Черемисина Н. В. *О гармонии композиции художественного целого* // Язык и композиция художественного текста. М., 1983. С. 33.

¹⁰ Медриш Д. Н. *Структура художественного времени в фольклоре и литературе* // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Л., 1974. С. 129.

¹¹ Кожина М. Н. *Стилистика русского языка*. М., 1984. С. 147.

¹² Холшевников Е. В. *Анализ композиции лирического стихотворения*. Л., 1985. С. 49.

¹³ Павлов В. Т. *Логические функции категорий пространства и времени*. Киев, 1966. С. 50.

Функциональная семантика слова. Свердловск, 1992

И. М. ВОЛЧКОВА

Уральский университет

РОЛЬ ВОЗВРАТНОГО МЕСТОИМЕНИЯ В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ СЕМАНТИКИ ГЛАГОЛА

Рассматривается системность речевых и языковых модификаций семантики глагола, связанных с воздействием возвратного местоимения, взаимодействие семантики глагола и местоимения.

Проблема семантического варьирования слова, думается, одна из немногих, которым, по существу, суждено долгое время оставаться в числе наиболее актуальных, не разрешенных до конца. Многочисленные плодотворные исследования, имеющие как

глобальный, так и частный характер, охватывающие проблему в целом и касающиеся семантики конкретного слова,— это, на наш взгляд, лишь фрагменты, углубляющие и расширяющие целостное представление о семантическом варьировании¹. Выделены общие системные факторы, определяющие многозначность слов, характер ее реализации², тем интереснее поиск новых регулярных системных закономерностей, обуславливающих варьирование отдельных элементов лексической системы языка.

Громадные потенциальные возможности глагольной лексики в плане варьирования значений обусловлены спецификой самой части речи, ее категориальными признаками, развитой системой синтаксических связей с другими частями речи и, как следствие, многочисленными ассоциативными связями.

Синтагматические связи слов реализуются в конкретных фразах как результат семантического взаимодействия слов. Общеизвестно, что значения слов меняются под влиянием контекстных партнеров, которые могут вызвать «угасание» одних сем, актуализировать потенцию других или развить новые семы на основе ассоциативных связей³. Именно этот аспект проблемы варьирования глагольной лексики в условиях специфического контекста, обусловленного конкретными прагматическими установками говорящего, представлен в данной статье — части обширного исследования, анализирующего функции возвратного местоимения в языке и речи. Поэтому объектом нашего внимания являются глаголы, значение которых прямо или косвенно предопределено наличием в их окружении возвратного местоимения **себя**.

Семантический анализ глагола и возвратного местоимения в их синхронных отношениях основан на системных свойствах языка или на его функциональных параметрах. Функционируя в конкретном высказывании, возвратное местоимение, как правило, замещает позицию прямого (иногда косвенного) объекта действия, реализуя свою основную функцию — «указания на лицо, обозначающее активного деятеля»⁴. Наличие одушевленного субъекта — лица, обладающего способностью к сознательному, целенаправленному и имеющему результат действию, признается неперенным атрибутом собственно возвратных высказываний. Семантика глагола при этом складывается из компонентов, включающих как существенный компонент «одушевленный субъект действия», ср.: **Отец купил себе пальто**.

В результате асимметрии первичных и вторичных функций языковых единиц возвратное местоимение не всегда принадлежит смысловой структуре высказывания с одушевленным субъектом, ср.: **Опыт оправдал себя; Спектакль привлек к себе внимание**. Данный аспект проблемы затронут в работе Е. В. Падучевой, где, в частности, говорится, что «возвратное местоимение употребляется с неодушевленным антецедентом чаще всего тогда, когда оно фактически избыточно»⁵.

Основной вид синтагматических связей между глаголом и возвратным местоимением возникает при наличии отношений смежности, т.е. общих сем в структуре значения⁶. Такими общими для глаголов определенной семантики и возвратного местоимения являются семы одушевленного объекта — лица, ср.: **внушать** — 'кому. 1. Заставить усвоить какую-л. мысль', **верить** — ... // в кого. Быть уверенным в достоинствах положительных качеств кого-л' (МАС-2). Эти глаголы содержат в себе лексико-грамматическую сему одушевленного объекта, формально выраженную в словарном определении указанием на управление — кому, кого, в кого и т.д., и требуют заполнения позиции дополнения в предложении.

Возвратное местоимение выступает в словосочетании как самостоятельный, независимый в лексическом отношении от глагола компонент, обладающий определенным денотативным статусом, т.е. имеющим непосредственную связь с действительностью. Глагол и местоимение образуют сочетание, имеющее структуру, изоморфную структуре реальной ситуации, участником которой является реальное лицо. Рассматривая словосочетание как отдельную знаковую единицу, мы вправе говорить о соотношении компонентов плана содержания и плана выражения по аналогии с процессами словообразования — когда можно говорить о минимуме идиоматичности данного типа сочетаний.

Глаголы, выступающие как компоненты сочетаний с возвратным местоимением в его основном денотативном значении, как правило, реализуют свое основное значение или вторичное системное, напр.: «Он **готовил себя** к далеким путешествиям, к географическим открытиям» (Трифонов), где **готовить себя** — '4. Предвидя что-л., приготовляться к этому' (МАС-2). Однако при наблюдении над большим количеством глагольных лексем, в конкретном высказывании сочетающихся с возвратным местоимением, обнаружилось, что возвратное местоимение часто оказывает значительное влияние на глагол, на его смысловую структуру. Так, при исследовании было выделено значительное число глаголов, которые реализуют одно из своих вторичных значений, как правило, при наличии возвратного местоимения, но не другого имени или местоимения. Таким образом, это местоимение, изменив свой системный статус, стало восприниматься как постоянный контекстный партнер глагола в его данном речевом значении, напр.: «Маяковский **считал себя** заводом, вырабатывающим счастье» (Сов. культура); «Неудачник. Так он сам **себя называл**» (Гранин); «По дороге я **выдавал себя** за человека родом из Судет» (Казакевич). Количественный анализ показывает, что из обширного набора именных и местоименных лексем в позиции дополнения оказывается именно возвратное местоимение и закрепляется за данным значением глагола. Такая предпочтительность в употреблении именно формы воз-

вратного местоимения для данного значения глагола осознается говорящим и слушающим как модификация значения, конкретизация смысла.

Такая тенденция, выражающаяся в известной закреплённости объекта при глаголе определенной семантики, наблюдается в ряде случаев, ср.: **ставить задачу, цель** — обычно **перед собой**; **связывать обещаниями** — обычно **себя**; **видеть со стороны** — обычно **себя**; **задавать вопрос** — обычно **себе** и др. Сотнося наши фразовые материалы со словарем, мы видим, что реально во фразе заложен более глубокий смысл, чем в системном значении слова. Помимо системных значений, отмеченных в словаре, существуют и другие: употребление глагола с возвратным местоимением приводит к «наращению» смысла, появлению новых оттенков значения. Достаточно наглядным примером может служить фраза: «Мы постоянно **боремся** с какими-то недостатками, Коля. А **бороться** надо прежде всего **с собой**» (Поляков), где глагол в сочетании с конкретизатором **недостатки** и в другом случае **с собой** реализует разные смысловые модификации. Намеренное противопоставление в тексте возвратного местоимения как средоточия индивидуальных качеств человека и отвлеченного существительного с семантикой неодушевленности и всеобщности ведет и к противопоставлению оттенков значений глагола **бороться**. Именно это, вторичное, значение глагола является наиболее употребительным в современной речи. Изменение условий функционирования данного глагола, выраженное в закреплённости в позиции дополнения возвратного местоимения, включение его в ситуацию для актуализации смысла — процесс непрерывный, связанный с качественными изменениями в структуре глагольного значения. Контекстологический анализ позволяет уточнить отдельные глагольные лексико-семантические варианты, не нашедшие еще отражения в словаре, но, несомненно, имеющие право на существование.

Решающее значение при выделении смысловых оттенков имеет учет не только ближайшего контекста, каковым является для глагола возвратное местоимение, но и других контекстных показателей. Напр.: «И Маршалл [Аллан Маршалл] стал вновь яростно **бороться за себя, за свое скромное достоинство**» (Нагибин) — уточняющий характер отмеченного сочетания придает ЛСВ глагола оттенок значения 'некоторая замкнутость действия, направленная на совершенствование личных физических и моральных качеств'. Другие примеры: «А утром следующего дня они шли и пели: **«Мы боремся не только за себя»**» (Боровик) — уточняющий компонент **не только** свидетельствует о том, что действие имеет широкий социальный диапазон; «Хейли что было сил **тянул ремни, подбирал живот к хребту, вжимался в кресло, боролся за себя** так же цепко, как люди на поврежденном взрывном «Боинге 707» (Нагибин) — предваряю-

шая часть фразы указывает на местный, ограниченный набором конкретных действий характер значения глагола **бороться**. Словарем отмечается как необходимое дополнение неодушевленное существительное в приглагольной позиции, ср.: **бороться** — 'З. за что. Отстаивать что-л., добиваться чего-л.' (МАС-2). Употребление в качестве дополнения в этой позиции возвратного местоимения расширяет валентные возможности глагола, включая в его парадигму новые смысловые оттенки. Достаточно частотное употребление глагола в таком контексте дает возможность говорить о существовании новых, пока исключительно речевых модификаций значения.

Частотность употребления возвратного местоимения в позиции дополнения при глаголе **постоять** свидетельствует не только о семантической, но и структурной связанности двух компонентов конструкции. Вторичное переносное значение 'постоять — отстоять, защитить кого-л., что-л.' (МАС-2) чаще всего реализуется с формой **за себя**, напр.: «В детстве отец сердился: «Надо научиться **постоять за себя**» (Богуславская); «Илья... сумеет **за себя постоять**» (Распутин). Фразовые материалы показывают, что именно эта синтаксическая конструкция наиболее полно выражает семантику глагольного слова.

Достаточно распространены конструкции с отрицанием **не отвечать за себя, не ручаться за себя**, в которых реализуется смысл 'выражать потенциальную угрозу, исходящую от субъекта'. Напр.: «...велел ему немедленно убираться, а то он сам **за себя не отвечает**» (Нагибин); «Скажи: «Ты ради нее готов на все, ты потерял голову, ты **за себя не ручаешься**» (Ковальджи). Данное значение, не достигнувшее уровня системного, не выделенное в словаре, тем не менее достаточно четко осознается.

Итак, в определенных контекстных условиях глаголы, сочетаясь с возвратным местоимением в позиции дополнения, получают возможность дальнейшего развития значений, обогащают свою семную структуру за счет «приращения» смысловых компонентов. Существенным является тот факт, что развитие новых смыслов в семантической структуре анализируемых глаголов происходит в результате не перестройки ее, а наличия дополнительных, назовем их синтагматическими, «надстроечных» признаков и не нарушает системы внутрисловных отношений в данной лексеме.

Мы отметили только некоторые реализации глагольных значений, сопровождающихся во фразе возвратным местоимением. Представляют интерес реализации индивидуально-авторских значений, единичных употреблений. Как показывают наблюдения, варианты значений таких глаголов имеют еще большее расхождение с первичным основным значением, сопровождаются существенной перестройкой семной структуры глагола, часто переходят в другую семантическую группу. Немалую роль в этом играет возвратное местоимение.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

¹ См. работы Л. М. Васильева, А. А. Кретова, Э. В. Кузнецовой, З. Д. Поповой, И. А. Стернина, А. П. Чудинова, Н. Б. Лебедевой, Н. А. Боровиковой.

² См.: Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка. М., 1989; Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.

³ Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985.

⁴ Ронгинская Н. В. Русское языкознание. Киев, 1986. Вып. 13. С. 72.

⁵ Падучева Е. В. Проблемы логического анализа местоимений // Семантика и информатика. М., 1980. Вып. 15. С. 13.

⁶ Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис. М., 1986. С. 35.

Функциональная семантика слова. Свердловск, 1992

А. А. КРЕТОВ

Воронежский университет

О НАУЧНОМ ПРОГНОЗЕ В ЛЕКСИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ

Рассматриваются основные проблемы прогностики как особого раздела лингвистики, связанного с лингвистическим предсказанием и предвидением.

Наука, занимающаяся предвидением будущего, называется прогностикой. «Гносеологическое понятие предвидения необходимо разделять на предвидение естественнонаучного типа, или предвидение уже существующего, но еще не известного исследователю, и предвидение гуманитарно-научного типа, или предвидение еще не существующего», — отмечает Ю. С. Степанов¹. Первое мы предлагаем называть прогностикой предсказания, а второе — прогностикой предвидения. Прогностика предвидения представлена, например, демографическими, экономическими и метеорологическими прогнозами; прогностика предсказания — прогнозами Д. И. Менделеева, Ф. де Соссюра, открытиями новых разновидностей растений на основании закона гомологических рядов Н. И. Вавилова, «кабинетными открытиями» новых планет и островов.

Лингвистической прогностики как науки, несмотря на отдельные интересные работы в этом направлении, пока не существует. Тем более не существует такого ее раздела, как лексико-семантическая прогностика с подразделами: лексико-семантическая прогностика предвидения и лексико-семантическая прогностика предсказания. Значит ли это, что в ней нет никакой необходимости? Отнюдь. Особенно очевидна потребность в лексико-семантической прогностике предсказания. Достаточно взять любой академический словарь, чтобы убедиться в неполноте,

случайности, фрагментарности его словника. В любом словаре отсутствуют самые обыкновенные слова, и только потому, что в выбранных лексикографах для обследования текста их случайно не оказалось. А ведь отбор текстов неизбежен, следовательно, неизбежна и неполнота словаря. Конечно, самые частотные и употребительные слова попадают в любой словарь, но как быть с малочастотными, ведь именно они составляют большую часть любого словника? В частотных словарях слова, встретившиеся только по одному разу, составляют около трети словника.

Информатика стала знаменем нашего времени. Обработка текстов на естественных языках предъявляет новые требования к лексико-семантическим описаниям. Весьма продуктивным подходом к описанию лексики является прогностика предсказания, позволяющая на основании имеющейся лексико-семантической информации делать заключения о существовании единиц лексико-семантической системы, не встретившихся в обследованных текстах.

Свою задачу мы видим в создании лексико-семантической прогностики как самостоятельной научной дисциплины с подразделами: лексико-семантическая прогностика предвидения и лексико-семантическая прогностика предсказания. В данной статье мы рассмотрим на конкретных примерах основные проблемы лексико-семантической прогностики предсказания.

Рассмотрим таблицу, приводившуюся нами в 1980 г.² и иллюстрировавшую историю лексико-семантических вариантов (ЛСВ) со значением 'смотреть, расширив или сузив глаза' (буквой О отмечены данные из словаря русского языка С. И. Ожегова³; буквой М — данные МАС-2; буквой Б — данные БАС; буквой Д — данные из словаря В. И. Даля⁴; буквой Е — данные из словаря синонимов языка⁵; буквой У — данные Толкового словаря русского языка⁶; отсутствие букв означает, что клетка заполнена на основании примеров, извлеченных из художественных произведений; в скобках даны примеры, обнаруженные после 1980 г.; незаполненность клетки свидетельствует об отсутствии соответствующих примеров у автора статьи).

Материал таблицы можно обобщить в виде двух деривационных цепочек: 1) кто — глагол — что — 'выдвигать вперед; освобождать от оболочки; расширять, растягивая; делать округлым' → что — глагол — глаза — 'широко раскрывать (глаза)' → кто — глагол — глаза — на кого, что? — 'смотреть, широко раскрыв глаза' → кто — глагол + ся — на кого, что? — 'смотреть, широко раскрыв глаза'; 2) кто — глагол — что — 'суживать, сжимать' → что — глагол — глаза — 'слегка прикрывать (глаза веками)' → кто — глагол — глаза — на кого, что? — 'смотреть, слегка прикрыв глаза веками' → кто — глагол + ся — на кого, что? — 'смотреть, слегка прикрыв глаза веками'.

Т а б л и ц а

№ п/п	кто-Г-что (А)	кто-Г-глаза (В)	кто-Г-глаза-куда (С)	кто-Г+СЯ-куда (D)
1	он выдупил орех БМ	он выдупил глаза БОМ	он выдупил гла- за на нее ОМ	он выдупился на нее БМ
2	он лупил яй- цо ОМ	он лупил глаза М	он лупил глаза на нее	он лупился на нее
3	он пучил живот О	он пучил глаза ОМ	он пучил глаза на нее	он пучился на нее М
4	он пялил шкурки М	он пялил глаза О	он пялил глаза на нее ОМ	он пялился на нее ОМ
5		он шурил глаза ОМ	он шурил глаза на нее М	он шурился на нее О
6		он пошурил глаза	он пошурил гла- за на нее М	он пошурился на нее М
7		он пришурил глаза ОМ	он пришурил глаза на нее	он пришурился на нее М
8		он сошурил глаза М	он сошурил гла- за на нее	он сошурился на нее О
9		он тарашил глаза ОМ	он тарашил гла- за на нее М	он тарашился на нее ОМ
10		он вытара- шил глаза М	он вытарашил глаза на нее	он вытаращился на нее БО
11	он выпучил грудь БМ	он выпучил глаза БОМ	он выпучил глаза на нее	(он выпучился на нее)
12	он выпялил шкурку БОМ	он выпялил глаза БОМ	(он выпялил гла- за на нее)	(он выпялился на нее)
13	он выкатил бочонок БОМ	он выкатил глаза БОМ	(он выкатил гла- за на нее)	
14	он выпятил грудь БОМ	он выпятил глаза Б		(он выпятился на нее)

Очевидно, что различие между двумя цепочками носит не формальный, а содержательный характер: в первой глаголы имеют исходную семантику 'выдвигать вперед; освобождать от оболочки; расширять, растягивая; делать округлым', во второй — 'суживать, сжимать'.

В обоих случаях мы имеем дело с семантикой физического воздействия на объект. Первоначальная противопоставленность действий сохраняется и на следующем шаге деривации, становясь особенно четкой: 'широко раскрывать глаза' — 'слегка прикрывать глаза'. Поскольку глаголы с семантикой 'широко раскрывать глаза' преобладают, логично предположить, что глаголы со значением 'слегка прикрывать глаза' оказались втянутыми в данный деривационный процесс по признаку противоположности, ибо, как давно замечено исследователями, сходную судьбу имеют не только слова со сходными значениями, но и слова, противопоставленные по значениям и тем не менее близкие по семантике.

Вначале данная таблица была составлена (и заполнена) на основании показаний словаря С. И. Ожегова (О). С привлечением данных МАС-2 (М) заполнились новые клетки таблицы,

содержание которых уже было ею предсказано. Привлечение же БАС не дало практически ничего нового. Часть клеток была заполнена примерами, извлеченными из художественной литературы.

Относительно незаполненных клеток таблицы в 1980 г. нами был сделан следующий вывод: не все глаголы имеют полный набор семантических звеньев. Отсутствие у сочетаний **выкатить глаза, выпялить глаза, выпятить глаза** синтаксической функции **куда?** не случайно, а закономерно. Столь же закономерно отсутствие значения 'смотреть, широко раскрыв глаза' у глаголов **выкатиться, выпялиться** и **выпучиться, выпятиться**. Отсутствие этих звеньев как раз и показывает направление семантического процесса.

Глаголы **выкатить, выпялить, выпятить** находятся на начальном этапе процесса, значением 'смотреть' они не обладают. У них есть, однако, предпосылки приобретения такого значения, поскольку, сочетаясь со словом **глаза**, они синонимизируются с глаголами **тарашить, щурить, лупить, пучить, пялить** и др., попадая в поле семантического притяжения этих глаголов. Семантическая система начинает оказывать на них давление, закон аналогии действовать, и они получают возможность приобрести синтаксическую функцию **куда?**, а затем образовать глаголы **выкатиться, выпялиться, выпятиться** на когò-, что-л. Глагол **выпучить** продвинулся дальше в семантическом развитии, чем глаголы **выкатить, выпялить** и **выпятить**. Он приобрел в сочетании со словом **глаза** синтаксическую функцию **куда?**, а вместе с ней — значение 'смотреть, вытаращив глаза', но возникновением ЛСВ **выпучиться** — 'посмотреть, выпучив глаза' семантический процесс еще не закончился, хотя его логического завершения можно ожидать с большой степенью вероятности⁷.

Материал, собранный после этого, показал, что незаполненность клеток объяснялась не столько незавершенностью семантических процессов, сколько случайными пробелами в материале. Заполнились все клетки, кроме одной, причем в большинстве случаев примерами, употребленными задолго до времени составления таблицы. Вместо прогноза получилось «предсказание назад». Вывод, который следует сделать из данного случая, состоит в том, что необходима чрезвычайная осторожность в высказываниях об отсутствии в языке тех или иных единиц, особенно когда такое высказывание касается малочастотных элементов, редких, периферийных единиц языка, и удвоенная осторожность, когда речь идет об отсутствии в языке единиц, для образования которых не имеется системных запретов и ограничений. Граница между возможным и действительным — особенно в лексике — весьма и весьма условна, размыта и нечетка.

Главным же результатом является сам факт последовательного — от словаря С. И. Ожегова до сегодняшнего состояния —

заполнения предсказанных таблицей клеток. Факт заполнения клеток свидетельствует о том, что нам удалось смоделировать, постичь, ухватить саму лексико-семантическую реальность.

Рассмотрим примеры, подтверждающие заполнение клеток. Поскольку в работах и словарях материала недостаточно, мы хотели бы привести весь материал, имеющийся в нашем распоряжении, однако ограниченность объема статьи не позволяет этого сделать.

1А. «Кокосовый орех **вылупляют** (несов.) из волокнистой толстой одежды, да пилят пилой...» (Д.).

1В. «Кучер наш и фореитор, **вылупя глаза**, смотрели на церковь и на пушки» (Болотов); «А ихние, арапы,— **глазищи** белые **вылупили**, ухмыляются да знай себе — уписывают» (Замятин); «Акулин дурашливо **вылупил глаза**, когда услышал о своем назначении бригадиром...» (Сергеев).

1С. «Ба!» — вдруг заорал Азazelло и, **вылупив глаза** на решетку сада, стал указывать куда-то пальцем» (Булгаков); «Санька пальто скинул, партнер на рубаху **бельма вылупил**» (Шергин); «Г а л я. Во-первых, я хорошенькая... А л е к с е й. Да? Какой-то дурак в метро **вылупил** на тебя **глаза**, ты и обрадовалась, вообразила...» (Розов); «Семен... на Бориса сияющие **глазки вылупил** и хохотнул: «Здорово, дудка!» (Екимов).

1D. Примеры из словарей не содержат позиции **на кого, что**, но семантика, приписываемая этому глаголу: «...**вылупиться** — пристально смотреть **на кого-, что-л.**, широко раскрыв глаза...» (Е), указывает на наличие у него данной позиции. Кроме того, примеры, приведенные в (М): **что вылупился!** и **чего вылупился?** — хотя и не содержат позиции **на кого-, что-л.**, являются стяженными (в силу контекстуальной избыточности) вариантами конструкции **что/чего ты вылупился на него/на нее?**

2А. «[Фаина] позвала Василия обедать. Расстелив на коленях платок, она стала **лупить** яйцо себе» (Астафьев).

2В. «Ничего не понимая, **лупил** Барыба **глаза**» (Замятин).

2С. «И потом [убийца] невинно **лупил глаза** на следователя: «Неужели меня расстреляют? Вышка?! Я ж не хотел...» (Астафьев).

2D. «Чего **лупишься** на меня?» (Д.).

3А. «И вечером, читая штабные сводки ...генерал Юденич зверел и **пучил щеки**» (Лавренев).

3В. «[Варька] встряхивает головой, **пучит глаза** и старается глядеть так, чтобы предметы не росли и не двигались в ее глазах» (Чехов; М).

3С. «...идет мне встречу некоторый озорник, идет и **очи на меня пучит**» (Салтыков-Щедрин); «На чужую кучу нечего **глаза пучить**» (Д).

3D. «Будет тебе на огонь **пучиться**, ложись спать» (А. Толстой; Б); «Сенька и Пашка сидели в телеге... и **пучились** на отца» (Леонов; Б).

4А. «Дети развлекаются по мере возможности. Многие корчат гримасы, ловят нос языком, косят глаза, **пялят** рот пальцами» (Помяловский; Б).

4В. «Николай **пялил** слипавшиеся глаза» (Шишков; Б).

4С. «В комнате жена сидит, потупя глаза, но во весь день от окошка не отходит и **пялит глаза** на всякого мужчину» (Радищев); «Неожиданный переход от обыкновенного разговора к брани ошеломял его [Петра] до такой степени, что он мог только **пялить** на солдата свои большие смирные глаза...» (Левитов); «Афанасий. Мало ему [Алексею] тут мороки, так еще Галина на него **глаза пялит**. Катя. Что ты? Афанасий. Видел я, как она на него глядела, когда он с Вадькой сцепился» (Розов).

4Д. «Тот [Ванятка], закинув голову, **пялится** на солнечный зайчик» (Ганина); «Старпом тоже из рубки в бинокль **пялился**. <...> Мы поглядели на старпома. Он все **пялился** на берег» (Владимов); «Лерка... сперва потрясённо **пялилась** на мужа, потом хлопотала, роняя и разбивая что-то» (Астафьев).

5В. «Когда она **щурила глаза**, выражение их становилось очень ласковым и немного насмешливым» (Тургенев; М).

5С. «Марина в упор **щурила** на Андрея удлинённый, чуть косой в разрезе чёрный глаз» (Шолохов; М).

5Д. Значения 'смотреть на кого-, что-л., щуя глаза' ни один словарь русского языка не выделяет, хотя и даёт речение **Близоруко щуриться на кого-н.** при несоответствующем ему значении '1. Щурить глаза' (О). Между тем значение 'смотреть на кого-, что-л., щуя глаза' у глагола имеется. В современных текстах оно представлено широко: «Рагозин, подергивая ус, **щурился** на Извекова, ожидая, что он заговорит о самом главном» (Федин); «Пилат, это — который жил при Иисусе Христе?» — **щурясь** на Ивана, спросил Стравинский» (Булгаков); «Глеб шел несколько впереди остальных, шел спокойно... **щурился** на избу бабки Агафьи...» (Шукшин); «Илья, **щурясь** на Эдуарда Аркадьевича, слушал его чутко, не пропуская ни одного слова...» (Бондарев).

6В. «Он, смеючись, все **пощуриывает** (несов.) глаза» (Даль).

6С. «Он **пощурил** близорукие глаза на сонные физиономии офицеров и поздоровался» (Чехов; М).

6Д. «Скорей по привычке, чем из потребности, он вытер усы и **пощурился** в небо — хватит ли до утра нелетной погоды» (Леонов; М); «Он [Алешин], возбуждённый, зачем-то обтер о шинель наган, положил перед Новиковым и, вроде бы ничего не случилось, сел к столу, независимо **пощурился** на свет лампы под зеленым абажуром» (Бондарев).

7В. «Раз я лежу, **глаза прищуря...**» (Пушкин; сл. яз. П. *);

* Здесь и далее условное сокращение «сл. яз. П.» означает: Словарь языка Пушкина: В 4 т. М., 1959.

«С зарослей липы и бересклета капала роса. Столько сырого блеска было вокруг, что он невольно **прищурил глаза**» (Паустовский; М).

7С. «В переднюю из залы быстро вошла дама в черном платье. Она **прищурила на меня глаза**» (Чехов; Б).

7D. Значение 'смотреть на кого-, что-л., прищурив глаза' у глагола **прищуриться** словари также не выделяют, хотя примеры, позволяющие выделить это значение, в них приводятся: «Он отвел глаза, **прищурился на огоньки**» (А. Толстой; У); «[Марья Александровна] **прищурилась на заходящее солнце**» (Гарин-Михайловский; М). Видимо, лексикографов смущает то, что объектом в них является источник света, но это вовсе не обязательно: «Человек! Дай мне чего полегше...— **прищурился на нее** и говорит: Дай мне... соли!» (Шмелев); «Он [профессор] подняв голову и **прищурился на Ирину Най**, на ее меховую шубку и ботинки» (Булгаков); «Константин... весело **прищурился на Нину**» (Бондарев); «И ты просто горд, если десятник, проходя мимо, **прищурится на твою вязку**, посмотрит в створ со стеной и скажет: «Это ты клал? Ровненько» (Солженицын).

8В. «Как в полусне, Николка, **сощутив глаза**, видел вспыхнувший огонек в трубке Федора и слышал сладостный дух горячей махорки» (Булгаков); «Комиссар, **сощутив один глаз**, со странным выражением оглядел коменданта...» (Лавренев); «Она пыхнула папиросой, проводив **сощуренным взглядом** новую серию колечек» (Калинин).

8С. «Граф Александр Сергеевич Строгонов **сощурил на Герасима глаза** и насмешливо проговорил: «Не сомневаюсь» (Шишков).

8D. «Меженин сонно **сощурился в переносицу Никитину**, разом заскучав замутненным взглядом...» (Бондарев); «Семен? А что это тебя в геологи потянуло...» — хитро **сощурился отец на студента**» (Сергеев).

9В. «Корсаков, смотря на сие затейливое препровождение времени, **тарашил глаза** и кусал себе губы» (Пушкин); «Доктор **тарашит глаза**, дивится. Не во сне ли, думает» (Шишков); «...мальчишка льнул к нему, старшина старался еще пуще, гримасничал, **тарашил глаза**, блеял, шипел и рычал — изображал в лицах» (Смирнов).

9С. «Дама **тарашила глаза на Филю**. Она не ожидала, что к ее горю отнесутся с такой черствостью» (Булгаков); «Пацаненок... **тарашил на меня раскосые глазенята**, еще полные слез» (Смирнов); «Панаитеску **тарашил глаза на своего шефа**, ничего не понимая» (Ковальджи, пер. с рум.); «Одной ногой в могиле стою, а **глаза тарашу на нее [девушку]**, будто милей и не приходилось встречать» (Сергеев).

9D. «Славик высунул нос из воротника куртки и изумленно **тарашился на Сергея Митрофановича**» (Астафьев); «...судя по тому, как он [Карльхен] на нее [Астрид] **тарашился**, можно

было бы без особого труда заручиться на всякий случай если не его содействием, то хотя бы сочувствием» (Слепухин).

10В. «Что же ты смотришь на меня, **вытараща глаза?**» (Крылов); «Француз **вытаращил глаза**. Он не знал, что и думать» (Пушкин; сл. яз. П.); «Очумелый, **вытаращил глаза** Барыба и стоял долго, никак не мог понять» (Замятин); «Турсов **вытаращил глаза**: «Ты что, с луны свалился? Или притворяешься? Это же моя основная профессия! Давай адрес, вечером схожу...» (Наумов).

10С. Примеров с сочетаемостью **на кого, что** словари не дают. Нам встретились следующие примеры: «Ты что на меня **глаза вытаращил?**» (Салтыков-Щедрин); «Сеня в ужасе **вытаращивает** (несов.) на сестру **глаза**» (Успенский); «Стоит [Плисов], **вытаращив глаза** на этого, жутко похожего на покойника [Герасима Николаевича], а тот поднимается...» (Булгаков).

10Д. «**Вытаращиться на кого**» (СлРЯ XVIII в. *); «**Вытаращить...-ся**, выпучить глаза на что или на кого» (Д); «**Вытаращиваться, вытаращиться**. Уставляться на кого или на что, выпучив глаза» (Б); «**Вытаращиться** (сов.), разг. 'Уставиться на кого-, что-л., широко раскрыв, выпучив глаза': «[Гаврила] сказал ей [деревенской девке]: «Ну чего стоишь, **вытаращилась?** Видишь, у нас обод лопнул, сбегай, позови кузнеца» (А. Толстой; М).

Как видим, словари, в общем, верно дефинируют данный ЛСВ, хотя точнее его было бы сформулировать как 'смотреть на кого-, что-л., вытаращив глаза'. Пример из МАС-2 (М) не вполне показателен, ибо формально не содержит позиции **на кого, что?** Тут следует отметить, что конструкция **чего (что) вытаращилась?** является сокращенным вариантом конструкции **чего (что) ты на нас (меня, него и т. п.) вытаращилась?** В конкретной ситуации субъект и объект действия известны, самоочевидны, что позволяет опускать их без потери информации. Кроме того, данный ЛСВ вполне может быть реализован в следующих фразах: «Карабас Барабас от неожиданности громко щелкнул челюстями и **вытаращился на Дуремара**; «Что ты на на меня **вытаращился?**»; «И тут оба собеседника **вытаращились друг на друга**».

11А. «Особенно один из них [воробьев] так и надсаживал бочком, бочком, **выпуча зоб** и дерзко чиркая, словно черт ему не брат! Завоеватель — и полно!» (Тургенев).

11В. «Сидит [супруга Семина] в огромной шляпе, **выпучив глаза**, как ворона» (Шмелев); «Наконец баба с мешком (ее душили.— А. К.) **выпучила глаза** и растопырила скрючивающиеся пальцы на руках» (Романов); «Что такое? Как?» — гене-

* Здесь и далее условное сокращение СлРЯ XVIII в. означает: Словарь русского языка XVIII в. Л., 1984 — 1988.

рал **выпучил глаза** до предела» (Булгаков); «У Егоровны, конечно, имелись с Федькой разговоры. Она калитку размахнет, **выпучит глаза**, а Маляхин в ейну сторону табачным дымом пустит» (Шергин).

11С. «Какой родственник? У меня никакого родственника нет», — робко отвечал оторопевший Алексеев, **выпуча глаза** на Тарантьева» (Гончаров); «Ну, что на меня **глаза выпучил**, отпетый дурак?» (Достоевский); «И друг мой **выпучил** на меня **глаза**» (Булгаков).

11D. «Открой тайну, несчастный, открой тайну! — Карабас Барабас от неожиданности громко щелкнул челюстями и **выпучился** на Дуремара: Это ты?» — «Нет, это не я...» (Толстой).

12А. «**Выпялить живот**» (У).

12В. «Он **выпялил глаза** и вскричал: как же так?» (Белинский; Е); «Евсей живо взбодрился, мотал, как веселый пес, головой, **выпялил** стеклянные свои **глаза**» (Замятин).

12С. «Еремеевна... сложа руки, стала как вкопанная **выпяля глаза** на Стародума, с рабским подобострастием» (Фонвизин; СлРЯ XVIII в.); «Что ты **глаза** на нево **выпялила**? Развѣ забыла, что... грѣшно на молодых мужиков **смотреть**?», (Княжнин); СлРЯ XVIII в.); «Часовой недоуменно **выпялил** раскосые **щелки [глаз]** на фантастическую фигурку в мокрой шинели, держащую под мышкой портрет женщины...» (Лавренев).

12D. «Что ты на меня **выпялился**?» (О). Интерпретация этого примера в словаре неверна: следовало бы дать значение 'смотреть на кого-, что-л., выпялив глаза'.

13А. «Бутафор **выкатил** на сцену старенький велосипед с облупленной рамой» (Булгаков).

13В. «Обижали, будя! — тряхнулся он и **выкатил** кровавые **глаза**. — У меня за господами попропадало! попили моей крови!..» (Шмелев); «Лариосик тяжело вздохнул у дверей и **выкатил** мутные **глаза**. «Вот оно, у каждого свое горе», — прошептал он» (Булгаков).

13С. «Мышлаевский вдруг побагровел, швырнул карты на стол и, зверски **выкатив глаза** на Лариосика, рывкнул: «Какого же ты лешего мою даму долбанул? Ларион?!» (Булгаков); «Глыбообразный [человек] споткнулся на слове, **выкатил** кровавые **глаза** на дверь кухни, распахнувшуюся с треском, откуда из-за толстой засаленной портьеры выскочил пожилой испуганный официант в грязном переднике...» (Бондарев).

14А. «Гвоздев гордо **выпятил** грудь...» (Горький; Б); «Человек... недавно прошел мимо него, гордо **выпятив** свой живот» (Ковальджи, пер. с рум.).

14В. «Маланья, прислуживавшая им [Свентицким] девка, с **выпяченными глазами** прибежала с известием, что Петра Николаевича убили и бросили в овраге» (Л. Толстой; Б).

14D. «Г о л у б к о в. А где же она, где Серафима? Ч а р н о т а. Тут она. Придет. Мужчин пошла ловить на Перу. Г о л у б к о в.

Что?! Ч а р н о т а. Ну чего ты на меня выпятился? Сдыхаем с голоду. Ни газырей, ни денег» (Булгаков); «И тут оба [полковник и Студзинский] выпятились друг на друга» (Он же).

Особого разговора заслуживает четырнадцатая строка, отсутствовавшая в первоначальном варианте таблицы⁸, хотя глаголы **выпятить, выпатиться** и упоминались в ней⁹. Отчего эти глаголы и глаголы **выставить, открыть, сузить, распялить, драть, разодрать, ежить, жмурить, прижмурить, сожмурить, округлить, разлепить, раскрыть, распахнуть, расширить** и др. (которые мы опускаем ввиду ограниченности объема статьи) не попали в таблицу? Оттого, что вначале отбор материала носил во многом случайный характер: многие глаголы «не приходили в голову», «не привлекали внимания», «не попадались на глаза» и только таблица (и заложенная в ней концепция) сделала поиск примеров целенаправленным; она изменила наше видение материала. Субъективно в данном случае мы столкнулись не столько с научным предвидением, сколько с научным прозрением после научной слепоты. Восприятие — результат взаимодействия субъекта и объекта. Для того чтобы найти, надо знать, что ищешь. По сути дела, мы имеем два способа обнаружения фактов действительности и доказательства их существования: теоретический и эмпирический (экспериментальный). Для физиков возможность как экспериментального, так и теоретического доказательства существования объекта давно уже азы, тогда как для лингвистов до сих пор едва ли не откровение.

Материал таблицы свидетельствует: деривационная модель $B > C$ имелась (в текстах «низкого стиля») уже в последней четверти XVIII в., а $C > D$ — во второй половине XIX в.

Из таблицы следуют и теоретические выводы.

1. Описание лексико-семантической системы состоит в описании деривационных и парадигматических связей ЛСВ. При этом ведущим оказывается деривационный фактор, а парадигматический определяется им, по отношению к нему и для него. Синтагматический фактор является не чем-то самостоятельным, а внешней стороной парадигматического фактора.

2. Поскольку язык — это не *ergon*, а *energeia*, то он всегда «больше» речи, его потенции всегда больше его реализаций. В связи с этим рассуждения о постепенном вхождении в язык тех или иных ЛСВ представляются правомерными лишь в тех случаях, когда речь идет об иносистемных ЛСВ, чуждых данному состоянию языка, деформирующих систему, ведущих — в перспективе — к ее преобразованию. Все же остальные ЛСВ, поскольку они предсказываются системой языка и выводятся из нее, должны признаваться фактами языка, хотя бы они были употреблены только один раз. Можно ли говорить о «постепенном вхождении в язык» единиц, уже в нем содержащихся? Показанием языка следует отдавать предпочтение перед показа-

ниями речи, ибо речь случайна, неполна, фрагментарна, а система языка закономерна, полна и целостна.

3. Сочетаемость ЛСВ — это один из его деривационных способов. Поэтому изменение синтаксической сочетаемости ЛСВ при семантической деривации должно изучаться не синтаксисом, а лексикологией, частью которой является лексико-семантическая дериватология.

4. Лексикология должна избавиться от словарного фетишизма и начать описывать лексику на тех же основаниях, что и прочие языковые уровни: на фонологическом уровне мы отвлекаемся от различий в звучании ради тождества смысловозначительной функции; на морфемном уровне мы также отвлекаемся от различий в материальном облике морфем ради их семантического тождества; на синтаксическом уровне — от лексического наполнения фраз ради их коммуникативного тождества. Так же мы должны отвлекаться от материальных способов передачи лексического значения ради тождества номинативной функции единиц. Поэтому глагольными единицами лексико-семантической системы должны быть признаны однозначные глаголы, ЛСВ многозначных глаголов, так называемые «нулевые» глаголы — лексико-синтаксические окружения глаголов, передающие глагольную семантику в отсутствие самого глагола: «Офицер — из пистолета, Теркин — в мягкое — штыком» (Твардовский) — и фразеосочетания, номинативно эквивалентные однозначным глаголам или ЛСВ многозначных глаголов.

5. Лексико-семантическая система — это совокупность ЛСВ, объединенных деривационными и деривационно-релевантными семантическими связями и характеризуемых разной вероятностью появления в речи. Чем выше вероятность, тем выше системная значимость (ценность) данной единицы.

6. Деривационная модель состоит из требований к производящему и требований к производному; в ней выделяются постоянная и переменная части. Благодаря переменной части поддерживается взаимосвязанность однокоренных слов; постоянной части — взаимосвязанность неродственных слов; благодаря деривационным моделям в целом обеспечивается взаимосвязанность всей лексико-семантической системы языка, а также языковых уровней.

7. Путь к постижению закономерностей лексико-семантической системы лежит через признание тесной взаимосвязанности лексики и фразеологии, лексикологии и лексической дериватологии (словообразования в широком смысле), межсловной (аффиксальное словообразование) и внутрисловной (семантическое словообразование, по В. М. Маркову¹⁰) деривации, через признание ЛСВ центральной единицей лексико-семантической системы и осознание того, что многозначное слово является полным деривационным аналогом словообразовательного гнезда, составляя с ним единое целое.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

¹ Степанов Ю. С. Область лингвистических импликаций как сфера предвидения в языке. М., 1970. С. 3.

² Кретов А. А. Семантические процессы в лексико-семантической группе глаголов зрительного восприятия современного русского языка: Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1980. С. 104—108, 196—197.

³ Ожегов С. И. Словарь русского языка. 2-е изд. М., 1952.

⁴ Даль В. И. Словарь живого великорусского языка. М., 1978—1980.

⁵ Словарь синонимов русского языка. Л., 1975.

⁶ Толковый словарь русского языка. М., 1935—1940.

⁷ Кретов А. А. Указ. соч. С. 107—108.

⁸ Там же. 196—197.

⁹ Там же. С. 107—108.

¹⁰ Марков В. М. О семантическом способе словообразования в русском языке. Ижевск, 1981.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Сулименко Н. Е. Текстовое слово в представлении звуковой картины мира	4
Чудинов А. П. Дифференциация семного и лексико-семантического варьирования глагольной семантики	14
Миронова Н. А. Взаимодействие системы и среды как основа функционирования прилагательных	22
Орлова Н. В. Косвенные номинации ситуации эмоционального отношения (на материале высказываний о любви)	26
Нетяго Н. В. Лексико-семантическая группа и функционально-семантический класс глаголов возникновения / исчезновения	31
Черняк В. Д. Реализация семантического потенциала синонимического ряда в тексте	38
Плотникова Е. И. Экспрессивные реализации модели предложений с глаголами перемещения	47
Свиридова И. И. Бытийная лексика в художественном тексте	53
Гоголина Н. А. Глаголы личностных отношений в функционально-синтагматических рядах слов (на материале прозы А. П. Чехова)	60
Кусова М. Л. Место отрицательных предложений в деривационной парадигме предложения	66
Перфильева Н. П. Варьирование семантики слова <i>зато</i>	73
Деханова Е. К., Стеклова Т. И. Лексико-функциональный аспект слова <i>правда</i> (в незнаменательном употреблении)	79
Капленко В. Н. Функции пространственной и временной лексики в организации художественного мира стихотворения	85
Волчкова И. М. Роль возвратного местоимения в процессе развития семантики глагола	94
Кретов А. А. Научный прогноз в лексической семантике	99

Функциональная семантика слова

Редактор Л. В. Драгицкая

Техн. редактор Н. Н. Заузолкова

Сдано в набор 15.07.91. Подписано в печать 05.12.91. Формат 60×90^{1/16}. Бумага газетная. Гарнитура литературная. Усл. печ. л. 7,0. Усл. кр.-отт. 7,2. Уч.-изд. л. 7,5. Тираж 800. Заказ № 293. Цена 3 р.

Свердловский ордена «Знак Почета» государственный педагогический институт. 620219 Свердловск, ГСП-135, пр. Космонавтов, 26. Типография издательства «Уральский рабочий». 620151 Свердловск, пр. Ленина, 49.